

ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД МУССОЛИНИ

Г.С. ФИЛАТОВ

Г. С. ФИЛАТОВ

ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД МУССОЛИНИ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ“
М о с к в а • 1 9 6 8**

Эта книга рассказывает о разгроме четвертьмиллионной итальянской армии, посланной Муссолини на советско-германский фронт во время второй мировой войны.

Кем были те, кто по воле дуче отправился за тысячи километров завоевывать земли для фашистской империи? Каковы были их мысли и чувства? Как случилось, что, придя в Россию союзниками гитлеровцев, они вернулись домой, полные ненависти к фашизму?

Мемуары участников событий, их письма и дневники, документы итальянского генерального штаба и архива Советской Армии, беседы автора с солдатами и офицерами, пережившими разгром экспедиционных сил, дали возможность ответить на эти вопросы.

Рецензент *С. И. ДОРОФЕЕВ*

ВВЕДЕНИЕ

Итальянский фашизм потерпел крах в июле 1943 года, когда военные операции на основных фронтах еще были в разгаре и «европейская крепость» — фашистская Германия — продолжала держаться. Военная экономика Италии, несмотря на все автаркические потуги правительства Муссолини, оказалась неподготовленной к серьезной войне, армия терпела одно поражение за другим, итальянские солдаты отказывались воевать за чуждые им цели «воссоздания Римской империи»...

Участие в войне против Советского Союза явилось самой безрассудной авантюрой итальянского фашизма.

В феврале 1939 года Муссолини изложил на заседании «большого фашистского совета» свой план ведения войны. Географическое положение Италии, говорил он, делает страну пленницей Средиземного моря и определяет ее задачу: добиваться выхода к океанам. Италия не имеет территориальных притязаний на континенте, «за исключением Албании». Сломав заградительную решетку Суэца и Гибралтара, она безудержно двинется к Индийскому и Атлантическому океанам. Гитлеровская Германия является ее естественным союзником: она должна обеспечить континентальные тылы Италии. Что касается методов ведения войны, то Муссолини в то время планировал «параллельную войну», в которой Италия, идя по стопам более сильного хищника и действуя независимо, будет добиваться собственных целей.

Все эти расчеты вскоре превратились в прах. Правда, напав на агонизирующую Францию, Муссолини, казалось, был близок к цели добиться места за столом мирной конференции малой кровью, однако уже кампания против Греции знаменовала собой провал планов «параллельной

войны». Послав свои войска на Балканы, дуче отошел от «океанской стратегии» и вступил в соревнование с Гитлером на континенте, которое было немедленно проиграно и, кроме того, осложнило положение дел в Африке. Фашистской Италии пришлось не только смириться с участием немецких войск в расправе над Грецией, но и согласиться на посылку бронетанкового корпуса Роммеля в Африку, для того чтобы «поход на Египет» не обернулся полным поражением.

К тому времени, когда фашистская Германия, напав на Советский Союз, начала свою «главную» войну, Муссолини уже полностью находился в плену «континентальной стратегии» Гитлера. И, хотя с военной точки зрения было абсурдом посылать итальянцев на Восточный фронт, Муссолини решился на это, стремясь удержаться в роли равноправного партнера. В 1942 году 10 из 60 итальянских дивизий, находившихся за пределами Апеннинского полуострова — «цвет итальянской армии», как называли их фашистские газеты, маршировали к Сталинграду.

В послевоенные годы решение Муссолини послать войска на Восток осуждали даже те, кто принадлежал к партийной и государственной верхушке фашистской Италии. Однако в июне 1941 года не нашлось никого, кто бы предостерег дуче от рокового шага, причем это нельзя объяснить лишь боязнью противоречить всеильному диктатору. Экспансионистские авантюры Муссолини, какие бы фантастические и нелепые формы они ни принимали, шли в одном направлении с империалистическими вождениями итальянских правящих групп. В 1941 году министр по делам военной промышленности Фавагросса даже подсчитывал, как скоро нефть Баку и уголь Донбасса смогут удовлетворить нужды итальянской военной машины; начальник генерального штаба Каваллеро предлагал пригнать на принудительные работы в Италию русских военнопленных; маршал Мессе, возглавлявший экспедиционный корпус, призывал своих солдат смелее сражаться за Украину, — «будущую житницу победителей»; экономические органы фашистского государства изучали возможности «восточных территорий» в послевоенное время.

Война против СССР была не только захватнической войной, но и «крестовым походом против большевизма».

Антикоммунизм затемнял разум даже тех представителей итальянского правящего класса, которые в глубине души сомневались в целесообразности посылки дивизий в далекую Россию. Тысячи фашистских функционеров просили Муссолини включить их в легионы чернорубашечников, направляющихся на Восток, а крупные промышленники и генералы считали, что пребывание их сыновей в России будет полезным для будущей карьеры.

Разгром армии Муссолини на Дону был не только наиболее сокрушительным военным, но и крупнейшим политическим и идеологическим поражением итальянского фашизма. Нигде вражда к фашистскому режиму и союзнику не принимала таких острых форм и не была столь широко распространена, как среди итальянских войск на Восточном фронте.

О судьбе итальянской экспедиционной армии на советско-германском фронте в Италии написано очень много, гораздо больше, чем о какой-либо другой кампании Муссолини.

«То, что написано после 1945 года, — отмечает Б. Чева, автор сборника писем итальянских солдат и офицеров, — составляет суровый и неопровержимый обвинительный акт против тех, кто несет ответственность за столь колоссальное поражение. Из множества книг об этой войне, которые мы консультировали, и с кем бы из уцелевших мы ни говорили, никогда нельзя было уловить что-либо смягчающее тяжесть ответственности руководителей, которые не только сами захотели участвовать в войне против России, но и бросили итальянскую армию в бой недостаточно оснащенной, в то время как в тылу царил самая беззастенчивая коррупция. Между тем ни один виновник никогда не был назван ни в высшем командовании, которое так громко кричало об ответственности других, ни среди политических руководителей, которые были так послушны дуче, ни среди непосредственных командиров»¹.

Возвращение к событиям, связанным с разгромом итальянской армии, необходимо не только для того, чтобы еще раз подчеркнуть преступления фашизма, несущего ответственность за бессмысленную гибель итальянских солдат, и показать роковые последствия этого похода для самого режима. Это нужно также для того, чтобы рассказать о том чувстве взаимопонимания, которое возни-

кало между итальянскими и советскими людьми, встретившимися по вине фашизма в столь трагической обстановке.

«Я, итальянский интеллигент, был поражен, — пишет участник похода М. Спинелла, — совершенно необычайной способностью солдат, которые были в своем большинстве итальянскими крестьянами, и крестьян с Дона понимать друг друга... Вначале эти контакты были полны недоверия и взаимных подозрений. Мы были захватчиками, врагами, которые несли смерть, голод и кровь в мирные поселения... Затем я видел итальянских и русских крестьян, сидящих в тени домов летом или около печи зимой и беседующих между собой. Они говорили на странном наречии, состоявшем из немногих немецких, итальянских и русских слов, жестов и знаков. Я бы сказал, что этот язык состоял главным образом из взаимного человеческого чувства, живого и непосредственного, — из ощущения бессмысленности этого конфликта, абсурдности присутствия здесь этих солдат»².

Свидетельств подобного рода очень много. Так, мы помним, как трогательно рассказывает об этом режиссер де Сантис в фильме «Итальянцы, brave ребята» (русское название «Они шли на Восток»), где показана тщетность попыток вырыть пропасть между итальянским и русским народами, взаимных симпатий которых не смогла поколебать даже захватническая идея «восточного похода» Муссолини. Показать это — одна из основных целей автора настоящей книги.

22 ИЮНЯ 1941 г. В РИМЕ И БЕРЛИНЕ

Вечером 21 июня 1941 г. министр иностранных дел Италии Чиано поздно не ложился спать: германский посол фон Бисмарк предупредил его, что ожидает из Берлина сообщение чрезвычайной важности. В полночь появился фон Бисмарк с папкой, на которой были вытиснены орел и имя фюрера: внутри лежало личное послание Гитлера. Фюрер сообщал, что он принял, «может быть, самое важное решение в своей жизни» — решение атаковать Россию.

«Мы сели на диван, — пишет начальник кабинета Чиано Анфузо в своих воспоминаниях, — и я перевел на итальянский язык гитлеровское послание. Когда Бисмарк, который следил за моим чтением по тексту, находил, что я перевожу недостаточно точно, он похлопывал меня по плечу и повторял перевод на английском языке»¹.

По окончании затянувшегося чтения Чиано поспешил к телефону, чтобы доложить о потрясающей новости Муссолини. Тем временем потомок «великого канцлера» скороговоркой добавил, что Гитлер рассчитывает окончить кампанию за восемь недель. «Он высоко поднял брови, — рассказывает Анфузо, — показывая, что это кажется ему слишком оптимистичным, и поднял их еще выше, назвав имя Розенберга. «Это он будет заниматься администрацией оккупированных областей, — прошептал мне посол. — Планы уже готовы, и это будет повторением Польши. Я задаю себе вопрос, к чему это приведет». Он не сказал, что кампания будет проиграна, но выразил свой затаенный пессимизм несколькими тяжелыми вздохами, смысл которых он предоставил мне толковать по собственному разумению»².

Было уже четыре часа утра, когда возвратившийся Чиано сообщил, что едва Муссолини услышал сообщение

своего министра, как предложил использовать итальянские войска против России. «Ему не терпится заработать в России чесотку», — комментировал слова своего тестя Чиано.

Во дворце Киджи, итальянском министерстве иностранных дел, с раннего утра началось необычное оживление: созванные в неурочный час чиновники срочно составляли дипломатические документы. Служащие протокольного отдела пребывали в большом волнении: было воскресенье — и им никак не удавалось связаться с советским послом. Лишь в 12.30 министр иностранных дел Италии встретился с представителем СССР. Заявление Чиано о том, что Италия присоединяется к агрессии гитлеровской Германии, не произвело ожидаемого впечатления, и молодой зять Муссолини был этим явно уязвлен.

Чувство разочарования испытал и итальянский посол в Берлине Альфьери. 22 июня он был разбужен телефонным звонком в четыре часа утра. Через двадцать пять минут — Альфьери пишет об этом с гордостью — его машина уже подъезжала к министерству иностранных дел Германии. В кабинете его ожидал Риббентроп, окруженный многочисленными адъютантами и секретарями: «Я имею честь сообщить вам, что сегодня в три часа утра немецкие войска перешли русскую границу...». Вернувшись в посольство и послав сообщение в Рим, Альфьери собрал своих ближайших сотрудников. «Мы обменялись впечатлениями, — пишет он, — и еще раз констатировали, что Германия поставила Италию перед свершившимся фактом, не предупредив заранее, что было ее долгом»³.

Немного погодя из Рима позвонил Чиано. Он просил расстроенного посла сообщить Гитлеру, что Италия в соответствии со «стальным пактом» считает себя в состоянии войны с Россией с трех часов утра 22 июня. Осторожный Альфьери попросил Чиано подтвердить это сообщение телеграммой. «Опыт сделал меня недоверчивым, — объясняет он, — уже были случаи, когда директивы так круто и неожиданно менялись, что я оказывался в тяжелом положении». Дождавшись телеграммы, Альфьери отправился к Риббентропу. Ему пришлось долго ожидать аудиенции: как объяснил секретарь, Риббентроп после бессонной ночи лег вздремнуть. Наконец, перед затянутым в блестящую дипломатическую форму итальянским пос-

лом появился немецкий министр иностранных дел. Он был в халате и домашних туфлях. «У него был заспанный вид и он выслушал мое сообщение, не придав ему значения», — сообщает Альфьери.

В то время как экстренные выпуски итальянских газет сообщили о «стальной решимости» союзников по «оси» «в соответствии с заранее согласованными планами» начать «крестовый поход против большевизма», Муссолини изливал своим близким негодование по поводу образа действий Гитлера. «Я не решаюсь ночью беспокоить прислугу, а он заставляет меня вскакивать с постели без всякого зазрения совести», — говорил он Чиано. «Я спрашиваю себя, — говорит он другому приближенному, журналисту д'Арома, — что такое Гитлер. В октябре прошлого года во Флоренции мы договорились о том, что сразу же после того, как будет сломлена Греция, он обрушит всю мощь своей авиации на Северную Африку. Теперь он неожиданно объявляет крестовый поход против России, хотя знает, что Япония не даст ни одного солдата и не истратит ни одного патрона против России... Это настоящее безумие, это идиотизм, сплошная импровизация!»⁴.

Чиано возвратился к событиям, сопутствовавшим вступлению Италии в войну против Советского Союза, через три года в весьма трагической для него обстановке. В январе 1944 года бывший министр иностранных дел Италии находился в сырой камере Веронской тюрьмы, ожидая расстрела за участие в свержении Муссолини 25 июля 1943 г. Надежды на спасение не было — на расправе со своим личным врагом настаивали Гитлер и Риббентроп, и Чиано решил излить свою ненависть к немцам и Муссолини на бумаге.

Его предсмертная записка стала предисловием к изданным после войны дневникам: «Во время итальянского нейтралитета и когда Италия вступила в войну, политика Берлина по отношению к нам была сплошной цепью вранья, интриг и обманов. С нами всегда обращались не как с партнерами, а как со слугами. Все действия предпринимались за нашей спиной, обо всех решениях, даже самых важных, нам сообщали, когда дело было уже сделано. Только подлая трусость Муссолини позволяла без возражения переносить это и делать вид, что все остается незамеченным. О нападении на Россию нам сообщили

через полчаса после того, как войска райха перешли восточную границу. А речь шла вовсе не о второстепенном событии... За неделю до этого, 16 июня, я был с Риббентропом в Венеции. Мир полнился слухами о предстоящей агрессии против Страны Советов, хотя чернила, которыми был подписан договор о дружбе, еще не совсем высохли. Я спросил об этом моего коллегу по оси, когда мы ехали в гондоле из отеля Даниели. „Дорогой Чиано, — ответил с хорошо продуманной медлительностью Риббентроп, — я еще ничего не могу вам сообщить. Любые решения скрыты в непроницаемой груди фюрера. Во всяком случае одно можно сказать с уверенностью: если мы атакуем, то Россия через восемь недель будет стерта с географической карты”. Из этих слов можно было заключить, что к большой доле вероломства по отношению к Италии следовало добавить столь же значительную дозу непонимания реального положения вещей, достаточную во всяком случае, чтобы проиграть войну»⁵.

Для того чтобы разобраться в том, насколько обоснованным было негодование руководителей внешней политики Италии, следует вернуться немного назад. Если Гитлер и его приспешники тщательно скрывали от Муссолини дату нападения на Советский Союз, то это не значит, что война против Страны Советов была для Муссолини неожиданностью.

«Крестовый поход» против коммунизма был давнишней мечтой дуче. Об этом счел нужным напомнить официальный журнал «Вита итальяна» в связи с вступлением Италии в войну против Советского Союза: «В войне против СССР — войне, которую ведет ось, — Италия стоит на первой линии плечом к плечу с райхом. Отправка итальянского экспедиционного корпуса на русский фронт символизирует присутствие Италии на передовой линии с военной точки зрения; она в то же время демонстрирует братство по оружию и итальянскую военную мощь. Но если такое различие возможно, мы хотели бы сказать, что Италия была первой в борьбе против большевизма с политической точки зрения; это — линия 1919 года, и она, как сказал в свое время Муссолини, является „нашим старым знаменем”»⁶.

Муссолини даже напоминал Гитлеру о необходимости не забывать про «главную задачу фашистских госу-

дарств». В письме к Гитлеру от 3 января 1940 г. он писал в наставительном тоне: «Фюрер, вы не можете оставить антисемитское и антибольшевистское знамя, которое вы держали на протяжении двадцати лет... Разрешение вопроса о жизненном пространстве Германии лежит в России, и нигде более»⁷.

Убеждение в том, что Гитлер нападет на Советский Союз, Муссолини сохранял всегда и не скрывал этого. Выступая на заседании совета министров в сентябре 1940 года, он советовал своим приближенным хорошо помнить о том, что столкновение стран «оси» с Советской Россией неизбежно. Правда, он выражал надежду, что это произойдет между 1945 и 1950 годом, когда, по его мнению, Италия будет готова к «большой войне».

Высокопарные слова и уверения в дружбе, которыми обменивались оба диктатора, не исключали взаимной подозрительности и попыток любыми средствами узнать тайные намерения своего партнера. В январе 1941 года через одну неаполитанскую даму, в которую был влюблен полковник немецкого генерального штаба, Муссолини стало известно содержание совершенно секретного документа. Документ этот, помеченный 18 декабря 1940 г., содержал общие замечания Гитлера по разработке «плана Барбаросса». В нем, в частности, говорилось, что Германия рассчитывает на активное участие в войне против Советского Союза, Финляндии и Румынии, и указывалось, в каких формах это участие должно осуществляться. Говорилось также о возможном участии Венгрии. Об итальянских войсках в документе даже не упоминалось. Муссолини был поражен таким пренебрежением.

Весной 1941 года сведения о подготовке германской агрессии против Советского Союза, поступавшие в Рим, становились все более настойчивыми. 14 мая Чиано записал в свой дневник, что, по сообщению начальника военной разведки, атака против России решена и начнется 15 июня. «Это может быть. Но это опасная игра. И, на мой взгляд, без точной цели. История Наполеона повторяется», — так комментировались им эти сведения.

30 мая Муссолини вызвал начальника генерального штаба Каваллерио и сообщил, что предвидит возможность конфликта между Германией и Россией. «Италия не может остаться в стороне», — сказал он и приказал подготовить три дивизии⁸.

2 июня 1941 г. Гитлер и Муссолини встретились в Бреннере. Точное содержание бесед между ними осталось неизвестным. Известно только, что во время встречи Муссолини всячески пытался выяснить намерения Гитлера. Однако Гитлер ограничился самыми общими декларациями, и Чиано со злорадством отмечал, что Муссолини «остался с носом».

В 1940 году Муссолини, не предупредив фюрера, начал «свою собственную войну» против Греции. Теперь Гитлер расплачивался той же монетой. Это объяснение соответствует общему духу отношений между главами фашистских государств. Кроме того, фюрер не считал Италию достаточно сильным союзником в войне против Советского Союза. Несомненно и другое — скрытность (по словам итальянцев, «вероломство») гитлеровцев была вызвана также сомнением в способности окружения Муссолини сохранить тайну.

Гитлер имел широкую сеть осведомителей во всех слоях римского общества. Он прекрасно знал об антинемецких настроениях министра иностранных дел Италии. Не менее хорошо была известна несдержанность зятя Муссолини на язык. Все это заставляло немцев особенно опасаться Чиано. Гитлер специально советовал дуче не сообщать ничего о своих планах в итальянское посольство в Москве, маскируя свое недоверие к итальянскому министру иностранных дел фразой: «Возможно, наши секретные сообщения дешифруются».

Тем временем сообщения о грядущих событиях становились все более настойчивыми. 15 июня в Рим со специальным докладом прибыл военный атташе в Берлине генерал Маррас. На приеме у Муссолини он заявил, что, по его сведениям, нападение Германии на Россию — дело ближайших недель. Он даже назвал главные стратегические направления — Ленинград, Москва, Одесса. Это, правда, не было большим откровением, так как достаточно было бегло взглянуть на географическую карту. Однако в устах Марраса это сообщение приобретало силу достоверности.

21 июня в Риме не было сомнений насчет того, что нападение на Советский Союз следует ожидать со дня на день. В этот день Муссолини позвонил Каваллеро и предупредил, что движение на Восток вот-вот начнется. «Говорят, уже готов специальный поезд для фюрера», —

сообщил дуче в подтверждение своих сведений. В этот день Каваллеро отметил в своем дневнике: «Ускоряю подготовку экспедиционного корпуса».

Вечером того же дня Чиано сделал запись, которая свидетельствует о том, что привычка критически подходить к действиям Гитлера позволяла ему более реалистично, чем многим другим представителям фашистской верхушки, оценивать положение: «Многочисленные признаки говорят о том, что начало операций против русских теперь близко,— писал он.— Идея войны с Россией сама по себе полезна, ибо дата краха большевизма будет одной из выдающихся дат в истории цивилизации. Но мне не нравится это как симптом. Поскольку не хватает ясной и убедительной мотивировки, обычное объяснение сводится к тому, что речь идет о попытке найти выход из ситуации, которая развивается не так, как это предполагали... Каков будет ход войны? Немцы думают, что в течение восьми недель все закончится, и это возможно, так как военные расчеты Берлина всегда были более точными, чем политические. Но если этого не случится? Если Красная Армия окажет сопротивление более стойкое, чем армии буржуазных государств? Какова будет реакция в широких пролетарских массах всего мира?»⁹

Ночное сообщение немецкого посла в Риме вывело итальянских руководителей из состояния напряженного ожидания. В послании Гитлера, которое передал немецкий посол, не содержалось никаких обвинений против Советского Союза. Не содержалось там и соображений идеологического порядка. Гитлер рассуждал как откровенный завоеватель, для которого на первом месте стоят захватнические соображения. Англия побеждена, писал он, но не желает признать себя таковой до тех пор, пока имеется надежда на получение помощи союзников. После падения Франции такими союзниками могут быть только США и Россия. Поэтому следует ликвидировать Россию, бросив против нее все силы. Тогда судьба войны будет решена. Не скрывал Гитлер и грабительских целей, которых он надеялся достичь: «Война на Востоке будет, безусловно, тяжелой, но я ни на минуту не сомневаюсь в ее полном успехе. Я особенно надеюсь, что нам таким образом удастся на долгое время превратить Украину в общую базу военного снабжения, которое, возможно, нам понадобится...».

Наиболее неожиданной и неприятной для Муссолини была та часть послания, которая касалась итальянского участия в войне. «Генерал Маррас сообщил,— писал Гитлер,— что вы, дуче, предоставите в распоряжение по крайней мере экспедиционный корпус. Если таково ваше желание, я его, безусловно, принимаю с сердечной благодарностью,— то у вас будет достаточно времени для его осуществления, учитывая, что на столь обширном театре военных действий продвижение не может происходить одновременно. Однако решающую помощь, вы, дуче, сможете оказать, увеличивая ваши силы в Северной Африке»¹⁰.

Из слов Гитлера было совершенно ясно, что он охотно обошелся бы без итальянских войск. Было также очевидно, что он хотел бы закончить войну до того, как итальянцы придут на фронт. «Этого не было сказано в документе, но было настолько очевидно, будто это было написано»,— записал по этому поводу начальник кабинета итальянского министра иностранных дел Анфузо. Точно так же интерпретировал послание Гитлера сам Чиано.

Рассуждения Гитлера опирались на здравый смысл. Действительно, у Италии был свой театр военных действий в Северной Африке и она там терпела такие неудачи, что была вынуждена просить помощи у немцев. Военное производство Италии испытывало трудности, командные кадры ее армии были слабыми, а солдаты плохо обучены. Логически она должна была сосредоточить все силы на Средиземном море, которое Муссолини считал главным объектом своих походов.

Дуче делал вид, что он не понимает советов Гитлера. Сообщая о решении Муссолини послать войска в Россию, Чиано напоминал итальянскому послу в Берлине: «Постарайся добиться согласия. Здесь этого ждут с большим нетерпением». Чиано подчеркнул слово «здесь», и было ясно, что под ним следовало понимать Муссолини.

Что же заставляло главу итальянского фашизма при первых слухах о подготовке Гитлером нападения на Советский Союз позаботиться о готовности экспедиционного корпуса? В официальных выступлениях Муссолини делал упор на идеологическом характере войны, подчеркивая, что фашистская Италия считает своим долгом участвовать в походе против коммунизма. Этот же мотив он широко использовал во время переговоров с Гитлером. «Ва-

ше решение взять Советскую Россию за горло вызывает у нас энтузиазм», — писал он в ответ на сообщение Гитлера о начале войны.

Официальная пропаганда получила указание срочно извлечь на свет лозунг верности фашистской Италии «старому знамени антикоммунизма», сданному в архив в годы действия германо-советского пакта. Не имея возможности дать вразумительные объяснения агрессии против Советского Союза, фашистские писаки прибегли к невероятной смеси риторики, мистицизма и вульгарных домыслов. Так, Паскуале Пеннизи писал в журнале «Вита итальяна»: «Никакая другая война не может принести того ощущения спокойствия, как эта, и никакой другой взрыв насилия не способен найти столь полного отзвука в сознании, как этот высший акт справедливости... Теперь, когда наше старое знамя антибольшевизма опять развевается во главе батальонов, духовная, идеологическая, политическая и военная перспективы стали ясными и очевидными. Для Духа объявление войны Советскому Союзу явилось актом освобождения. А для Революции это радостное освобождение Духа, эта абсолютная ясность позиций явилась лучшей перспективой для марша вперед во время войны и после нее».

Далее автор статьи серьезно заявлял, что в военном плане СССР является «придатком Британской империи», а в политическом — «большевизм представляет собой окончательную логическую трансформацию демолиберализма, официальное название которого — иудаизм». Трудно поверить, что нагромождение этих нелепостей могло служить какой-либо аргументацией, но именно так изъяснялся в июле 1941 года внешнеполитический официоз фашистской Италии.

Смешно было бы искать в пропагандистских тезисах обоснование истинных мотивов действия фашизма. Мотивы идеологического «крестового похода» имели определенное влияние на внешнюю политику Италии — это вытекало из самой сущности фашистского режима. Однако они объясняли в первую очередь юридический акт присоединения Италии к агрессивной войне против Советского государства, а не поспешность, с которой Муссолини стремился послать своих солдат на Восток. Причины, заставлявшие Муссолини так торопиться, были обусловлены соперничеством двух империалистических хищников.

Как известно, Италия не вступила в войну, когда Гитлер напал на Польшу. И произошло это не из-за недостатка воинственного пыла у руководителей, но от сознания несвоевременности вступления Италии в «большую войну». Во время заключения «стального пакта», в мае 1939 года, Муссолини вручил Гитлеру специальный меморандум с просьбой о трехлетней отсрочке, после которой страна сможет участвовать в войне против «плутократических» государств.

Вынужденное состояние «невоюющей» стороны, в котором находилась Италия с сентября 1939 года, чрезвычайно раздражало Муссолини. Он с нескрываемой завистью наблюдал за действиями Гитлера; нетерпение Муссолини перешло в лихорадочное возбуждение, когда гитлеровские дивизии вторглись на территорию Франции. 11 июня итальянские войска получили приказ напасть на агонизирующую Францию. «Мне нужно несколько тысяч убитых для того, чтобы обеспечить себе место за столом мирной конференции», — так объяснил Муссолини свое решение.

В сентябре Муссолини отдал приказ о наступлении на Египет: эта война должна была «принести Италии славу, о которой она тщетно мечтала на протяжении многих веков». В октябре того же года, стремясь уравновесить успехи Гитлера в Европе, Муссолини напал на Грецию: «Мы ломаем Греции ребра», — громогласно заявил дуче. Однако ни «сломать Греции ребра», ни въехать на белом коне в Каир Муссолини не удалось. Более того, в обоих случаях пришлось прибегать к помощи немецких войск, для того чтобы избежать тяжелого поражения. Муссолини быстро нашел причину неудач итальянской армии: «Дело в том, что человеческий материал, с которым я работаю, ничего не стоит, — говорил он Чиано. — Надо признать, что итальянцы 1914 года были лучше нынешних. Это неутешительный результат для фашистского режима, но это так».

Тем не менее Муссолини не оставлял надежды на успех в соревновании с Гитлером. Для усиления позиции фашистской Италии после победы — а в этой победе в тот момент Муссолини не сомневался — необходимо было участие в войне на Восточном фронте. Об этом дуче говорил на первом после нападения на СССР заседании совета министров (5 июля 1941 г.). «В ночь на 22 ию-

ня, — сказал Муссолини, — Гитлер передал мне послание с сообщением о том, что он принял решение атаковать Россию. Это — историческое решение, и я сразу осознал его серьезность и значение, которое оно имеет для будущего Германии и Европы: последствия этого решения будут ощущаться на протяжении веков».

Тут Муссолини сделал театральную паузу, во время которой министры (ни один из них не был не только проконсультирован, но даже предупрежден о решениях дуче) не смели пошевелиться. Затем он продолжал: «Перед лицом этих грандиозных событий, способных изменить судьбу Европы и всего мира, Италия не может отсутствовать на новом фронте и должна активно участвовать в новой войне. Поэтому я отдал приказ немедленно послать в Россию три дивизии — они будут на фронте в конце июля. За ними последуют еще три дивизии, которые сейчас готовятся. Я задал себе вопрос: успеют ли наши войска прибыть на поле боя до того, как судьба войны будет решена и Россия будет уничтожена? Обуреваемый сомнениями, я вызвал германского военного атташе генерала Ринтелена и задал ему этот вопрос. Я получил от него заверения, что итальянские дивизии придут вовремя, чтобы принять активное участие в боевых действиях»¹¹.

Речь шла о борьбе за передел мира, о дележе военной добычи. Муссолини было достаточно ясно, что обещания Гитлера превратить Украину в «общую базу продовольственного и военного снабжения» останутся пустым звуком, если соотношение сил внутри фашистского блока не позволит Италии настаивать на своей доле. Присутствие итальянских дивизий должно было обеспечить это.

Расчеты Муссолини разделяли представители монополистических кругов, которые стояли за кулисами захватнических походов итальянского фашизма. Не случайно наиболее откровенно о планах, связываемых с участием Италии в войне на Востоке, высказался министр военного производства генерал Фавагросса, который в силу своего служебного положения был тесно связан с промышленными магнатами. 21 июня 1941 г., то есть когда война против Советского Союза еще не была объявлена, он был на приеме у Каваллеро. Речь шла о недостатке металла для нужд военной промышленности.

«В скором времени дело должно улучшиться, — заявил Фавагросса, — ведь до зимы русский вопрос будет решен и мы получим доступ к богатейшим ресурсам». Каваллеро не возражал поправить состояние военной промышленности за счет будущих захватов, но, имея большой опыт сотрудничества с гитлеровской верхушкой, был настроен скептически. Он посоветовал министру не очень рассчитывать на ресурсы России, «так как большая часть добычи попадет к немцам».

Алчные вождедения итальянских правящих кругов находили отражение даже в официальных документах. Воодушевляя солдат на «ратные подвиги», командующий итальянским экспедиционным корпусом обратился к ним со следующим приказом: «Я вижу, как вы смело и решительно пересекаете румынскую границу, двигаетесь по неустроенным дорогам Бессарабии, ценой огромных усилий продвигаетесь в глубь необъятных просторов плодородной Украины, которая завтра станет житницей победителей...»¹²

Относительно исхода «восточного похода» у подавляющего большинства представителей итальянской верхушки в то время не возникало особых сомнений. Фраза о восьми неделях, которые фюрер считал достаточными для достижения победы, без конца повторялась гитлеровскими чиновниками своим итальянским коллегам и действовала на них гипнотически.

23 июля 1941 г. Чиано записал в свой дневник: «Каваллеро, который беседовал с дуче в Риччоне, считает, что немцы легко могут одержать решающую победу. Он считает, что вооруженные силы большевиков рассеются, вызвав всеобщий крах». Заместитель Каваллеро — генерал Дзанусси пишет в своей книге¹³, что вначале он сомневался в реальности немецких планов относительно России. Однако первые успехи немцев рассеяли его сомнения.

Что касается собственных источников информации итальянской верхушки, то они были весьма скудными и позволяли строить самые оптимистические прогнозы. А. Валори, который был весьма близок к руководству итальянской фашистской армии, пишет, что мнение о слабости СССР, основанное на донесениях итальянских дипломатов, распространилось весьма широко.

Безотчетная уверенность Муссолини и его окружения

в силе немецкого оружия была столь велика, что даже доставляла им беспокойство. Муссолини боялся как бы не повторилась история с Францией, когда Италия вмешалась слишком поздно. «Не опоздают ли мои войска в Россию?» — с тревогой спрашивал он немецкого военного атташе и торопил начальника генерального штаба с подготовкой экспедиционного корпуса. Лихорадочная суетливость итальянских руководителей была бы даже комичной, если могут быть комичными действия, связанные с жизнью десятков тысяч людей. В частности, итальянский посол в Германии Альфьери во время проводов экспедиционного корпуса обратился к стоящему с ним рядом немецкому генералу: «Эти солдаты успеют прибыть вовремя, чтобы принять участие в каком-либо крупном сражении?». Гитлеровский генерал в изумлении скосил глаза и ответил вопросом на вопрос: «Это ваша единственная забота, господин посол?».

Лишь итальянские антифашистские партии в то время разоблачали преступность намерений Муссолини и указывали на их пагубность для страны. По инициативе коммунистов руководители демократической эмиграции вскоре после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз обратились к итальянскому народу с призывом: «Итальянцы! После шести лет непрерывной войны — авантюры в Абиссинии, агрессии в Испании, вторжения в Албанию, позорного нападения на Францию и войны с Англией, после вторжения в Грецию и шести месяцев кровавых, позорных, бесславных сражений в Албании и Эпире, после совместного с нацизмом уничтожения независимости Югославии — после всего этого Муссолини поставил свою подпись под приказом Гитлера о войне против Советского Союза, вовлек страну в самое преступное, гибельное и антинациональное деяние и послал итальянские дивизии против народов, которые всегда были и являются нашими друзьями»¹⁴. Представители Итальянской коммунистической партии, Социалистической партии и движения «Справедливость и свобода», подписавшие воззвание, выражали свою уверенность в победе СССР и союзных с ним стран и указывали, что эта победа будет победой дела независимости и демократии, победой Италии и ее освобождением.

Можно с уверенностью сказать, что объявление войны Советскому Союзу было в Италии одним из самых

непопулярных среди населения мероприятий фашизма. Но Коммунистическая партия, единственная сила, сохранившая подпольную организацию в стране, в тот период была ослаблена непрерывными арестами. Значительная часть населения, оглушенная звуками медных труб фашистской пропаганды, продолжала еще верить в непобедимость Германии, в то, что вермахт способен восполнить слабость итальянской армии.

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОРПУС ЕДЕТ НА ВОСТОК

На мосту Бассано черные знамена,
Траурные стяги — вестники смертей.
На войну собрались юноши-альпийцы,
Двигутся навстречу гибели своей.

*(Песня итальянских
альпийских стрелков).*

Ко времени вступления Италии во вторую мировую войну в боевом расписании ее армии числилось 67 дивизий. Из них 43 — пехотные и 24 — «специальные»: бронетанковые, моторизованные и «подвижные». Но только 16 дивизий были полностью вооружены и экипированы, хотя и не укомплектованы личным составом. Оружие солдата ограничивалось винтовкой образца 1891 года, штыком-кинжалом и гранатами, боевая эффективность которых была почти равна нулю. В отличие от армий большинства стран итальянские дивизии были двухполковыми и скорее напоминали пехотные бригады, усиленные артиллерией и другими видами дивизионного вооружения. Все это затрудняло маневр в глубину и ограничивало способность итальянских дивизий к созданию эшелонированной обороны. Как острили в среде итальянских военных, единственное преимущество двухполковых дивизий заключалось в создании большого количества генеральских должностей.

Артиллерия итальянской армии калибром 75 и 100 мм состояла из орудий устаревшего образца — образца времен первой мировой войны, часть которых досталась в наследство от австрийской армии. Бронетанковые силы насчитывали 1500 танков — большей частью это были трехтонные танкетки, уязвимые даже для стрелкового оружия и прозванные солдатами «спичечными коробками». Так называемых средних, 11-тонных танков было всего 70, а единственный образец тяжелого танка увидел свет весной 1943 года, то есть в канун капитуляции Италии.

Авиация, которую Муссолини называл «оружием фашистского режима», насчитывала 2586 самолетов раз-

личных типов, но только 1190 из них находились в состоянии боевой готовности. По своей скорости, вооружению и радиусу действий итальянские самолеты уступали иностранным образцам. Месячное производство самолетов колебалось между 150 и 180 единицами, и лишь в 1943 году оно достигло 250 самолетов в месяц.

Наиболее уязвимым местом итальянской армии было отсутствие запасов сырья для военной промышленности: по основным видам материалов они составляли не более месячной потребности. Так, по расчетам итальянских военных специалистов, необходимый минимум снарядов для артиллерии мог быть создан только к 1944 году, запас мин для пехотных минометов — к 1947 году, а боеприпасов для стрелкового оружия — к 1949 году.

За год, прошедший с момента нападения на Францию до присоединения к агрессии против Советского Союза, положение в итальянской армии не изменилось, поэтому посылка даже одного корпуса на новый фронт была довольно затруднительна для Италии. Тем более что этому корпусу предстояло действовать совместно с лучшими дивизиями гитлеровской армии, хорошо моторизованными и натренированными в молниеносных походах.

Но Муссолини по-своему заботился о национальном престиже: 15 июня, когда впервые зашел разговор о подготовке экспедиционного корпуса, он сам наметил его состав — бронетанковая дивизия, механизированная дивизия и дивизия гренадеров. Гренадеры входили в корпус, которым командовал король, и на этом основании не пользовались расположением дуче. Однако в этом случае Муссолини решил поступиться личными симпатиями. «Гренадеры высокого роста, — сказал он. — Они хорошо представят нашу расу».

Однако жизнь заставляла вносить коррективы в предначертания дуче. На совещании, созванном вскоре в генеральном штабе, выяснилось, что подготовить бронетанковую дивизию, достойную подобного названия, не представляется возможным. Итальянские генералы справедливо рассудили, что трехтонные танкетки с бензиновым мотором не идут ни в какое сравнение с сорокатонными немецкими и пятидесятитонными русскими танками. Кроме того, было очевидно, что гренадерская дивизия, столь хорошо выглядевшая на военных парадах, по уровню механизации и вооружения совершенно не подходит

для современной войны: высокий рост солдат этой дивизии не мог компенсировать отсутствие автомашин. В итоге было принято решение включить в состав экспедиционного корпуса две механизированные дивизии «Пасубио» и «Торино» и дивизию «Челере», носившую имя принца Амедео герцога Аосты. Кроме того, корпусу придали авиационную группу, состоявшую из транспортных самолетов и эскадрильи истребителей.

Все эти дивизии были приданы армии «По», созданной в 1938 году в качестве «ударной армии немедленного использования». Армия оснащалась наиболее современным вооружением, а ее штаты были укомплектованы в соответствии с требованиями военного времени. Фашистская пропаганда не колеблясь называла эту армию «самым потрясающим современным соединением», которое сочетает в себе «максимум огневой мощи и подвижности». Газеты называли ее «жемчужиной итальянской армии», рожденной «концепцией молниеносной войны Муссолини». Однако А. Валори, присутствовавший на предвоенных маневрах, вспоминает, как во время наступления танки шли в атаку в колоннах: было ясно, что экипажи не были обучены действовать в развернутом строю. Это зрелище вызвало немалое веселье среди иностранных военных атташе.

Разумеется, итальянский генеральный штаб делал все возможное, чтобы послать в Россию лучшее, чем располагала итальянская армия: таковы были указания Муссолини, и дуче сам следил за ходом подготовки корпуса. 30 июня Муссолини получил долгожданный ответ от Гитлера. В этом послании фюрер делился первыми впечатлениями о ходе операций на Востоке. Гитлер не скрывал, что сопротивление русских оказалось сильнее, чем предполагалось. «Русские солдаты сражаются фанатически», — отмечал он и сообщал, что наличие у русских 54-тонных танков явилось для немецкого генерального штаба полной неожиданностью. «Я с благодарностью принимаю ваше благородное предложение послать экспедиционный корпус и истребительную авиацию на восточный театр военных действий», — сообщал Гитлер Муссолини. В этом же письме указывался маршрут, по которому предстояло продвигаться итальянским эшелонам: Бреннер — Инсбрук — Зальцбург — Вена — Братислава — Будапешт и далее через Венгрию и Молдавию. Насчет предполага-

емого использования корпуса были даны самые общие сведения. Зато в конце письма Гитлер делал Муссолини весьма заманчивое предложение встретиться на Восточном фронте, что крайне польстило самолюбию дуче.

1 июля на рабочем столе Муссолини лежал полный отчет о ходе подготовки дивизий. Каваллеро докладывал, что он «приложил максимум усилий», для того чтобы «подобрать части и командный состав, следуя строгим критериям профессиональной пригодности и соответствия поставленным задачам». В докладе подробно перечислялись сведения о вооружении и снабжении корпуса. Прочитав доклад, Муссолини сделал на нем замечание красным карандашом: «Четыре тысячи шестьсот мулов? Это слишком много для трех современных дивизий. Если 5500 автомашин способны перебрасывать только 1 дивизию, а не 2, как это предусматривалось, то этого слишком мало. На этот раз я не потерплю никаких „приблизительно“. Нужно отдать все! Мы победим! Муссолини».

Ценность указаний «первого маршала империи» не превышала ценности автографа, ибо его железная воля, столь решительно проявлявшаяся на бумаге, не могла преодолеть слабости военной промышленности. Значительное количество транспорта итальянская армия уже потеряла в Греции и Африке. Для снаряжения дивизий на Восточный фронт военным властям пришлось широко прибегнуть к реквизициям, но и они не давали возможности полностью моторизовать экспедиционный корпус.

Едва первая дивизия экспедиционного корпуса была готова к отправке, Муссолини, прервав свой летний отдых, прилетел в Верону, чтобы осмотреть ее. По мнению дуче, дивизия была подготовлена превосходно. Немецкий военный атташе Рентилен позволил себе не согласиться, но его возражения Муссолини оставил без внимания.

Большое значение Муссолини придавал выбору названия экспедиционных сил, которые должны были прославить фашистскую армию на Восточном фронте. Одно время предполагалось утвердить название «итальянский антисоветский корпус» (сокращенно — КАИ). Однако в последний момент кто-то заметил, что КАИ уже имеется — «итальянский альпийский клуб». Пришлось отказаться от политического наименования и согласиться на вариант, предлагаемый военными, — «итальянский экспедиционный корпус в России» (сокращенно — КСИР).

Командование корпусом принял генерал Дзингалес. Ознакомившись с состоянием дивизий, он направился в генеральный штаб, требуя их усиления: замена легких танков средними, резкое увеличение числа противотанковых орудий, минометов и автоматического оружия. Однако Муссолини, к которому Каваллеро специально прилетал на пляж в Риччоне, на этот раз оказался глух. «Передайте Дзингалесу, что с этого момента он может просить у меня для своих людей только ордена и медали», — сказал он заранее приготовленную фразу. Об оружии не было сказано ни слова.

20 июля Муссолини получил очередное послание Гитлера, в котором говорилось: «Ваши контингенты, дуче, как только позволят обстоятельства, сразу же вступят в борьбу, и я уверен, что они смогут с пользой и победно участвовать во втором этапе наступления на юге. Я особенно доволен, что речь идет о многочисленном и полностью укомплектованном корпусе, так как это облегчает задачу по дальнейшему продвижению вперед. Я более чем убежден, что война выиграна... после победы над Россией не будет в мире никакой силы, способной угрожать нашим позициям в Европе и вашим в Северной Африке. Кроме всего прочего, для нас станет возможным обеспечить на огромном восточном континенте те основные экономические условия, которые даже в случае prolongation войны обеспечат для остальной части Европы все необходимое»¹.

Муссолини всей душой рвался к участию в колониальной грабеже на Востоке, который Гитлер называл «созданием экономических условий». Дуче уже забыл о «марше к океанам». Он мечтал о России. Однако для посылки новых дивизий требовались снаряжение и автотранспорт, которого в тот момент не было. Попытка обратиться за помощью к союзнику ничего не дала. Начальник немецкого генерального штаба Кейтель сообщил своему итальянскому коллеге Каваллеро 25 августа: «Что касается посылки второго итальянского корпуса в Россию, то немецкая сторона с большим чувством благодарит вас. Но мы вас предупреждаем, что немецкое командование не может предоставить вам никакой помощи автотранспортом. С другой стороны, было бы неразумным использовать для этого корпуса автотранспорт, предназначенный для Ливии»².

План посылки второго корпуса пришлось отложить до лучших времен. Тем временем 10 июля три дивизии первого корпуса начали свое движение: 225 эшелонов через всю Европу везли на Восток 62 тыс. итальянцев — 2900 офицеров и 59 тыс. рядовых. Но подвижной состав, срочно собранный по всей Италии, не был подготовлен для столь дальнего путешествия: один из эшелонов на горном перевале Бреннера разорвался пополам, и 15 солдат дивизии «Пасубио» выбыли из строя. Экспедиционный корпус понес потери, еще не покинув пределов Италии.

Подготовка командного состава для КСИР не сопровождалась никаким специальным инструктажем о предстоящем театре военных действий. Генеральный штаб распространил обширное исследование о Советском Союзе—плод многолетних трудов разведывательного управления. Однако в нем содержались главным образом этнографические сведения и некоторые данные о политическом строе. Это, конечно, могло способствовать культурному развитию офицеров, но мало помогало штабам в разработке планов оперативного использования дивизий. К тому же не было дано никаких разъяснений о взаимоотношениях итальянского корпуса и его частей с немецким командованием: итальянский генеральный штаб предпочел обойти щекотливый вопрос, предоставив решать его на месте.

Зато при отправлении эшелонов было произнесено много речей, в которых превозносилось братство по оружию, выражалась уверенность в скорой победе. Солдат провожали фашистские главари, представители королевского двора, городские власти. Активистки из женских фашистских организаций дарили воинам цветы и памятные подарки. В Италии стояла солнечная погода, и казалось, солнце будет сопровождать итальянцев на всем протяжении этой кампании. А в том, что к зиме все будет кончено и можно будет возвратиться домой с орденами и наградами, никто не сомневался. Солдаты с трудом представляли, что их ждет впереди. Только в батальонах чернорубашечников имелись добровольцы. Остальные рассматривали поездку как продолжение службы, которая ни у кого не вызывала энтузиазма.

Что же касается отношений с союзником, то... На одной из остановок в Австрии вдоль всего эшелона дивизи-

зии «Торино» двигался эсэсовский пропагандист. Он останавливался у каждого вагона и, как граммофонная пластинка, повторял: «Россия капут, Гитлер взял Смоленск, хайль Гитлер!». Итальянские пехотинцы молча слушали его, высунувшись из окон. Вдруг солдат Габриели, остряк из Рима, крикнул: «Эй, камерад!». Немец резко обернулся: «Что хотел, пожалуйста?». «У меня тоже недержание. Можно мне сойти с поезда?». Взрыв хохота пронесся по станции. Эсэсовец побагровел и заорал: «Итальянцы нет хорошие солдаты, итальянцы хорошо концертино давать!». Эпизоды подобного рода сопровождали весь путь следования итальянских дивизий.

Наиболее выдающимся событием в пути была смена командующего экспедиционным корпусом. Генерал Дзингалес заболел, и на его место был назначен генерал Мессе — представитель той части итальянской военной верхушки, которая безоговорочно поддерживала фашистский режим. Прослужив после первой мировой войны некоторое время адъютантом короля, он участвовал затем во всех захватнических походах Муссолини. Во время войны в Абиссинии Мессе был уже бригадным генералом, а за участие в войне против Греции получил чин корпусного генерала. Июнь 1941 года застал его в должности командующего «специальным корпусом» на Балканах. В своих мемуарах Мессе позднее писал: «Немецкая атака в июне 1941 года, по тому как она была задумана и осуществлена, обладала всеми характерными чертами агрессии». Тем не менее назначение, которое делало его непосредственным ее участником, Мессе принял в 1941 году с явным удовлетворением.

Мессе догнал свои войка в Ботошанах. Ознакомление с дивизиями корпуса привело его к убеждению, что «войска и материальная часть находятся в отличном состоянии». Единственно, что вызывало беспокойство командующего, это убежденность солдат и особенно офицеров в легкой и короткой военной прогулке, ожидающей их. По мнению Мессе, это было отражением настроений, царивших в Риме: «Ко мне в штаб прибыли из Рима шесть журналистов... Я спросил их, что думают в Риме об этой войне и какие указания они получили для описания событий. Все они единодушно заявили, что в Италии весьма распространено мнение, что война близится к победному концу. В связи в этом им рекомендовали не драмати-

зировать событий, чтобы не производить тяжелого впечатления своими корреспонденциями. Таковы были указания министерства культуры»³.

Мессе был недоволен легкомысленными настроениями молодых офицеров. Выступив перед ними с речью, он пытался рассеять их иллюзии, однако его слова не всегда достигали цели. Это видно из дневника одного молодого лейтенанта, который в отличие от мемуаров Мессе был опубликован до падения фашистского режима в Италии и его автор не имел возможности внести коррективы, вытекающие из дальнейшего хода событий: «Его превосходительство сказал в своей речи нечто, что можно свести к одной фразе: „Господа, имейте в виду, что эта война — вещь серьезная”. Такое неожиданное заявление нас не взволновало и было встречено скептически. Мы прекрасно знаем, что всякая война — не вечер танцев. Но ведь все знают, что немцы здорово наступают, а русские хоть и сопротивляются, но бегут. Сам генерал об этом сказал. Зачем же так напирать на опасности и трудности? Зимой в России холодно, и мы это знаем. Ну и что из этого?.. За обедом комментариям нет конца.. Я даже пытаюсь процитировать слова Толстого про писателя Андреева: „ Этот господин пытается меня напугать, но мне не страшно”»⁴.

Да и у главнокомандующего в те дни появились более серьезные заботы, чем охлаждение избытка боевого пыла офицеров. Он отправился из Италии, не имея представления о том, как его корпус будут использовать немцы. Подразумевалось, что он будет действовать как самостоятельная боевая единица, находящаяся в оперативном подчинении немецкой армии. Первые дни пребывания в России говорили об обратном. Командование 11-й немецкой армии, в которую был включен итальянский корпус, дало понять, что намеревается распоряжаться прибывающими дивизиями и частями по своему усмотрению.

Это задевало престиж итальянского командующего, и Мессе тут же начал жаловаться в Рим. Темпераментного генерала заставило смириться письмо Кейтеля. «Мы постараемся использовать итальянский корпус как единое целое,— писал Кейтель.— Однако не исключена возможность, что создастся обстановка, при которой отказ от использования одной или двух дивизий, уже имеющих-

ся в наличии, противоречил бы чувству ответственности»⁵.

Недостаточная подвижность итальянских дивизий путала все планы немецкого командования. Командующие немецкими армиями отдавали итальянскому корпусу приказы, но эти приказы в срок не выполнялись. 11-я армия в момент прибытия КСИР была расположена на Днестре, готовясь осуществить охватывающий маневр между Днестром и Бугом, действуя главным образом своим правым крылом.

Итальянский корпус должен был сконцентрироваться на Днестре у Ямполья в качестве армейского резерва. Движение началось 30 июля. Поскольку автотранспорта хватало для одновременной переброски только одной дивизии, вперед выдвинулась «Пасубио». Дивизия «Торино» последовала за ней пешим порядком. Пошли дожди, дороги размокли, и дивизия «Пасубио» завязла в грязи. Колонны итальянского корпуса, растянувшись на сотни километров, вышли из-под контроля своего командующего.

В это время немецкое командование вывело итальянский корпус из состава 11-й армии и передало его бронетанковому корпусу фон Клейста, двигавшемуся к переправам через Днепр между Запорожьем и Днепропетровском. Итальянцы, боровшиеся с дорожными невзгодами, не смогли участвовать и в этой операции. Тогда Клейст приказал корпусу прибыть 29 августа на Днепр и сменить немецкие части гарнизонной службы, освободив их для выполнения активных задач.

Только 3 августа основные силы трех итальянских дивизий, наконец, вышли к Днепру и заняли оборонительный сектор в 150 км. Они еще не участвовали в боях, но уже выглядели потрепанными. Пехотинцы «Торино» прошли пешком 750 км и выглядели хуже всех. Такой же путь проделали нагруженные до предела мулы. Автомобильный парк после езды по размытым дорогам понес значительный ущерб.

Настроение подогревалось надеждой, что основные трудности позади. 13 августа в штаб корпуса прибыл следующий оптимистический прогноз: «1) После поражения под Рославлем и Уманью предвидится в скором времени эвакуация Харькова, Москвы и Ленинграда, что поведет за собой потерю важнейших жизненных центров; 2) эф-

фективные силы противника для продолжения борьбы на всем фронте насчитывают 60—65 пехотных плюс максимум 10 бронетанковых дивизий. Следует считать, что этих сил недостаточно ни для крупных атак, ни для создания нового фронта обороны...»⁶

В это время Гитлер пригласил Муссолини на Восточный фронт. Муссолини прибыл в сопровождении начальника генерального штаба Каваллерио, начальника кабинета министерства иностранных дел Анфузо и посла в Берлине Альфьери. По словам Анфузо, оставившего подробное описание визита, встречи в ставке были заполнены длинными монологами Гитлера. Наиболее интересным для итальянцев были признания Гитлером просчетов в оценке потенциала Советского Союза. «Русские оказались не теми „степными полуварварами“, попавшими под ярмо марксизма, которые рисовались Гитлеру до начала военных действий,— пишет он,— у них было, быть может, грубое, но, что гораздо важнее, хорошее оружие и они яростно сражались. Хотя Гитлер продолжал утверждать, что он уничтожил Красную Армию, было ясно, что он натолкнулся на крепкий орешек». Муссолини с некоторым удовлетворением отмечал поток прилагательных, которыми Гитлер пытался оправдать «издержки» плана «молниеносной войны». Свои впечатления он суммировал следующим образом: «Тяжелая война для Германии отвлечет большую часть ее сил и восстановит при заключении мира то равновесие между Италией и Германией, которое сейчас нарушено»⁷.

На заключительном обеде в ставке Гитлер вернулся к теме «крестового похода»: «Я защищаю Европу от азиатского марксизма»,— говорил он, пристально глядя в окно, за которым расстилался лес: за ним при большом воображении можно было представить себе поля России, которые следовало завоевать. Все согласно поддакивали: Риббентроп слушал с блестящими от возбуждения глазами, Кейтель, знавший эти речи наизусть, подчеркивал жестами наиболее значительные места.

Из ставки, находившейся в районе Раценбурга, Муссолини направился в Брест, где расположился штаб Геринга. Дуче был поражен видом Брестской крепости, носившей следы недавно окончившихся боев: победные реляции немцев не вязались с наглядным свидетельством героизма советских воинов. Специальные поезда повезли

двух диктаторов через Польшу на Южный фронт. Конечной целью была Умань, где находился штаб Рундштедта. Здесь их встретила целая дивизия немецких солдат. Гитлер принял львиную долю восторгов, оставив Муссолини сиротливо стоять в стороне. Самолюбие дуче было сильно задето, о чем он не преминул сообщить своей свите. Затем Гитлер подвел всех к огромной карте военных действий и склонился над ней вместе с Муссолини. Так все стояли до тех пор, пока не прибыла группа официальных фотографов и не запечатлела двух диктаторов, делавших вид, что они совместно обсуждают планы военных операций.

Затем Гитлер и Муссолини направились на перекресток дорог в 18 км от Умани, где был назначен смотр итальянским частям, двигавшимся на фронт. Муссолини стоял в открытой машине рядом с Гитлером, принимая парад проходящих частей. Муссолини считал, что настал его черед и надеялся показать Гитлеру блестящую дивизию, полную боевого духа. Однако с трудом подготовленный спектакль не удался. На бортах проезжавших грузовиков были ясно видны плохо покрашенные надписи фамилий бывших владельцев: «Пиво Перрони», «Братья Гондрад» и т. д. Мотоциклисты-берсальеры, с петушиными хвостами на стальных шлемах, ехали по скользкой дороге, широко расставив ноги, что придавало им комичный вид. Немцы взирали на эту картину с мрачными и насупленными лицами. Они никак не реагировали на восхищенные возгласы итальянских коллег, будучи убеждены, что эти чернявые солдатики разбегутся при первом же выстреле.

Наконец, самолет с двумя диктаторами на борту поднялся с аэродрома в Умани. Неожиданно Муссолини, который среди прочих титулов носил звание «первого пилота итальянской империи», заявил, что хочет сесть за штурвал. Все побледнели. Эсэсовские охранники, для которых это было равнозначно покушению на фюрера, вперили свои взоры в Гиммлера... В течение получаса в самолете царил напряженная тишина: как казалось Анфузо, все думали о возможных заголовках газет, в случае если бы руководители держав «оси» рухнули на землю...

Когда Муссолини, уже пересев на поезд, направлялся к итальянской границе, ему стало известно, что Риббен-

троп готовится опубликовать коммюнике о визите, не согласовав его с итальянской стороной. Этого Муссолини никак не мог перенести. «Передайте немцам,— сказал он,— что я прикажу остановить поезд на ближайшей остановке и не тронусь с места, пока мне не представят текста». Документ принесли, и Муссолини был очень горд одержанной победой. Он приказал выделить те места, где говорилось, что он пилотировал самолет, на котором летел фюрер.

Расставание диктаторов сопровождалось комическим эпизодом. Гитлер захотел проводить своего гостя до самой границы. В Бреннере он сел на поезд, который должен был увезти его обратно. Военный оркестр заиграл гимны. На последних тактах, как было предусмотрено, поезд тронулся. Однако, проехав несколько десятков метров в гору, он остановился и дал задний ход: окошко Гитлера оказалось напротив Муссолини. Оркестр опять заиграл гимны, а диктаторы вновь обменялись приветствиями. Поезд сделал еще и еще попытку. Звуки гимнов отдавались похоронным звоном в ушах начальников протокольных отделов. После семи попыток Муссолини приказал прекратить музыку, и наступившая тишина, видимо, разрушила колдовство: на этот раз Гитлер действительно уехал. Его никто не приветствовал, думая, что он опять вернется.

Расследование с итальянской стороны показало, что виноваты в инциденте были немецкие железнодорожники, и это вызвало ликование Муссолини. Однако, когда через несколько дней Анфузо встретил своего немецкого коллегу и поспешил спросить, сильно ли ему досталось от фюрера, тот ответил: «Что вы, ведь виноваты-то были итальянцы».

В своих мемуарах Анфузо утверждает, что во время поездки он присутствовал на всех встречах Гитлера и Муссолини. Он пишет, что никаких серьезных совещаний, на которых рассматривался бы план войны, не было и никаких секретных решений не принималось. Гитлер заставлял итальянских гостей выслушивать свои речи, совершенно не интересуясь мнением партнеров. За внешними проявлениями солидарности и позированием перед фотографами скрывалось явное нежелание Гитлера хотя бы в какой-то мере считаться со своими маломощными союзниками.

В довершение всего Муссолини стало известно, что во время поездки некий немецкий генерал сказал про него: «Вот наш гауляйтер в Италии». Вне себя Муссолини потребовал от итальянского посольства в Берлине произвести расследование и доложить результаты. Инциденты подобного рода не были новостью для Альфьери. Незадолго до этого немецкий министр Руст, выпив больше чем следует, хлопнул итальянского министра Боттаи по плечу и заявил: «Покончив с Россией, фюрер скажет: покончим с Италией». Сотрудники Руста пытались замять слова министра, но тот с пьяной настойчивостью повторял: «Я знаю, что я говорю. Фюрер пошлет дуче письмо и скажет: „Настал твой черед“»⁸.

Не все эпизоды подобного рода достигали ушей Муссолини, но то, что ему было известно, он переносил со все большей покорностью. «Гитлер наговаривает грампластинки, а другие их повторяют, — говорил он в октябре 1941 года Чиано. — Первая пластинка была об Италии — верном и равном союзнике, властительнице Средиземного моря. После побед появилась другая пластинка: Европа будет под господством Германии. Победенные страны станут колониями, а присоединившиеся — федеральными провинциями. Италия будет главной из них. Приходится соглашаться с этим, ибо всякая попытка реакции приведет к тому, что из положения федеральной провинции мы попадаем в разряд колоний...»⁹

Визит Муссолини не оказал заметного влияния на судьбу солдат экспедиционного корпуса, продолжавших месить грязь на осенних дорогах Украины. К середине сентября итальянские дивизии сосредоточились у Днепропетровского плацдарма, где силы 7-й немецкой армии, натолкнувшись на сопротивление, были остановлены. Командующий Южной группой фон Клейст приказал бронетанковым дивизиям форсировать Днепр у Кременчуга и, двинувшись на север, окружить советские войска, которые прикрывали путь на Полтаву. Итальянцы были введены в действие, когда советские дивизии уже начали отход. Части корпуса провели несколько операций местного значения: за период активных боевых действий с 22 сентября по 1 октября итальянский корпус потерял 87 человек убитыми и 190 ранеными.

Бой у Петриковки, в котором участвовали преимущественно итальянские части, вошел в историю корпуса

как его первая самостоятельная операция. Муссолини направил своим войскам поздравление. В свою очередь Гитлер поздравил Муссолини. При этом его послание содержало намек на подсобную роль итальянцев: «Удар Клейста для создания плацдарма у Днепропетровска дал возможность также и вашим дивизиям с успехом провести собственную боевую операцию». Приказ командующего корпусом Мессе отличался пышностью и риторическими оборотами, характерными для фашистского стиля: «С гордостью командующего,— писал он,— я выражаю восхищение в связи с тем, что экспедиционный корпус показал несокрушимое единство, энергию и волю, полное сознание, что он представляет за рубежом страну, идущую к великому будущему». Однако официальные восторги явно не соответствовали масштабам проведенной операции и положению корпуса.

В тот период перед ним нависла реальная угроза окончательно превратиться в тыловую часть. 2 октября Гитлер обратился к войскам действующей армии с приказом о начале наступления по всему фронту для нанесения Красной Армии сокрушительного удара. 8 октября бронетанковая армия фон Клейста получила приказ двигаться на Сталино, Таганрог и Ростов. Итальянский корпус должен был прикрывать левый фланг армии, двигаясь по Донбассу в направлении Павлоград — Сталино. Однако темпы продвижения, которые намечались для КСИР, были для него явно непосильными. «С самого начала,— пишет генерал Мессе,— немцы показали, что они не желают понять реальные возможности нашего корпуса. Название „моторизованные“ означало лишь, что пехота этих дивизий обучена передвижению на автомашинах, но она не имела автотранспорта. „Специальные соединения“, как их называли до войны, на деле не обладали достаточным количеством автомашин и обозначались как „автоперевозимые“; это была одна из гениальных находок преувеличения нашей пропаганды. Я всячески убеждал немцев зачеркнуть на их картах колесики на условных знаках наших дивизий»¹⁰.

Хотя Мессе и стремится показать, что в возникших недоразумениях повинны непонятливые немцы, даже из его слов ясно, что большую часть ответственности несет итальянский генеральный штаб, механизировавший свои дивизии на бумаге. Как бы там ни было, но задача, по-

ставленная перед корпусом, оказалась ему не по плечу. Мессе направил фон Клейсту протестующее письмо, где указал свой собственный план движения дивизий, наметив рубежом реку Донец. Немецкое командование заметило, что итальянский корпус является частью германской армии и поэтому «обязан подчиняться приказам вышестоящих штабов, так же как любой другой корпус рейхсвера».

На это Мессе возразил, что он не только командир корпуса, но и «представитель итальянской армии и отвечает за своих солдат только перед собственной страной». Результатом этой перепалки было ограничение задач итальянского корпуса. Двигаясь в заданном направлении, он далеко отстал от немецких дивизий. До самого Сталино корпус двигался, растянувшись в длинную колонну, почти без боев. Достаточно сказать, что свои первые потери, исчисляемые несколькими солдатами, дивизия «Челере» понесла только в боях под Сталино.

После того как 1-я германская танковая армия заняла Сталино, итальянский корпус получил указание двигаться по направлению Горловка — Никитовка — Трудовая. В Никитовке и Горловке итальянские дивизии столкнулись с сопротивлением арьергардов Красной Армии и партизанских отрядов. В Никитовке один итальянский полк даже попал в окружение, потеряв на несколько дней связь с основными силами. Итальянский корпус понес относительно большие потери — около 150 человек убитыми и 700 ранеными. Можно было думать, что период беспрепятственного продвижения вперед подходит к концу. Очередной приказ командования немецкой 1-й армии — продвинуться вперед до Городища для восстановления контакта с выдвинувшимся 17-м немецким корпусом — итальянцами выполнен не был. Мессе в своих мемуарах пишет, что он сделал это сознательно, учитывая плохое состояние своих войск. Военный историк Валори сообщает другую версию: он пишет, что Мессе отдал приказ о наступлении, но попытка выполнить его успеха не имела.

Так или иначе, но итальянский корпус окончательно остановился 14 ноября, ограничившись занятием населенного пункта Хацепетовка. Мессе отдал приказ корпусу приступить к фортификационным работам и готовиться к зимовке. Новые усилия генерала фон Клейста

заставить Мессе двинуться вперед, до станции Дебальцево, чтобы выпрямить линию фронта и укрепить связь с 17-м корпусом ни к чему не привели. Как пишет Мессе, «перед лицом решительного сопротивления немцы, наконец, уяснили мою точку зрения». На самом деле приказ Гитлера, отданный в середине декабря о прекращении наступательных действий был вызван событиями на решающих участках фронта, и в первую очередь провалом наступления на Москву. Что касается участка Южной группировки, на котором действовали итальянские дивизии, то линия поведения немецкого командования определялась здесь начавшимся в конце ноября контр-наступлением советских войск, закончившимся взятием Ростова.

В известной мере упрямство Мессе было вызвано объективными трудностями, о которых он так много пишет. К этому времени дивизии КСИР прошли в среднем по 1300 км: из них 1000 км — догоняя немецкие войска от румынской границы до Днепра и 300 км — по Донбассу. Длительное продвижение по Украине и первые бои подтвердили, что материальная часть итальянского корпуса уступает немецкой. Пулеметы и винтовки засорялись и требовали непрерывной чистки. Гранаты, помимо небольшой боевой мощи, попадая на мягкую почву, в грязь и снег, как правило, не взрывались. Артиллерия была слишком малого калибра. Во время пробных стрельб по подбитому советскому танку снаряды 47 миллиметровых итальянских пушек лишь оставляли на броне небольшие вмятины или рикошетили и с громким воем уходили в небо.

Особенно плачевно обстояли дела с автопарком. Подвеска грузовиков совершенно не выдерживала тряски по грунтовым дорогам. Покрышки не имели достаточного сцепления, и даже после небольшого дождя автоколонны начинали буксовать. Открытые кабины заставляли итальянских водителей задыхаться от пыли летом и мерзнуть зимой. Пестрота марок реквизированных машин крайне затрудняла их ремонт. Мотоциклы берсальерских батальонов значительную часть пути проделали на телегах и в кузовах грузовиков, так как распутица сделала их непригодными.

В то же время солдаты дивизии «Торино», значившейся в немецких документах механизированной, про-

шли от румынской границы почти 1300 км пешком. Это вызвало у участников похода ассоциации с картинами средневековых войн, когда, отправляясь на войну, конные рыцари окружали себя пехотой, набранной среди своих вассалов.

«На пыльных дорогах России, — пишет один из итальянских штабных офицеров, — итальянцы, румыны, венгры, австрийцы и баварцы с трудом поспевали за быстро двигавшимися вперед пруссаками, которые в башнях их танков и бронетранспортеров казались синьорами нынешней войны. Когда эти рыцари уставали и останавливались на привал, они располагали вокруг себя пехоту, которая должна была охранять их отдых и награбленные трофеи»¹¹.

Одной из причин трений между итальянским и немецким командованием явилось тыловое снабжение. Организация и функционирование тыловых служб итальянского корпуса были определены специальным немецко-итальянским соглашением. Этим протоколом было предусмотрено, что основная часть снабжения поставлялась немецким командованием. Кроме того, от немецкого командования зависело предоставление транспорта для поставок из Италии.

Особенно много конфликтов вызывали железнодорожные перевозки. Итальянское командование считало, что для нормального снабжения корпуса требовалось 15 эшелонов в месяц. Однако в силу различных причин это условие немцами не выполнялось: в сентябре была предоставлена только треть этого количества, что было одним из мотивов неоднократных угроз Мессе приостановить движение корпуса.

Итальянцев не устраивал и немецкий паек. Командование КСИР считало, что он должен соответствовать итальянскому уставу. Однако на протесты итальянской стороны немецкое командование ответило письмом, в котором говорилось: «Немецкий солдат не имеет права на твердый паек; он получает то, что родина и интендантство могут ему предоставить. Раздача производится в зависимости от наличия продуктов. Войска берут все, что имеется, из ресурсов страны, где они находятся. В соответствии с этим принципом немецкое интендантство не может гарантировать постоянное наличие всех продуктов, составляющих итальянский паек»¹².

Немецкий ответ означал: мы вам будем давать как можно меньше. Устраивайтесь, как можете. Несомненно, и без советов и примера немцев командование итальянским корпусом «принимало меры к использованию местных ресурсов», иначе говоря, проводило реквизиции. Однако итальянцам мало что доставалось после гитлеровцев. «Мы постоянно сталкивались, — горестно отмечает по этому поводу Мессе, — с органами немецкой экономической оккупации, которые с невероятной оперативностью учреждались в захваченных населенных пунктах и накладывали руку на все имеющиеся ресурсы».

В октябре 1941 года положение со всеми видами тылового снабжения настолько обострилось, что Мессе счел необходимым представить немецкому командованию настоящий ультиматум. Об этом он сообщил в Рим 26 октября длинной шифрованной телеграммой:

«Вследствие тяжелого положения, которое сложилось в результате плохой погоды и отвратительного состояния дорог, но больше всего из-за нарушения немцами договоренности, выразившейся в отсутствии даже минимального числа эшелонов и полном пренебрежении в снабжении продуктами питания, я запросил штаб армии о его намерениях относительно КСИР, после достижения промышленных районов Сталино и Горловки. Я получил следующий ответ: „Участие КСИР очень желательно до достижения конечных целей, которыми могут быть Сталинград или Майкоп“».

Поэтому я изложил командованию армии условия, которые необходимы для того, чтобы мы смогли выполнить задачи, следующей телеграммой: «Моя определенная воля, так же как и воля моих войск, заключается в том, чтобы продолжать всеми способами сотрудничать с армией. Однако для дальнейшего участия КСИР в операциях на восток от Сталино и Горловки абсолютно необходимо следующее.

Первое: реальное и немедленное разрешение вопроса о прибытии эшелонов из Днепропетровска, в том числе и застрявших в пути. *Второе:* гарантия того, что будут даны эшелоны из Сталино, как только восстановят железнодорожную линию. *Третье:* временное снабжение итальянского корпуса продуктами питания с немецкого склада в Сталино, до тех пор пока там не будет создана наша передовая база. *Четвертое:* наличие в Днепропет-

ровске горючего для обеспечения колонн снабжения. *Пятое*: наличие бензина в Запорожье и Сталино для создания передовой базы. *Шестое*: дать передышку войскам, с тем чтобы подтянуть артиллерию, тыловые службы и боеприпасы, которые частично находятся в пути»¹³.

Итальянский корпус, не участвуя в серьезных боях, столкнулся с трудностями, которые превосходили все предполагавшееся при его отправке. Причины этого заключались как в общих недостатках итальянской армии, так и в том, что немецкое командование, без всякого энтузиазма согласившееся на сотрудничество войск своего союзника, выделяло ему снабжение в последнюю очередь. Жалобы итальянского командования на злую волю германского командования были обоснованы лишь частично: гитлеровская армия в эти месяцы сама испытывала острый недостаток в некоторых видах снабжения, в частности горючего.

С другой стороны, Мессе явно сгущал краски как в своих обращениях к немецкому командованию, так и в донесениях в Рим. Именно поэтому большая часть его апелляций оставалась без ответа. Мессе достаточно хорошо усвоил идею Муссолини о «демонстративной войне». За всеми его действиями угадывалось стремление сохранить войска до финальных сражений, которые, по уверениям немецкого командования, недалеки и участие итальянских сил в которых подняло бы престиж итальянской армии. Он предпочитал сохранять КСИР, «хрупкий организм», как он неоднократно называет его в своей книге, в тылу у наступающих бронетанковых колонн немцев, не подвергая его угрозе серьезного поражения. К концу летней кампании итальянский экспедиционный корпус, хотя и не добыл военных лавров на полях сражений, но и понес относительно небольшие потери, которые не идут в сравнение с потерями передовых немецких соединений.

ПЕРВЫЕ МОРОЗЫ, ПЕРВЫЕ РАЗОЧАРОВАНИЯ

«Почти все газеты воспевают подвиги нашего полка. Сколько риторики и сколько вранья! Ах, если бы можно было сказать правду».

*(Из письма командира
3-го берсальерского полка
Каретто своей жене).*

Уже первые месяцы войны стали вызывать у итальянских солдат и офицеров серьезные сомнения в том, что речь идет об увеселительной прогулке, которую обещала им фашистская пропаганда. Бесконечные марши по тылам гитлеровской армии, нераспорядительность штабов, высокомерие союзников — все это вызывало чувство пока еще едва осознанного беспокойства. В дивизии «Торино», состоявшей в основном из жизнерадостных жителей Рима, родилась песня, которую распевали на мотив романса «Прекрасная синьора»: «О, прекрасная Украина! Мы движемся, как в римском трамвае: едешь, едешь и никак не приедешь». Одним из первых творений солдатского фольклора была загадка: «Ты знаешь, чем кончится этот поход? Мы обойдем вокруг света и войдем в Рим с обратной стороны».

Навстречу итальянцам время от времени попадались колонны военнопленных. «Русские пленные шли, шатаясь от усталости и истощения, — пишет Д. Фуско, один из офицеров КСИР. — Многие из них были в гражданском, как будто только вчера оставили рабочее место на заводе или в шахте, чтобы защищать родную землю. Они двигались молча, но в их глазах было такое выражение, как будто они хотят навсегда запомнить физиономии сопровождавших их прусских жандармов, самой мягкой частью тела которых был, безусловно, стальной шлем»¹.

Итальянцы замечали, что никто не считает войска оккупантов «освободителями». Более того, солдаты

КСИР начинали понимать, что патриотизм русских объясняется не только традиционной ненавистью к захватчикам. При вступлении в Днепропетровск солдаты экспедиционного корпуса были поражены тем, что население относится к ним даже с большей неприязнью, чем к гитлеровцам. Причиной этому были знаки отличия итальянской армии — белые пятиконечные звездочки, благодаря которым их принимали за белогвардейцев. «Позднее, когда недоразумение рассеялось, — пишет Фуско, — таинственная «радиостепь» разнесла весть, что эти ребята в зеленой форме — итальянцы, люди с хорошим характером, большие бабники и в общем мало способны на жестокость».

Когда солдаты в зеленой форме дошагали до Донбаса и на смену тихим украинским деревням пришли промышленные поселки и шахтные сооружения, они были поражены: увиденное совершенно не соответствовало утверждениям фашистской пропаганды об отсталой, погруженной в варварство России. «На фоне светлого неба, — пишет тот же Фуско, — чернели промышленные сооружения, переплетения труб и башен, свидетельствующие о колоссальном усилии народа, который за двадцать пять лет сделал прыжок от феодализма к современности, от крестьянской лопаты к домнам. Перед лицом этих бетонных колоссов наши солдаты впервые почти с уверенностью почувствовали, что там, вдали, за горизонтом, готовится что-то таинственное и ужасное. Вид пленных тоже изменился. Это уже были люди с твердым взглядом, готовые к войне, хорошо понимающие свое дело. Они держали оружие руками рабочих, без той неуверенности, которая выдает под шинелью сельского жителя».

Когда фронт стабилизировался и итальянские части обосновались в населенных пунктах, солдаты стали все чаще нарушать инструкции, запрещавшие общение с населением. Наблюдая жизнь русских крестьян, они находили много общих точек сопрокосновения. Многие из итальянцев, запомнив несколько украинских слов, и перемежая их с римским или пьемонтским диалектом, научились кое-как объясняться. Некий военный капеллан лейтенант Джарди в своем отчете, напоминающем скорее полицейское донесение, чем письмо духовного пастыря, писал: «Делая обходы и стараясь появиться вне-

запно, я смог убедиться, что происходят вещи, которые наносят ущерб военной дисциплине... Сближение с гражданским населением, пусть даже с молодыми девушками, ведет к болтовне, а сейчас все научились несколькими словам...

Мне и целому ряду других офицеров случалось убеждаться в том, что гражданские лица знают все о передвижениях и расположении наших войск. Я думаю, что с точки зрения сохранения военной тайны это очень нехорошо... Следует отметить, что офицеры, как правило, не видят вещи в их истинном свете и не понимают всей их серьезности».

Наступление зимы осложнило положение итальянского экспедиционного корпуса. Правда, итальянские дивизии расположились в местности, где имелось достаточно помещений для расквартирования. Итальянское интендантство разместило заказы в Румынии на изготовление меховых полушубков и теплого белья. Однако русские морозы доставили много неприятностей итальянским солдатам в эту первую зиму.

Заказанное в Румынии теплое обмундирование начало поступать на фронт только после 15 декабря, причем оно выдавалось лишь офицерам и часовым для несения караульной службы. Большая часть солдат продолжала ходить в широких и коротких шинелях, совершенно неприспособленных к морозной погоде. Наиболее уязвимым местом обмундирования была обувь. Армейские ботинки, подбитые согласно требованиям итальянского устава 72 гвоздями, на морозе моментально обледеневали и сжимали ноги ледяными тисками. Между гвоздями набивался снег, что заставляло солдат поминутно заниматься эквилибристикой. Это вызывало насмешки деревенских жителей и недовольство итальянских офицеров.

Итальянские ботинки не выдерживали конкуренции с немецкими сапогами и тем более с русскими валенками. Упоминание о русских валенках является обязательным элементом всех воспоминаний участников войны. Историк Валори подробно описывает, что такое валенки, и под конец меланхолично замечает: «Это непревзойденная обувь, теплая и удобная... Если бы эта обувь была распространена среди наших войск, скольких обморожений можно было бы избежать».

Достоинства валенок оценил и итальянский главнокомандующий. Он велел отобрать несколько образцов и послал их в военное министерство с просьбой срочно наладить производство валенок в Италии. Образцы прибыли в Рим, когда в столице Италии была уже весна и стояла теплая погода. Одна за другой интендантские комиссии рассматривали столь непривычные их взору предметы. Возможно, что авторитетные инстанции пришли к заключению, что изготовление валенок является причудой Мессе. Более вероятно, что нашлись люди, которые были заинтересованы в том, чтобы валенки не перекрыли путь уставным ботинкам. Как бы то ни было, но производство валенок не было налажено, и итальянские солдаты продолжали воевать в ботинках. По официальным данным, зимой 1941/42 года 3614 человек из 60 тысяч получили обморожения и почти две тысячи из них (3,3% от общей численности корпуса) были отправлены на излечение в Италию².

Недовольство итальянских солдат вызывала и плохая работа военной почты: письма из Италии приходили крайне редко. Пока дивизии двигались вперед, солдаты мирились с этим положением, но после приостановки операций недовольство приняло более широкие размеры. Солдаты не могли понять задержек, тем более что газеты из Италии поступали на фронт регулярно, причем помещенные в них корреспонденции с советского фронта служили предметом постоянных шуток и насмешек. Описания боев носили фантастический характер, подписи под фотографиями, как правило, были фальсифицированы. В иных случаях фашистские журналисты использовали фотографии, сделанные до революции, выдавая их за «лицо советской действительности».

«Население России зимой и летом ходит в ватных телогрейках, — писал один журналист в римской газете. — Основное занятие русских — это сидение на завалинке и непрерывное лужганье семечек. Они безразличны, потому что уверены: красные не вернуться». Единственное, что, по словам фашистского писателя, способно вывести русских из состояния безразличия, — это вид итальянских автомашин, поскольку население никогда ранее не встречало автомобиля.

Русские не любят мыла и воды и никогда не моются, сообщал далее римский журналист. Зачем мыть-

ся, когда опять испачкаешься? Зато повсюду видны «прекрасные бронзовые торсы» итальянских солдат, которые в одних трусах оживленно разыскивают воду. «Воинственный вид и решительное поведение наших солдат и офицеров, — продолжал журналист, — уверенность, с которой они движутся по улицам, в том числе и по окраинам, где ходить особенно опасно, демонстрируют туземцам наше превосходство»³.

Разумеется, что сведения о русских, кутающихся в телогрейки, в то время как итальянские солдаты разгуливают в трусах, демонстрируя свои «великолепные торсы», так же как другие выдумки подобного рода, ничего кроме издевательских замечаний в адрес неуклюжей фашистской пропаганды вызвать не могли. Особое раздражение фронтовиков вызывал бравурный тон газет, продолжавших изображать войну, как увеселительную прогулку. На неуместность такой пропаганды сетовал даже итальянский главнокомандующий Мессе.

Посылки с родины, так же как и письма, прибывали с большим запозданием. Кроме того, они доходили до фронтовиков сильно облегченными: во время следования по инстанциям часть посылаемых вещей бесследно исчезала. Деятельность многочисленных комиссий, назначаемых для расследования этих фактов, не давала результатов, и изъятия из посылок продолжались.

Непривычный климат, тяготы фронтовой жизни и непригодное обмундирование вызывали в итальянских дивизиях большое количество заболеваний. В марте 1942 года Мессе послал в генеральный штаб отчет об итогах зимней кампании, в котором он, в частности, писал: «Много больных, поразительно трудно поправляющихся даже после самых легких инфекций. Нервное истощение, сердечные заболевания и туберкулез обнаруживаются у людей, которые ранее этим никогда не страдали»⁴.

Боевой дух итальянских солдат явно начал снижаться. Из тыла стали поступать сведения о партизанах, о колоннах, подвергавшихся нападениям, об уничтожении гитлеровцами населения целых деревень в качестве репрессий. «Известия о жестоких расправах, — пишет Дж. Фуско, — увеличивали нашу неприязнь к немецким союзникам. Воины легиона «Тальяменто», многие из которых носили значки ветеранов фашистской партии, сдались последними. На этих сорокапятилетних вояк, сохранивших несмот-

ря на тяготы военной жизни еще приличное брюшко, казалось, не действуют ни жестокие репрессии гитлеровцев, ни расстрел на месте пленных при малейшем подозрении в том, что они являются политруками. Их не трогал вид советских солдат, тысячами умиравших на обледенелых дорогах и остававшихся лежать в снегу. «Красную гидру можно уничтожить только так», — восклицал в ответ на сомнения молодых консул фашистской милиции Никьярелли. Но и он присмирел, когда стало известно, что немцы угоняют в Германию даже женщин... В Марьенке, недалеко от Сталино, двое супругов за оскорбление имени Гитлера были заживо погребены. Здесь же у стены было расстреляно около десятка местных жителей. Присутствуя при зверской расправе, они не смогли удержаться от возгласов гнева и протеста... Перед лицом таких фактов, даже «ветераны» из легиона «Тальяменто», может быть думая о своих далеких семьях, изменили тон. Чернорубашечник Пьераццини, один из самых ярких фашистов из Падуи, снял свои награды и спрятал их в карман. «Пора покончить с показухой! — так он объяснил это своим товарищам. — Есть вещи, которые надо носить не на мундире, а в сердце!»⁵

Маршал Мессе пишет в своих мемуарах о том, что осень 1941 года была периодом «победы духа над материей», о том что, несмотря на все трудности, ему удалось сохранить в корпусе высокий боевой дух и дисциплину. Приказы командиров итальянских частей и материалы допросов итальянских солдат и офицеров, попавших в этот период в плен, говорят об обратном. Командир 82-го пехотного полка дивизии «Торино» издал 25 октября приказ, в котором говорилось: «Дисциплина на сегодняшний день оставляет желать лучшего. Многие солдаты ходят неопрятными и имеют страдальческий вид. Слишком много солдат под различными предлогами покидают строй: напоминаю, что для отправления личных нужд существуют привалы. Некоторые солдаты заходят в частные дома, выдумывая самые нелепые предлоги. Я предал суду пять солдат. Дисциплина в полку должна быть восстановлена. Я ожидаю, что завтра к 9 утра командиры подразделений доложат мне о наложенных взысканиях за нарушения дисциплины. Не может быть, чтобы таких нарушений не было, учитывая то, что я лично видел в деревнях Константиновка и Роя».

Показания итальянских военнопленных говорят о том, что перелом в состоянии боевого духа экспедиционного корпуса произошел весьма быстро. Лишь в первые месяцы его пребывания на фронте некоторые повторяли тезисы фашистской пропаганды. Так, один младший лейтенант-артиллерист из дивизии «Челере», попавший в плен в сентябре 1941 года, заявлял, что итальянские войска «прибыли на фронт для того, чтобы уничтожить коммунизм... Для этой цели в Россию прибыли отборные войска, укомплектованные членами фашистской партии и фашистских молодежных организаций». Всем своим поведением он показывал, что для него нет сомнений в скорой победе союзных армий. Он не скрывал, что солдаты его дивизии на марше заходили в дома и забирали у населения различные предметы в качестве «сувениров».

Менее уверенно оправдывал участие Италии в войне против Советского Союза лейтенант из дивизии «Торино», попавший в плен на месяц позже. По его словам, итальянцы не хотят войны против России и не питают к ней никакой ненависти. Однако Италия является союзником Германии и решила ей помочь, потому что Германии нужны хлеб, нефть и другое сырье для продолжения войны против Англии. По словам лейтенанта, его солдаты верят в победу Германии. Нетрудно догадаться, что и сам лейтенант придерживался того же мнения. Лейтенант не называл предметы, которые его солдаты забирали у населения, «сувенирами», а говорил, что речь шла о хлебе, молоке, масле, курах и овощах. Он добавил, что итальянское командование реквизирует оставшийся колхозный скот, выдавая расписки с обязательством оплатить его стоимость после окончания войны.

Начиная с ноября тон показаний пленных заметно изменился: в протоколах допросов невозможно найти оптимистических высказываний о судьбе войны, совершенно исчезли нотки превосходства, которые поначалу проскальзывали в ответах офицеров. Пропали заявления о высоких боевых качествах корпуса. Зато участились похвалы в адрес Красной Армии, ее вооружения и снаряжения ее солдат. Основным объяснением упадка боевого духа было нежелание солдат воевать за чуждые и непонятные им цели. «Когда итальянский солдат знает, за что он воюет, — говорил берсальер третьего полка дивизии «Челере», — он воюет неплохо, как это было во времена

Гарибальди. В этой же войне солдаты не только не знают, за что они воюют, но они не желали и не желают этой войны. Поэтому они только и думают о том, как бы вернуться домой». Все без исключения пленные говорили об упадке дисциплины в своих частях, причем большинство выражало недовольство своими офицерами, которые слабо подготовлены и мало занимаются с солдатами. Многие жаловались на питание и особенно на недостаток зимнего обмундирования.

«Несмотря на хорошее обеспечение корпуса врачами, санитарным оборудованием,—говорил батальонный врач дивизии „Торино“, попавший в плен в декабре 1941 года,—материальное положение войск плохое. Большинство солдат не мылись со времени отъезда из Италии. В дивизии имеются душевые установки, но они с наступлением осени оказались непригодными. Кроме того, из-за движения форсированным маршем их не удавалось использовать даже летом, тем более что были большие перебои в снабжении мылом. В связи с этим все солдаты и большинство офицеров завшивели. Большое распространение получили всевозможные кожные заболевания. Есть опасность эпидемии сыпного тифа, случаи которого наблюдались в соседнем румынском корпусе. Что касается обморожений, то итальянские части несут от них не меньше потерь, чем от огня русских. Солдаты остро чувствуют отрыв от родины. Они называют свой корпус итальянским корпусом, затерявшимся в России».

Пленные все более враждебно рассказывали о своих союзниках-немцах и жаловались на плохое отношение с их стороны. «Наши газеты пишут о дружбе между немецкими и итальянскими солдатами,—говорил капрал из дивизии «Челере» в марте 1942 года.—Между нами нет согласия, а тем более дружбы. Немцы резки и грубы. Кроме того, очень велика разница в нашем положении. Немцы нас оскорбляют на каждом шагу. Я видел драку в Днепропетровске, возникшую из-за того, что немцы не хотели пускать итальянских солдат в кино. В ней участвовало более пятидесяти человек с каждой стороны».

Первые неудачи немецкой армии осенью 1941 года, слухи о которых просачивались к солдатам, играли важную роль в упадке настроения. «Официальных сообщений о том, что немцы оставили Ростов, не было,—говорил в декабре младший лейтенант из дивизии «Челере».—Од-

нако среди офицеров и солдат ходят слухи, что немцы под Ростовом потерпели поражение и отошли. Ходят также слухи о поражении немцев под Москвой. Эти слухи оказывают огромное воздействие. Мы все более начинаем понимать, что эта война для нас бесперспективна».

Пленные охотно заявляли о враждебности или равнодушии к фашизму, связывая это с отрицательным отношением к войне. «Я ничего не понимаю в политике, но я решительно против войны, — говорил солдат 80-го полка дивизии «Торино». — Ничего она нам не принесла и не принесет. Пусть воюют немцы. Меня заставили пойти на войну, но ничего хорошего я в ней не вижу. Я не за Муссолини и не против него. Если без его падения война не может кончиться, пусть он падет, лишь бы прекратилась война. Разговоров о победе у нас почти не слышно. Раз мы нигде не побеждаем, как мы победим здесь?».

Упадок боевого духа коснулся не только армейских частей, но распространился также и на чернорубашечников, которых Муссолини считал наиболее крепким ядром итальянской армии. «Солдаты открыто выражают недовольство войной, плохим питанием и недостатком военного обмундирования, — говорил лейтенант легиона «Тальяменто», взятый в плен в декабре 1941 года. — До этого наш батальон в боях не участвовал и не имел больших потерь. Однако солдаты панически боятся партизан. Ходит слух, что в районе Сталино действует отряд в 2000 человек».

Другой офицер из того же легиона «Тальяменто» жаловался на плохое настроение солдат, которые мерзнут и голодают. Солдаты открыто читают советские листовки и совершенно определенно ждут окончания войны. Основная причина столкновений с немцами, по его словам, — это соперничество при захвате продовольствия. Немецкие коменданты стремятся все прибрать к рукам, ничего не оставляя союзникам. Офицер сообщил также, что ему известно пять случаев перехода итальянских солдат на сторону русских за последний месяц.

Появление дезертиров и перебежчиков служило одним из важных показателей ухудшения морального состояния итальянских войск. В своих мемуарах маршал Мессе категорически утверждает: «За все время существования экспедиционного корпуса в нем не наблюдалось ни одного случая дезертирства»⁶. Однако материалы штабов

советских соединений, действовавших против итальянского корпуса, опровергают заявление итальянского командующего и подтверждают слова офицера из легиона «Гальяменто».

Уже в осенние месяцы 1941 года в распоряжение советских войск стали попадать дезертиры и перебежчики. Один из таких солдат говорил во время допроса: «Я знаю, что из моей дивизии дезертировало несколько человек, — они скрываются у русских женщин в городе Орджоникидзе. Я знаю также случаи, когда за дезертирство расстреливали. В моей батарее были ребята, готовые каждую минуту бросить оружие».

Случаи дезертирства и добровольной сдачи в плен были еще исключением. Да и трудно было дезертировать, находясь за тысячи километров от родины, в чужой стране. Кроме того, фашистская пропаганда убеждала итальянцев, что все попадающие в руки Красной Армии солдаты противника подвергаются пыткам и расстреливаются. Солдаты видели, как обращаются гитлеровцы с советскими военнопленными и думали, что Красная Армия будет платить той же монетой. И если все же находились в таких условиях люди, предпочитавшие окончить войну дезертирством, то это говорило о серьезных явлениях в дивизиях, посланных Муссолини на Восточный фронт.

Существует мнение, что показаниям военнопленных нельзя доверять, поскольку положение заставляет их говорить то, что может благоприятно повлиять на их судьбу. В данном случае имеется возможность сравнить показания итальянских военнопленных с показаниями немецких солдат, захваченных в тот же период. Это солдаты 97, 98-й и 111-й немецких дивизий, которые были расположены рядом с итальянским корпусом.

Показания немецких солдат и офицеров подтверждали сведения об ухудшении отношений между немецкой армией и войсками союзников. Один солдат 97-й немецкой дивизии говорил: «Старая немецкая пословица гласит: сохрани нас бог от друзей наших, а с врагами мы как-нибудь сами справимся. Первая половина поговорки относится к нашим союзникам. Мы смеемся при виде итальянцев. Как солдаты они никуда не годятся, скорее это пушечное мясо. Нам запрещено вступать с ними в близкие отношения. В начале войны мы еще держались вместе, но теперь этого уже нет. С помощью этих союзни-

ков мы войны не выиграем, а проиграть ее мы и сами сумеем». Другой солдат из 111-й дивизии пояснял: «С этими союзниками одни мучения. Только напакостят, а мы должны поправлять их дела. И в самом деле, зачем им драться, — у них нет для этого никаких причин».

В документах штабов советских войск указывалось на две основные группы причин, объясняющих это положение. Во-первых, осознание итальянцами бесцельности войны. В сводке о политико-моральном состоянии итальянских дивизий говорилось: «Итальянский народ не питает враждебных чувств к народам Советского Союза. Большинство солдат и часть офицеров итальянской армии считают, что эта война не нужна Италии». И далее: «Несмотря на пышные проводы в Италии и громкие речи уже тогда значительная часть солдат и некоторые офицеры считали, что Италии нет никакого смысла воевать против Советского Союза. После понесенных потерь и затяжки войны ее бессмысленность стала особенно очевидной».

Вторая группа причин — лишения, связанные с наступлением осени и зимы.

В качестве одного из показателей антивоенных настроений итальянских солдат и офицеров указывалось, что они охотно обращались к своим товарищам с призывом сдаваться в плен. В зимний период 1941/42 года штаб Юго-Западного фронта издал большое количество листовок, подписанных итальянскими военнопленными. Среди них фигурируют, такие как «Обращение 64 пленных итальянских солдат и офицеров», «Обращение 7 итальянских офицеров» и т. д. Из попадавших в плен в то время солдат многие имели при себе листовки или своими ответами показывали, что они их читали, несмотря на строгое запрещение.

Первые морозы угнетающе подействовали и на офицеров экспедиционного корпуса, в том числе и на тех, кто пустился в поход по собственной воле. Проведя три месяца на советском фронте и получив право на нашивки за участие в восточной кампании, некоторые из них решили, что могут убраться восвояси. Один из унтер-офицеров 80-го полка дивизии «Торино» рассказывал: «За последнее время у нас произошли изменения в командном составе. Большинство прежних командиров отправились в Италию по болезни или по другим неизвестным мне причинам».

Уехал в Италию и командир полка полковник Кьяромонти. У него что-то случилось с глазами...».

Недомогание командира 80-го полка полковника Кьяромонти, как и некоторых других, не оказалось слишком серьезным. Возвратившись в Италию, он благополучно дослужился до генеральского чина. Выйдя в отставку, Кьяромонти поселился в родной Сицилии и через двадцать лет после окончания войны выступил с рассказами о своих подвигах на полях Украины. Повествуя о бое под Никитовкой, где 4 тыс. итальянцев под его командованием якобы успешно противостояли атакам 20 тыс. русских, он описывал действия молодого пулеметчика, тоже сицилийца, не называя, правда, его фамилии. По словам Кьяромонти, этот пулеметчик был дважды ранен и оставался в строю. В третий раз осколок снаряда начисто оторвал ему правую руку выше локтя. Однако, зажав спуск челюстями, пулеметчик продолжал вести огонь до тех пор, пока от вибрации оружия у него не вылетели все зубы. «Я лично собирал эти прекрасные белые зубы молодого южанина, рассыпанные вокруг треножника на снегу», — патетически закончил свое повествование генерал в отставке⁷.

У бывшего командира 80-го полка было достаточно времени для того, чтобы на досуге составить описание своих подвигов, пусть даже и не всегда укладывающихся в рамки правдоподобия. Этого времени не было у командира третьего берсальерского полка полковника Каретто, погибшего в донских степях. Однако остались письма полковника, которые рисуют картину, гораздо более реалистическую, чем это делает его сицилийский коллега. Кадровый военный с хорошим образованием, Каретто, уже будучи в чине подполковника, отказался вступить в фашистскую партию, хотя это и грозило ему осложнениями по службе. Он часто писал своей семье, подробно и откровенно — в рамках, дозволенных цензурой, — рассказывая о своих впечатлениях. Его письма хорошо иллюстрируют первую фазу действий экспедиционного корпуса.

«Между двумя реками — Бугом и Днепром, — писал полковник Каретто 17 августа, — нам не пришлось сражаться: немцы все сделали до нас. Полк движется вперед, но скольких усилий стоит сохранять дисциплину и заставлять уважать чужую собственность! К сожалению, не

все находятся на высоте положения, и не все понимают это так, как я...».

Полк, которым командовал Каретто, первым отличился в боях, освободив под Никитовкой авангард, попавший в окружение. Командир полка был награжден военной медалью. Однако тон его писем продолжал оставаться пессимистичным. «Мы еще держимся, в отличие от других, которые, выражаясь военным языком, „отметились“ и уехали или собираются уехать домой».

Впрочем, как вскоре выяснилось, офицеры берсальерского полка также оказались подверженными общему настроению. Сообщая, что недавно полк посетили немецкие генералы во главе с фон Клейстом, Каретто писал жене 16 января 1942 г.: «Вообще немецкие генералы появляются здесь чаще, чем наши. У нас царит нечто вроде повального бегства: кто уезжает из-за обморожений, кто из-за болезни живота, кто по семейным обстоятельствам и т. д. Если и дальше так пойдет дело, то через три месяца в полку останусь я, еще несколько человек, полковое знамя и павшие в боях, которых не так уж мало».

Награждение полка, которым командовал Каретто, золотой медалью, вызвало у него гордость за своих солдат. Однако его возмущали преувеличения фашистской пропаганды: «Вчера у нас был журналист из „Коррьере делла Сера“. Вообще в корреспонденциях о третьем полке недостатка не ощущается. Почти все газеты „воспевают“ наши подвиги. Сколько риторики и сколько вранья! Ах, если бы можно было сказать правду!!! Полк от этого не пострадал бы, но зато другим пришлось бы плохо»⁸.

Полковник Каретто писал о том, как скучает по дому, и строил планы тихой семейной жизни после войны. Однако он не стал искать предлога для «легального дезертирства» с фронта. Каретто погиб летом 1942 года на высоте 197, у берега Дона.

В середине ноября генерал Мессе решил выпрямить линию расположения своих дивизий, для чего необходимо было занять станцию Хацапетовку на линии Дебальцево — Малая Орловка. Операция была поручена дивизии «Торино», и во главе передовой колонны шел известный нам полковник Кьяромонти. Подойдя к станции Трудовая 7 декабря, Кьяромонти обнаружил, что силы русских превосходят его колонну и решил отойти обратно, к Никитовке. Здесь он и попал в окружение. Шесть дней

части, которыми командовал Кьяромонти, провели в осаде. С первых же дней он стал просить помощи у немцев, а не у собственного командования. Однако отчаянные призывы остались без ответа: немцы не двинулись со своих позиций.

Лишь 13 декабря, когда к Никитовке подошли итальянские части, в том числе берсальерский полк Каретто, сильно поредевшей колонне Кьяромонти удалось уйти из Никитовки. Дивизия «Торино» понесла в этом бою серьезные потери — из ее состава выбыло почти полторы тысячи человек. Был убит заместитель командира дивизии генерал де Каролис, неосмотрительно выскочивший из убежища во время артиллерийской перестрелки.

Неудачный поход на Хацепетовку, проведенный Мессе без санкции немецкого командования, вызвал недовольство фон Клейста. Видимо, для этого были основания. Во всяком случае приказы итальянского командования о проведении операции, попавшие в руки советских войск, говорят о том, что она была весьма плохо подготовлена. Анализируя эти документы, офицеры штаба 18-й армии отмечали в оперативной разработке серьезные упущения. Главными из них они считали отсутствие сведений о противнике и недостаточно четко поставленную задачу, что придавало действиям итальянского авангарда характер импровизации и послужило источником серьезных неприятностей для частей, выполнявших операцию.

«Рождественский бой» начался двумя неделями позже. Едва забрезжил рассвет после рождественской ночи, как на передовые позиции итальянцев обрушилась атака советской пехоты. Удар пришёлся по частям дивизии «Челере» и чернорубашечникам легиона «Тальяменто». Это был первый серьезный оборонительный бой экспедиционного корпуса. Нельзя сказать, что удар был полной неожиданностью для итальянского командования. Один из офицеров легиона «Тальяменто» во время допроса говорил о том, что 18 декабря командир батальона предупредил командиров рот о готовящемся наступлении. В числе трофейных документов, попавших в руки Советского командования, оказалась запись телефонограммы, переданной из штаба дивизии «Челере» 23 декабря, то есть накануне атаки: «Штаб дивизии „Челере“ предупреждает о готовящемся в ближайшее время наступлении противника на нашем направлении. Усильте наблю-

дение и ускорьте строительство оборонительных сооружений».

Однако никаких серьезных мер предосторожности принято не было. Передовые части в первый же день в панике бежали или, оказавшись в окружении, сдавались в плен. Чернорубашечники из легиона «Тальяменто», первые попавшие на передовую, оказались наименее стойкими. Передовая рота, находившаяся в деревне Новая Орловка, не успев отступить, сдалась в плен, а остальные поспешно откатились назад. За несколько часов советские части заняли три населенных пункта.

К новому году итальянский корпус вернулся на прежние позиции, и официально его престиж был восстановлен. Муссолини, которого первые известия об отступлении привели в бешенство, сменил гнев на милость и даже послал Мессе поздравительную телеграмму.

Однако итоги «рождественского сражения» оказались весьма тревожными для экспедиционного корпуса. Общие потери, большая часть которых приходилась на дивизию «Челере», составили 1400 человек. Мессе обратился к фон Клейсту с настойчивой просьбой отвести дивизию «Челере», а возможно, и весь корпус во вторую линию. Его обращение было полно драматических нот: «Репорты, которые я получаю в эти дни, говорят о том, что дивизия „Челере“ крайне ослаблена, и части, сохраняя высокое моральное состояние, находятся на грани физических сил. Поэтому считаю своим долгом еще раз обратить внимание на срочную необходимость заменить немецкими частями все части дивизии „Челере“. Дивизии „Пасубио“ и „Торино“ также устали и понесли тяжелые потери... Считаю своим прямым долгом обратить ваше личное внимание на это положение, которое, по моему мнению, весьма серьезно и которое может стать невыносимым»⁹.

Телеграмму аналогичного содержания Мессе послал в Рим. В обоих случаях его демарши не имели никакого успеха: итальянский генеральный штаб остался так же глух к призывам о помощи, как и немецкий генерал.

Тревожное настроение, охватившее итальянского командующего, все более нарастало. Вслед за операцией местного значения на итальянском секторе Красная Армия нанесла сильный удар по немецким войскам на Изюм-Барвенковском направлении. Это наступление, про-

ходившее в непосредственной близости от итальянского корпуса, заставила Мессе строить самые пессимистические предположения. По его приказу штаб занялся вопросом о том, как следует поступать в случае продолжения наступления советских войск. Учитывая трудности, связанные с отступлением в зимних условиях, Мессе решил, что если операция затронет итальянский сектор, то следует создать круговую оборону и ожидать помощи извне. Прекращение наступления советских войск не дало возможности Мессе испытать реальность его плана.

На итальянском секторе после декабрьского боя наступило затишье. Однако общий ход событий заставлял итальянского командующего делать весьма неутешительные прогнозы. Говоря о «поражительном зимнем возрождении русских», он следующим образом обобщал свои впечатления в докладной записке: «Зимнее наступление русских привело к значительным, хотя и не решающим, результатам. Оно показало в первую очередь неугасимую материальную и духовную жизненность армии, которую немцы считали окончательно разбитой в ходе летне-осенней кампании. Секрет этой чудесной способности к возрождению следует искать в несомненных организационных способностях командования, которое осуществляло руководство войной энергично, последовательно и строго реалистично во всех ситуациях, всегда оценивая ее ход с большой широтой взглядов; в решительности, с которой руководство оказалось способным вести сражения, пресекать все признаки слабости и контролировать самые трагические события; в огромных материальных и людских ресурсах страны; в превосходной способности людей переносить самые тяжелые испытания, не теряя веры и дисциплины. Последняя — характерная черта, кроме особого физического и духовного склада русского народа, явилась плодом постоянной заботы и пропаганды в рядах русской армии»¹⁰.

Длительное затишье позволило потрепанному корпусу несколько привести себя в порядок. Из Италии прибыло новое пополнение. Лыжный батальон «Червино», специально подготовленный для действий зимой, был поистине лучшим, что могла дать итальянская армия. Он состоял из альпийских стрелков, прошедших специальную тренировку. Обмундирование, и особенно утепленные лыжные ботинки, которым его снабдили, служили предметом за-

висти не только итальянских солдат, но и немцев. «Альпийцы быстро приспособились к условиям России, — пишет А. Валори. — Они сумели максимально использовать местные ресурсы, для того чтобы улучшить паек, выдаваемый интендантством. Даже советские кошки не избегли этой участи: этих домашних хищников ловили при помощи всяких хитростей, и они приятно разнообразили обычный стол. Один из альпийских стрелков по фамилии Качьялупи (что значит охотник на волков. — Г. Ф.) был даже переименован в Качьягатти (кошачий охотник) за свое умение охотиться на этих животных».

Конец зимних холодов и приближение обещанного летнего наступления немцев несколько приободрили итальянского главнокомандующего. 4 мая Мессе послал в Рим отчет, в котором отказывался от попыток добиться замены итальянских дивизий немецкими: «Я вскоре убедился, что наличие сил и сложность фронтовой обстановки не позволят заменить мои войска на первой линии и что престиж и чувство самосохранения требуют стоять насмерть». Слово «вскоре» свидетельствовало об относительности понятия времени у генерала: оно соответствовало отрезку времени, который потребовался для того, чтобы убедиться в тщетности попытки добиться у фон Клейста замены. Что касается соображений престижа, то они играли определяющую роль. Во всяком случае, идеи, которые Мессе развивает в том же документе, свидетельствуют о том, что, не слишком веря в способность своих войск, он думал о продолжении итальянского участия в войне против Советского Союза. Мессе выдвинул предложение, суть которого сводилась к тому, чтобы две свежие дивизии, присланные из Италии, прошли вперед КСИР, давая ему возможность передохнуть.

Итальянское верховное командование по-прежнему хранило загадочное молчание, никак не реагируя на предложения беспокойного генерала. Оно не посвящало командующего в свои планы, которые определялись волей Муссолини. В конце мая Мессе был вызван для доклада в Рим. Он повез с собой обширную докладную записку, в которой говорилось: «После окончания летне-осенней кампании, по моему мнению, три дивизии итальянского экспедиционного корпуса должны быть отозваны на родину. Считаю, что они или во всяком случае масса ветеранов, которые их составляют, не в силах перене-

сти вторую зимнюю кампанию»¹¹. Лишь попав на прием к начальнику генерального штаба, Мессе узнал о новых «исторических решениях» дуче. Эти решения вызвали у него чувство глубокой обиды: Муссолини намеревался отправить на Восточный фронт целую армию, но не Мессе должен был стать ее командующим. Разумеется, немцы знали об этом, и только сам Мессе пребывал в неведении до последнего момента.

ОТ ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА — К ЭКСПЕДИЦИОННОЙ АРМИИ

Выступая на заседании совета министров 5 июля 1941 г., Муссолини говорил: «Есть одна мысль, которая часто приходит мне в голову: после немецкой победы над Россией не будет ли слишком велика диспропорция между немецким и итальянским вкладом в дело оси? В этом вопросе заключается основная причина, побудившая меня послать итальянские силы на русский фронт»¹. На том же заседании совета министров он сообщил о трех новых дивизиях, которые он приказал послать на советский фронт. А через некоторое время дуче мечтал уже о двадцати дивизиях.

22 сентября Чиано записал в своем дневнике: «Видел дуче. Как всегда главная тема его разговоров — ход военных действий. Он говорил, что недовольство народа вызвано тем, что мы недостаточно энергично участвуем в войне с Россией. Я не согласен с ним. Война непопулярна, и недовольство населения вызвано недостатком хлеба, жиров, яиц и т. д. Но эта сторона дела мало трогает дуче...». 10 октября: «Конек» Муссолини — это посылка итальянских вооруженных сил в Россию. Он хочет послать туда весной еще двадцать дивизий, говоря, что таким образом мы приблизим наше военное усилие к немецкому и избежим того, что после победы (он уверен, что она будет) Германия станет нам диктовать свои условия точно так же, как побежденным странам»².

Начальник генерального штаба Каваллеро хорошо понимал несоответствие замыслов Муссолини возможностям итальянских вооруженных сил. Однако честолюбие заставляло его угождать желаниям дуче, даже если он в душе и не был с ними согласен. 2 октября Каваллеро записал в свой дневник: «Я обещал дуче, что мы сделаем все, чтобы оправдать его доверие. Теперь я уверен, что

мы это выполним». Но Каваллеро приходилось сокращать фантастические цифры, называемые Муссолини. Это видно из памятной записки генерального штаба итальянской армии от 23 октября 1941 г.: «Поскольку дуче выразил намерение послать новые силы на русский фронт весной 1942 года, начальник генерального штаба изучил вопрос и представил дуче следующие соображения и предложения:

1. Посылка частей зависит от: а) выполнения программы усиления армии, предусмотренной к весне 1942 года; б) спокойного положения как на Балканах, так и на Западном фронте.

2. Допустив эту последнюю гипотезу, мы сможем дать максимум шесть дивизий, взяв их с западной границы и из резерва в Центральной Италии. Эти дивизии могут быть полностью укомплектованы личным составом и боевой техникой. Однако они: а) не смогут получить противотанковой и зенитной артиллерии помимо той, что имеется в частях, уже находящихся в России; б) не будут обеспечены автотранспортом — об автотранспорте должны позаботиться немцы»³.

Переговоры о посылке новых войск на советско-германский фронт Муссолини поручил вести Чиано. Министр иностранных дел Италии в октябре 1941 года отправился в Германию, где был принят Гитлером и Риббентропом. Результаты бесед Чиано изложил Муссолини в подробном отчете⁴. Гитлер сразу же заявил Чиано, что теперь Россия «вне игры» и «операции близки к победному завершению». Правда, русские пытаются осуществить эвакуацию массы промышленных рабочих в Сибирь, чтобы наладить там производство, но «Гитлер категорически отвергает возможность какого-либо успеха. Он отвергает возможность, что общество, в котором даже распределение зубных щеток (если допустить, что русские чистят зубы) регулируется государством, может создать новый опорный центр сопротивления. Думать, что Россия может продолжать войну, равно предположению, что это могла бы сделать Германия, потеряв Рур и Верхнюю Силезию, 95% своих военных заводов и 65% своих транспортных путей».

В таком же духе Гитлер довольно долго развивал свои взгляды. Трудно сказать, насколько он сам был уверен в своих словах. Одно несомненно: целью монолога было

доказать посланцу Муссолини, что планы полностью осуществлены и Германия уже выиграла войну на главном театре военных действий. Министр иностранных дел Италии сумел уловить это тайное стремление. Изложив содержание речей Гитлера, Чиано комментировал их следующим образом: «Можно отметить противоречия в том, что говорит Гитлер. С одной стороны, он настойчиво утверждает, что кампания в России может считаться завершённой, а с другой, подчеркивает многочисленные сюрпризы, которые ему принесла эта война. Это сюрпризы военного характера, ибо вооружение и боевая подготовка войск, компетенция штабов оказались бесконечно выше любых предположений и информации, которой он располагал. Это сюрпризы промышленного характера, ибо о некоторых предприятиях, на которых работало до 65 тыс. человек, буквально несколько дней тому назад ничего не было известно. Это, наконец, сюрпризы политического характера, так как поведение солдат в бою и отношение населения показали их приверженность к советскому режиму, которой никак не ожидали. Теперь Гитлер — он этого не говорит, но это можно понять из того, с какой настойчивостью он хочет убедить других и самого себя в том, что кампания в России действительно окончена, — как будто задает себе вопрос, кончилась ли эта серия сюрпризов или же обширные пространства, которые еще остались под контролем Сталина, заключают в себе новые возможности для сопротивления и борьбы».

Что касается вопроса о посылке новых итальянских войск на Восток, то Чиано докладывал о полном успехе своей миссии. «Я встретил со стороны фюрера полное понимание наших пожеланий». Правда, это понимание носило несколько своеобразный характер. Гитлер сказал Чиано, что «широкое участие итальянских сил будет особенно полезным после преодоления Кавказа, так как на этой территории итальянский солдат будет более пригоден, чем немецкий, из-за характера местности и климата». Это можно было понять как предложение не слишком спешить. Однако Чиано было важно показать, что он сумел выполнить поручение Муссолини. Поэтому он с оттенком гордости писал в конце: «Если наш генеральный штаб войдет в контакт с соответствующими немецкими органами, я не думаю, что он теперь встретится с возражениями и трудностями».

Кроме того, Чиано уличал Гитлера в противоречиях и доказывал, что положение на Восточном фронте не так радужно, как уверял фюрер, и не только потому, что ему нужно было доказать дуче свою дипломатическую ловкость и умение видеть вещи в их истинном свете. Он хорошо знал, что Муссолини неприятно было бы получить сведения о слишком быстрой и легкой победе союзника. В своих дневниках Чиано неоднократно писал о том, что приостановка немецкого наступления осенью 1941 года обрадовала Муссолини.

«Сейчас Муссолини хочет: или чтобы война кончилась компромиссом, который спасет европейское равновесие, или чтобы она длилась так долго, чтобы мы могли с оружием в руках возродить потерянный престиж. Это его вечная иллюзия...»⁵

Можно было бы не поверить Чиано, если бы его сведения не подтверждались другими свидетельствами. Макиавеллизм дуче, желавшего затруднений своему союзнику, лишний раз иллюстрировал характер отношений между державами «оси». При этом Муссолини как бы забывал, что военные поражения трудно дозировать и что вместе с гитлеровскими войсками в России находились итальянские дивизии, которые попали туда по его собственной воле. Впрочем, судьба итальянских солдат мало трогала Муссолини, уверенного в том, что великие исторические свершения требуют крови.

Между тем из Берлина, в донесениях итальянского посольства, настойчиво подчеркивалась мысль, что немецкие поражения уже перешли те границы, которые могли бы быть полезны Италии, не ставя под угрозу конечный результат войны. Итальянские дипломаты в Берлине были ближе к источникам информации, говорившей о серьезности положения. Кроме того, они хорошо видели отношение гитлеровцев к Италии и не строили никаких иллюзий насчет ее положения в «оси». Так, советник посольства в Берлине полковник М. Ланца в своем дневнике следующим образом описывал встречу Риббентропа с Чиано, которую последний характеризовал в официальном отчете «теплой и дружественной»: «Церемония была очень пышной. Риббентроп произнес длинную речь, которая должна была быть гимном европейскому сотрудничеству, но которая скорее напоминала приказ деспота своим вассалам. Чиано был в ярости.

«Я хотел ответить ему в том же тоне!» — кричал он. Не ясно почему он этого не сделал»⁶.

Контрнаступление советских войск зимой 1941 года заставило Гитлера резко изменить отношение к предложениям Муссолини. В январе 1942 года итальянский посол Альфьери получил сообщение о том, что Гитлер не только согласен на увеличение итальянского контингента на Восточном фронте, но и просит ускорить посылку войск, причем посол имел бурное объяснение с военным атташе Маррасом, который попытался узнать, каким образом немцы намереваются использовать итальянские дивизии. Альфьери считал это излишним, будучи уверен, что Муссолини все равно согласится на все условия Гитлера. Однако к вечеру посол одумался и ночью вызвал к себе Ланца. Было видно, что предложение Марраса казалось ему крайне заманчивым: он сообразил, что в Риме его старания могут быть должным образом оценены. Он сообщил Ланца, что сотрудники Гитлера отказываются давать какие-либо разъяснения относительно будущего итальянских дивизий, и сказал, что было бы желательнее это узнать. «Но, чтобы добиться этого, придется прибегнуть к средствам, которые вы до сих пор отказывались использовать», — возразил Ланца. «В том положении, в котором мы находимся, нужно использовать все в интересах самой оси», — патетически воскликнул посол.

Ланца принялся за дело. Быстрота, с которой к нему стали поступать первые сведения, ставят под сомнение его слова о том, что ему «впервые» пришлось использовать каналы, не совсем обычные для сношений между союзниками. Уже 14 февраля он записывал в дневник, что «попытка узнать планы будущей кампании немцев дает свои плоды», а 8 марта представил Альфьери развернутый план действий немецкой армии на летний период⁷. Правда, о том, как немецкое командование намерено использовать итальянские войска, так ничего узнать и не удалось, но, видимо, это в то время было не ясно и самому германскому командованию.

Зато выявилось одно важное обстоятельство: Гитлер теперь был крайне заинтересован в итальянских войсках. О причинах этого он позднее сам рассказывал Муссолини во время их свидания в Зальцбурге, состоявшегося в апреле 1942 года. «Во время встречи в Зальцбурге,— го-

ворил Муссолини, выступая на заседании совета министров,— Гитлер признался мне, что прошедшая зима была ужасной для Германии и она чудом избежала катастрофы... Германское верховное командование пало жертвой нервного кризиса. Большая часть генералов под воздействием русского климата сначала потеряла здоровье, а потом голову и впала в полную моральную и физическую протрацию. Официально немцы сообщают о 260 тыс. убитых. Гитлер мне говорил, что в действительности их вдвое больше, кроме того, более миллиона раненых и обмороженных. Нет ни одной немецкой семьи, в которой не было бы убитых или раненых. Холод превосходил все предсказания и достигал 52 градусов ниже нуля... Столь низкая температура вызывала ужасные явления, такие как потеря пальцев, носов, ушей и век, которые падали на землю, как сухие листья, вызывая у солдат панику. У танков лопались радиаторы, и целые бронедивизии исчезали за одну ночь или сокращались до нескольких машин».

Главную новость Муссолини приберег на конец своей речи: «Я могу сообщить вам,— сказал он,— что итальянский корпус в России будет усилен еще шестью дивизиями и достигнет численности в 300 тыс. человек. На Восток будут посланы три пехотные и три альпийские дивизии плюс 18 батальонов чернорубашечников. Для того чтобы попасть на фронт, нашим солдатам придется проделать 3200 км по железной дороге. Я договорился с Гитлером, что переброска будет произведена через Германию, с целью показать немецкому народу, насколько значительно итальянское участие в общей войне. Гитлер обещал мне, что, когда итальянские силы увеличатся до масштабов армии, им будут предложены такие цели, которые привлекут внимание всего мира»⁸.

Гитлер был заинтересован в получении возможно большего числа войск сателлитов для советско-германского фронта. Однако уверенность Чиано, что переговоры между генеральными штабами пойдут гладко, не подтвердилась. Итальянский генеральный штаб пытался выторговать максимум немецкого снаряжения для новых дивизий. Особенно настойчиво он просил снабдить их противотанковыми средствами и автотранспортом.

Итальянское командование теперь знало боевую мощь русских танков. Для изучения их качеств в Герма-

нию ездила специальная комиссия. После ее возвращения Каваллеро сделал в своем дневнике невеселую запись: «Наши специалисты, посланные в Германию, сообщают о превосходных качествах русского танка Т-34. Мы готовим к выпуску Р-40, скорость которого едва достигает 40 км в час, в то время как у русского она равна 56»⁹. Танк Р-40, о котором упоминал Каваллеро, так и не был запущен в серию. Для усиления армии, посылаемой на Восток, генеральный штаб смог собрать всего несколько десятков трехтонных танкеток, которые давно уже стали объектом солдатских шуток.

По сравнению с 1941 годом положение с противотанковым оружием не улучшилось. Когда Муссолини вызвал к себе Каваллеро на доклад о состоянии вооружения армии, то в представленной сводке указывалось, что итальянская промышленность способна производить в месяц 280 орудий. Однако в ходе беседы Каваллеро пришлось признать, что эта мощность — теоретическая и тут же, в присутствии Муссолини, он исправил карандашом цифру 280 на 160. «Такие скидки делают только спекулянты на черном рынке», — заметил по этому поводу Чиано. Муссолини был возмущен столь явной мистификацией, но успокоил себя следующей сентенцией: «Я убедился, что все они вруны. Только Скуэро (один из заместителей Каваллеро. — Г. Ф.) — честный. Глупый, но честный».

Немецкое командование не оправдало надежд итальянцев. В ответ на просьбу предоставить противотанковую и зенитную артиллерию Кейтель ответил 6 февраля письмом, в котором сообщал: единственно, что может обещать немецкая сторона, — это железнодорожный транспорт. В утешение он напоминал, что германская армия сама испытывает трудности и «снаряжение немецких войск не может быть таким хорошим, как этого хотелось бы». Кейтель торопил итальянцев с подготовкой армии и настаивал, чтобы первый корпус был готов к 1 мая, а второй — к 1 июня. 18-го числа того же месяца Каваллеро ответил согласием, но продолжал торговаться, выпрашивая у немцев хотя бы автомашины.

Окончательные детали подготовки корпуса были согласованы во время поездки Каваллеро в Германию в начале мая. Он был принят Гитлером, от которого узнал, что итальянская армия займет на фронте сектор между

венгерской и румынской армиями. Гитлер обещал также, что итальянская армия будет всегда использоваться как единое целое. Первое обещание Гитлера было в дальнейшем выполнено, второе оказалось пустым звуком: немецкие генералы по-прежнему продолжали распоряжаться итальянскими дивизиями по своему усмотрению.

А. Валори, осуждающий Муссолини за участие в войне против СССР из соображений военно-стратегического порядка, пишет о том, что превращение итальянского корпуса в армию было крупной ошибкой. Он считает, что это не усилило, а лишь раздуло итальянское участие, что проблема заключалась не в количестве дивизий, а в их качестве, и поэтому вместо посылки новых контингентов, следовало улучшить оснащение уже находившихся на фронте. А в 1942 году единственно, кто протестовал против планов увеличения итальянских контингентов, был Мессе. В середине мая, когда подготовка армии шла полным ходом, он еще ничего не знал о том, что не ему придется командовать ею. Поэтому, прибыв в Рим в конце месяца, он сразу начал оспаривать целесообразность посылки новых дивизий. Опыт пребывания на фронте достаточно хорошо убедил его в этом.

Впечатление Мессе от пребывания на Восточном фронте Чиано синтезировал следующим образом: «Как и все, кто имел дело с немцами, он их ненавидит и считает, что единственный способ разговаривать с ними — это пинок в живот. Он говорит, что русская армия сильна и хорошо вооружена и что абсолютной утопией является надежда на крах Советов сверху. Немцы одержат летом успехи, и, может быть, серьезные, но решить ничего не смогут. Мессе не делает выводов, но и не скрывает вопросительных знаков, которых много и которые серьезны»¹⁰.

Однако к голосу Мессе никто не хотел прислушаться.

В конце двухчасовой беседы у Кавалеро начальник генерального штаба резко прервал Мессе: «Решение принято дуче по политическим соображениям, и бесполезно его обсуждать». Через два дня Мессе попал на прием к самому Муссолини. По словам Мессе, он «горячо доказывал дуче неразумность посылки новых дивизий». «Это истинное чудо, что КСИР до сих пор не разбит и не стерт в порошок в этой войне гигантов. В тече-

ние этой зимы мы несколько раз были на краю гибели»¹¹. Муссолини рассеянно слушал доводы Мессе. Он закончил беседу словами, которые больно задели честолюбивого генерала: «За столом мирной конференции 200 тыс. солдат экспедиционной армии будут много весить. Намного больше, чем 60 тыс. человек экспедиционного корпуса». Потом он неожиданно добавил: «Скажете, что вы сами теперь собираетесь делать?».

Мессе пришлось смириться с тем, что его командиром теперь стал генерал Гарибольди, при упоминании о котором, по словам Чиано, у Мессе глаза наливались кровью. Не последнюю роль в смещении Мессе сыграл Каваллеро, считавший, что Мессе начинает расти слишком быстро. Новый командующий итальянскими силами на советско-германском фронте Гарибольди был одним из самых старых генералов итальянской армии. Он не отличался большими военными талантами, а Чиано называл его просто «глупым и старым». Флегматичный старик, носивший под массивным носом подкрашенные усики, очень почитал французский генеральный штаб, считал, что немецкий генеральный штаб неплох, но чересчур увлекается, а в отношении русских он вообще сомневался, что они могут быть военными. «Мы о нем мало что можем сказать,— пишет один из офицеров штаба Гарибольди,— так как его деятельность, так же как у конституционного монарха, ограничивалась риторическими приказами, речами, награждениями и представительскими обедами. Он очень заботился о том, чтобы его подчиненные носили все награды. Кампания в Северной Африке приучила его к почитанию представителей политической власти: перед отправкой в Россию он нанес визит молодому министру иностранных дел Чиано». Назначением Гарибольди был очень доволен Гитлер: по его сведениям, Гарибольди не отличался сильным характером и не был столь строптив, как Мессе. Это вполне устраивало немецкое командование.

Новые итальянские дивизии не смогли прибыть на Восточный фронт к началу летнего немецкого наступления, как просил Гитлер. Лишь в июне 1942 года была окончена подготовка дивизий, снятых с французской границы. Как пишет английский военный историк Ф. Дикин, это повлекло за собой серьезное ослабление военных позиций Италии на средиземноморском театре воен-

ных действий: Италия лишалась последних резервов в случае высадки англо-американских войск в Северной Африке или попытки открыть второй фронт в Южной Франции¹².

Ядром новых контингентов служили три альпийские дивизии «Тридентина», «Юлия» и «Кунезэнзе». Альпийские части всегда считались в Италии наиболее надежными войсками. Их личный состав набирался из жителей Северной Италии, преимущественно горцев, которые переносили невзгоды военной жизни легче южан. Набор в альпийские батальоны производился по территориальному признаку, и в ротах и взводах служили не только соседи по деревне, но часто даже родственники. Это придавало подразделениям альпийцев внутреннюю спайку и служило преимуществом при действиях небольшими группами, как это бывало обычно в горной местности. Дивизии, как правило, принимали наименование областей, в которых они формировались.

Вооружение альпийских дивизий было приспособлено для действий в горах. В них отсутствовала артиллерия крупных калибров, горные пушки перебрасывались во вьюках. Основной тягловой силой альпийских частей были мулы. Перед отправкой на фронт подразделения проходили усиленную тренировку в передвижении по равнине. Однако все были уверены, что конечная цель альпийского корпуса — Кавказские горы, поэтому горные стрелки взяли с собой веревки, клинья, альпенштоки и другое имущество. Как впоследствии писал один итальянский офицер, альпенштоки им оченьгодились... сшибать головы курам и уткам в украинских деревнях.

Вместе с альпийскими дивизиями на Восточный фронт отправился второй армейский корпус в составе дивизии «Равенна», «Коссерия» и «Сфорцеска». Перед отправкой они были полностью укомплектованы личным составом, а для их вооружения было собрано все, что еще оставалось на армейских складах. К этим дивизиям для несения тыловой службы была добавлена дивизия «Винченца» неполного состава, не имевшая тяжелого вооружения. Ее солдаты и офицеры были недавно призванные резервисты, многие из них — люди пожилого возраста, давно не служившие в армии. За мало воинственный вид эта дивизия была немедленно окрещена солдатами «дивизией оловянных солдатиков».

В составе экспедиционных сил увеличивалось число батальонов чернорубашечников. Вместе с новыми дивизиями на фронт отправились четыре бригады: «Имени 3 января», «Имени 23 марта», «Валле Скривиа» и «Леонесса». Эти бригады, как и легион «Тальяменто», действовавший в составе КСИР, принадлежали к так называемой «Добровольческой милиции национальной безопасности». «Добровольческая милиция» была создана в начальный период фашистского движения. Позднее Муссолини сохранил ее в качестве своей личной гвардии и на предложение о ее ликвидации как-то энергично ответил: «Кто тронет милицию, получит свинец в живот!»

Милиция представляла собой плохую копию итальянской армии, и последняя относилась к ней с презрением и ненавистью. Части милиции носили пышные названия, заимствованные из терминологии древнего Рима, — «легионы», «крылья», «манипулы» и т. д., а офицеры — звания римских военачальников: «консул», «проконсул», «командир манипулы». Вооружение милиции было «облегченным» по сравнению с соответствующими частями пехоты. Зато батальоны чернорубашечников, которые назывались «штурмовыми», были хорошо снабжены автотранспортом.

«Преданность идее» и «высокий боевой дух» должны были восполнить слабость вооружения. «К сожалению, этого боевого духа никому не дано было увидеть, — пишет в своих мемуарах заместитель начальника итальянского генерального штаба генерал Дзанусси. — Он исчезал при первых же стычках с противником. Самые «преданные» Муссолини фашисты быстро убедились, что на войне недостаточно кричать «дуче, дуче, дуче» и маршировать гусиным шагом. Особо стоит сказать о «консулах» и других офицерах этого войска. Это были отбросы армии, — те, кого обошли при присвоении звания, или карьеристы самого низкого пошиба. Кроме того, среди них имелись люди, сделавшие карьеру по самым невероятным причинам — благодаря личным связям, успехам в спорте или на поприще изящных искусств. Когда я с ними сталкивался, я каждый раз поражался смеси невежества и нахальства. Достойным их представителем был командующий милицией Гальбиати: в одном из своих выступлений он заявил, что задача чернорубашечников — «бороться с врагами, которые угрожают Италии

со всех трехсот шестидесяти пяти градусов горизонта». Видимо он решил, что для фашистов обычный горизонт слишком узок, и расширил его на пять градусов»¹³.

К 1942 году батальоны чернорубашечников успели несколько потерять свое звание «избранной гвардии» фашистского режима. Если офицерские должности в них продолжали занимать ветераны партии и руководители местных фашистских организаций, жаждавшие получить медали за боевые заслуги, то для восполнения недостатка солдат-добровольцев пришлось прибегать к обычной мобилизации военнообязанных. Таким образом, среди фашистского воинства появились люди, приверженность режиму которых выражалась главным образом в ношении черной рубашки.

Новая армия, в состав которой должен был влиться экспедиционный корпус, получила наименование «итальянской армии в России» (сокращенно — АРМИР). В июле — августе началась переброска новых дивизий на фронт. За год, прошедший со времени отправки на фронт экспедиционного корпуса, обстановка в Италии значительно изменилась. Неудачи в Северной Африке, продовольственные затруднения, которые становились все ощутимее, начало англо-американских бомбардировок — все это сказывалось на моральном состоянии населения, вызывая рост антивоенных и антифашистских настроений. Нередким явлением в городах Италии стали стихийные антивоенные манифестации. 1 мая 1942 г. в Турине произошли первые массовые выступления рабочего класса, которые приобрели открыто антифашистский характер. В стране начали оживать антифашистские группы, усилила свою деятельность Коммунистическая партия. Коммунистические листовки и подпольные издания стали появляться в крупных промышленных центрах.

Это были первые ласточки надвигавшегося общего подъема, антифашистского движения в стране, и они давали себя чувствовать в армии. Поэтому фашистские руководители принимали все меры для того, чтобы предотвратить в частях, отправляющихся в «коммунистическую Россию», распространение «подрывного духа». «Перед отправкой велась настойчивая пропагандистская обработка,— пишет лейтенант Ревелли в своих воспоминаниях.— Вот ее тезисы: дезорганизованные русские истощены и не хотят сражаться — они сотнями

тысяч сдаются в плен; население тоже устало от войны и встречает войска оси как освободителей: это примитивное население африканского типа. Как в свое время в Эфиопии, достаточно будет нескольких блестящих бездельшек, чтобы получить взамен по крайней мере корову. Особенно рекомендуются открытки с изображением дуче и короля. Трудно было поверить во все это, но когда подобные вещи повторяются каждый день, они что-то все-таки оставляют»¹⁴.

В середине июля в готовившиеся к отправлению части прибыл циркуляр, обобщавший опыт боевых действий экспедиционного корпуса. В нем ничего не говорилось о русских танках, автоматах и «Катюшах». «Секретный циркуляр» повторял выдумки фашистской пропаганды о том, что русские не хотят сражаться и армия агонизирует. Правда, в нем содержался ряд советов о том, как себя вести, вроде следующего: «Зимой бывает очень холодно, настолько холодно, что русские спят не на кроватях, а предпочитают проводить ночь на печках. Вода плохого качества, и ее следует подвергать химической очистке». Особенно загадочным для офицеров был пункт о печках, поскольку они представляли их в виде небольшой плиты итальянского типа, абсолютно непригодной для спанья.

В штаб новой армии поступали тревожные сведения. Так, командир одного из полков дивизии «Юлия» доложил о письме солдата, который спрашивал, долго ли итальянская армия будет орудием иностранной тирании и не пора ли ей стать представителем итальянского народа. Это письмо было передано в вышестоящие инстанции с пометкой: «Явно коммунистический дух». В военный трибунал были переданы дела нескольких солдат, которые допускали антифашистские высказывания или «приносили угрозы в адрес своих офицеров». В канун отправки на фронт в штабе дивизии «Коссерия» комиссия, состоявшая из нескольких генералов, расследовала случай, когда солдаты курсантской роты организовали хорошее пение гимна итальянского рабочего класса — «Бандьера Росса».

Итальянская армия в то время уже испытывала недостаток в офицерских кадрах, а число добровольцев резко сократилось. Возможности тщательного отбора, как это было во времена подготовки экспедиционного корпуса,

ограничились. Дело дошло до того, что на советско-германский фронт стали отправлять офицеров, антифашистские настроения которых были хорошо известны полиции. Среди них был начальник организационного отдела штаба армии капитан Д. Толлои. Он принадлежал к группе либералов-антифашистов и был связан с деятелями, положившими начало мелкобуржуазному движению «Справедливость и свобода». Толлои был отправлен на фронт по прямому доносу тайной полиции, занимавшейся делами антифашистов,—ОВРА. Среди солдат и офицеров экспедиционной армии оказалось также несколько человек, недавно вышедших из тюрьмы, где они находились за коммунистическую деятельность. Однако это были лишь отдельные случаи, которые не определяли лицо офицерского корпуса итальянской армии в России. Его основу составляли кадровые офицеры и резервисты, продолжавшие служить фашистскому режиму. Часть из них не переставала верить в победу «оси», были среди них и добровольцы.

К этим последним принадлежал молодой офицер Нуро Ревелли, недавно закончивший военную академию, будущий известный партизанский командир, а в то время образцовый служака и преданный дуче фашист. «Я стремился только к войне, к тому, чтобы выполнить свой долг,—пишет он в своих воспоминаниях.—Различные анекдоты, тыловое пораженчество меня глубоко задевали. Я ревниво относился к военной карьере и наградам; особенно к наградам, так как они отделяли фронтовиков от плоскостопных тыловых крыс... Я написал рапорт с просьбой направить меня на фронт. Вскоре меня вызвали в штаб полка. Я ожидал поздравлений и похвал. Вместо этого старший адъютант встретил меня криком: „Что ты там натворил? Обесчестил чью-нибудь дочь или проигрался в карты?“».

Наибольшей воинственностью отличались многочисленные фашистские деятели, которые отправлялись вместе со штабом армии и легионами чернорубашечников. Большая часть из них видела в этой поездке лишь средство для устройства собственной карьеры. Так, бывший губернатор Сомали, консул Дзоли, которому было присвоено звание полковника, говорил в поезде своему соседу по вагону: «Молодой человек, когда вы будете таким старым, как я, будете знать, что все итальянцы—обманщи-

ки и жулики». Полковник Дзоли не думал о том, что лучшей иллюстрацией его слов в глазах офицеров был он сам.

Летом 1942 года гитлеровские армии быстро продвигались к Кавказу, и победные сводки заставляли многих забывать про тревоги прошедшей зимы. «Известия с русского фронта хорошие,— писал в эти дни лейтенант Францини, готовясь отправиться на Восточный фронт с дивизией «Кунеэнзе».— Наша печать громко превозносит молниеносное продвижение немецких танковых дивизий. Под Сталинградом русские миллионами сдаются в плен. Со дня на день ожидается падение Москвы. Наша поездка на фронт будет простой прогулкой. Есть, правда, пессимисты, но их немного»¹⁵. Таково было настроение большинства офицеров, собиравшихся в эти жаркие июльские дни в далекую Россию.

Солдатская масса состояла из молодых рекрутов, недавно попавших под ружье. Фашистские заправилы обещали им легкую победу, священники благословили их перед отъездом. Но голос здравого смысла порождал в их душах смутную тревогу. Одна из книг, которые издал после войны Н. Ревелли, состоит из записей рассказов сорока альпийцев, находившихся на Восточном фронте¹⁶. Это были рядовые солдаты, в основном крестьяне. «Весной 1942 года,— рассказывал солдат Серале, участвовавший уже в походе на Балканы,— начинают говорить о России... На этот раз все немного подавлены. Мы чувствуем, что нас ожидает совсем не такая война, какая была на Западе и в Албании. Но мы молоды, и песня заставляет нас забывать даже грустные вещи». «Мы знали, что едем навстречу беде,— пишет другой солдат того же полка.— Мы помнили, как кончил Наполеон, и знали, что нас ждет такая же судьба. Офицеры говорили, что у нас будет особое оружие, но мы сомневались. Это было грустное расставание. Все провожающие плакали».

Поездка через Германию и Польшу имела совсем не тот эффект, на который рассчитывал Муссолини. «Единственная вещь, которая произвела на меня впечатление во время путешествия,— пишет солдат Беллини, участвовавший до этого в войне против Франции и Албании,— это жестокое, зверское отношение немцев к русскому населению. Два или три раза мы были готовы броситься на немцев, настолько их поведение было позорным. Мы не

привыкли к подобной жестокости. Немцы безжалостно избивали женщин, девушек, детей. Детский плач не производил на них никакого впечатления, они загоняли детей в вагоны, как загоняют скот... Наши союзники — настоящие варвары...».

Когда эшелоны с итальянскими солдатами начали углубляться в белорусские леса, итальянские солдаты стали замечать, что террор гитлеровцев не смог сломить сопротивления советского народа, что даже в глубоком тылу немцы не чувствовали себя хозяевами. По вагонам был отдан приказ держать оружие наготове, офицеры объясняли солдатам, что можно ожидать налетов партизан. Поезда замедляли ход, и на перегонах приходилось выстаивать долгие часы, ожидая пока будет отремонтировано железнодорожное полотно. Высунувшись из окон, солдаты показывали друг другу лежащие вверх колесами локомотивы, пущенные под откос поезда. Несколько вагонов с альпийцами подверглись обстрелу, один эшелон с солдатами дивизии «Кунеэнзе» взлетел на воздух. «Мы ехали с сердцами, сжавшимися от страха из-за партизан», — вспоминает один из солдат этой дивизии. «Это было нам предупреждением со стороны русских», — пишет другой солдат той же дивизии. Навстречу эшелонам двигались госпитальные поезда, подтверждая невеселые догадки альпийцев.

Таковы были первые впечатления солдат, еще не успевших покинуть свои эшелоны. Во многом похожи на них рассказы офицеров. «Во время проезда через Германию, — записал в своем дневнике лейтенант Францини, — меня поразила одна вещь: товарищество по оружию, о котором пишет так много наша печать, как будто совсем не существует. Вернее, оно проявляется только в обмене пайками между итальянскими и немецкими солдатами. Немцы ценят у итальянцев только макароны и рагу. В остальном они смотрят на нас свысока и всячески нас унижают. Альпийским стрелкам это не нравится. Время от времени вспыхивают кулачные бои. Мы видим, что с нами обращаются, как со слугами»¹⁷. «За двенадцать дней пути в эшелоне, — вспоминает Н. Ревелли, — я уже увидел войну, хотя фронт был еще далеко. В Австрии и Германии босые и изнуренные военнопленные вдоль полотна. В Польше толпы евреев с желтой звездой на спине, собирающие отбросы на станциях. На Украине

дети с глазами, казавшимися огромными на истощенных лицах, просящие кусок хлеба»¹⁸.

«Во время стоянки в Бобруйске, — пишет Д. Толлои, — я с моим товарищем, который хорошо говорил по-русски, остановил трех крестьянок, возвращавшихся с поля. Искренность их ответов, отсутствие заискивания перед „победителями“ вызвали во мне большую симпатию. Они похвалили моего друга за красный галстук (это был отличительный знак дивизии „Ре“), сказали, что до прихода немцев они жили хорошо, и спросили, зачем мы сюда приехали... Подошел немец и грубо закричал на девушек — они ответили ему с вызовом, затем медленно отошли».

К середине августа 1942 года большая часть итальянской армии прибыла в Донбасс. Повторилась история 1941 года: итальянским частям пришлось в пешем строю догонять быстро удалявшийся фронт. Опять, как летом 1941 года, мимо беспорядочно двигавшихся колонн итальянцев проезжали моторизованные союзники, вызывая зависть и раздражение альпийцев, непривычных к переходам по равнине. «Мы не видели пеших немцев, — пишет в своем дневнике лейтенант Францини. — Они проезжают мимо на автомашинах, взирая на нас с презрением и заставляя глотать тонны пыли. Иногда хочется продырявить им из винтовки покрышки, а то и головы. Когда кому-то из нас становится плохо и мы просим его подсадить, они почти всегда делают вид, что не замечают»¹⁹.

Высадка из эшелонов произошла на значительном удалении от итальянской базы в Миллерово, и части оказались без продовольствия. Консервы, выданные сухим пайком, скоро кончились, а немецкие коменданты отказывались снабжать проходившие части. Итальянские батальоны двигались по деревням, как саранча, отыскивая у населения продукты, которые не успели захватить немцы.

Внимание к домашней птице со стороны солдат итальянской королевской армии было сразу отмечено населением. Прозвище «солдат-курка» прочно закрепилось за ними. Оно было связано не только с непривычным видом итальянских солдат в широких кургузых шинелях, из-под которых торчали ноги в обмотках, но и с усиленным истреблением пернатых.

Достигнув района Миллерово, вновь прибывшие итальянские части попадали в расположение итальянского экспедиционного корпуса. Многие думали, что теперь речь может идти только о гарнизонной службе, поскольку немецкие сводки писали, что конец сопротивления советских армий — дело ближайших недель. «Ветераны видели на их губах улыбку, — пишет Ф. Гамбетти, — ту самую улыбку, которая была у них год назад. Улыбку туристов, которые готовы спросить у первого встречного, как пройти к местным достопримечательностям, а может быть, к дому терпимости. Ветераны не хотели их разочаровывать сразу. Они даже надеялись их несколько раз разыграть, пока те сами не поймут, как в действительности обстоят дела»²⁰.

ИТАЛЬЯНСКАЯ АРМИЯ НА ДОНУ

«Стягивая свои войска к Сталинграду, германское командование на менее ответственных участках, где, видимо, предполагаются только оборонительные бои, на протяжении августа вводило итальянские войска».

*(Из документов 63-й армии
Сталинградского фронта).*

В то время как итальянские дивизии прибывали в район боевых действий, немецкое летнее наступление 1942 года было в полном разгаре. «Яростная битва на Восточном фронте, — писал Гитлер Муссолини в начале августа 1942 года, — на этот раз проходит в полном соответствии с планами. Сейчас положение таково, что в восточной излучине Дона наши дивизии, после того как они получают пополнение горючим и боеприпасами, проведут решительную битву против русских частей, которые туда срочно переброшены. Я ни на минуту не сомневаюсь, что в результате этого Сталинград попадет в наши руки. Тем временем дивизии правого крыла движутся к Кавказу, ведя непрерывные бои...»¹

Относительно использования итальянской армии Гитлер писал следующее: «Ваша армия, дуче, моторизованная дивизия которой «Челере» уже вступила в бой на Дону, будет расположена нами для отражения эвентуальных атак противника на флангах. Я бы хотел просить, дуче, вашего согласия на то, чтобы альпийские дивизии были использованы вместе с нашими горными и легкими дивизиями на Кавказе. Тем более, что форсирование Кавказа приведет нас на территорию, которая не входит в сферу немецких интересов, и поэтому также по психологическим мотивам было бы важно, чтобы вместе с нами там были итальянские части, если возможно альпийский корпус, который более пригоден для этой цели. Вместо этого на Донском фронте я бы придал ва-

шей армии и поставил под ее командование одну или две свежие дивизии, а затем бронетанковую дивизию в качестве резерва вашей армии. Считаю это уместным, поскольку можно ожидать вступления в бой русских бронетанковых сил, в борьбе с которыми наши дивизии постепенно стали настоящими специалистами. В общем, дуче, я с полной уверенностью считаю, что Россия уже через несколько недель потеряет свои наиболее важные источники снабжения нефтью, в то время как мы в ближайшее время окончательно ликвидируем наш постоянный голод в горючем»².

Итальянская армия в России, получившая порядковый номер восемь, насчитывала в своем составе 7 тыс. офицеров и 220 тыс. солдат: 10 дивизий и 4 бригады чернорубашечников. Она имела на вооружение 2850 ручных и 1400 станковых пулеметов, 860 минометов, 380 47-миллиметровых пушек, 19 самоходных 47-миллиметровых орудий, 225 20-миллиметровых пушек, 52 76-миллиметровых орудия и 960 орудий разного калибра и типов. Танковые силы армии сводились к 55 легким танкам. Транспортные средства армии состояли из 25 тыс. лошадей и мулов, 16 700 автомашин, 1130 тракторов³.

Бывший экспедиционный корпус в составе дивизий «Пасубио», «Торино» и «Челере» принял название 35-го армейского корпуса. Второй армейский корпус составляли пехотные дивизии «Равенна», «Коссерия» и «Сфорцеска». Альпийский корпус насчитывал также три дивизии: «Тридинтина», «Юлия» и «Кунезэнзе». Дивизия «Винченца» и бригады чернорубашечников действовали самостоятельно или придавались тому или иному корпусу.

К началу продвижения немецких армий к Дону на линии фронта находились лишь три дивизии, входившие ранее в экспедиционный корпус. Альпийский корпус в соответствии с пожеланиями Гитлера был нацелен на Кавказ, и уже началась переброска на юг дивизии «Кунезэнзе». Остальные соединения двигались к Донцу. Дивизия «Челере», вопреки обещаниям Гитлера, была изъята из-под итальянского контроля и включена в состав 6-й немецкой армии. Бывший командующий Мессе предпринимал различные маневры, чтобы не попасть под командование Гарибольди. Гарибольди, со своей стороны, начал реорганизацию армии, целью которой, по

мнению сторонников Мессе, было раздробить испытанный в боях КСИР. Гарибольди был также озабочен вопросами субординации. «Не из личных соображений, а из интересов престижа итальянской армии, — писал он в Рим, — сообщаю, что меня ставят под командование немецкого генерала ниже меня по званию». Одновременно он сообщал, что итальянские дивизии вооружены и снаряжены гораздо хуже немецких.

Итальянский генеральный штаб принимал это к сведению, но не торопился отвечать. Офицер связи итальянской армии подполковник Каваллеро, хорошо знавший настроения римских кругов, поскольку он являлся сыном начальника генерального штаба, объяснял своим коллегам по штабу: «Чего вы еще хотите? Мы прибыли, чтобы приобрести акции для мирной конференции, и через месяц все будет кончено».

Впечатление, что «через месяц все будет кончено», заставило Гарибольди торопиться. Хотя только одна из новых дивизий прибыла на место, он поспешил принять командование армией, смирившись с тем, что при этом он оказался в подчинении немецкого генерала ниже его по чину. Одновременно Гарибольди взывал к Риму, настаивая на том, чтобы альпийский корпус не посылали на Кавказ и не изымали из-под его командования. Из Рима отвечали, что это невозможно, поскольку такое решение «соответствует политическим взглядам дуче». Но не успел этот категорический ответ прибыть в штаб армии, как немецкое командование из-за транспортных затруднений переменило свое решение и раздумало посылать альпийские дивизии на Кавказ. «Политические взгляды дуче» были тут же забыты, и альпийцы резко изменили свой маршрут, повернув к Дону.

В июльско-августовском наступлении смогли принять участие дивизии 35-го корпуса и дивизия «Сфорцеска». Приказ о наступлении последовал после того, как немецкие войска, находившиеся на флангах итальянского сектора, уже продвинулись далеко вперед. По замыслу немецкого командования, они должны были, продвигаясь между Донцом и Доном, взять в клещи находившиеся там советские войска. Однако советское командование вывело войска из-под удара, и когда итальянские дивизии двинулись вперед, выяснилось, что перед ними образовалась пустота.

«Единственный бой, который нашим войскам пришлось выдержать, — писал Д. Толлои, — произошел в Ивановке, где немецкие пикирующие бомбардировщики по ошибке разбомбили колонну наших берсальеров: повсюду немцы были первыми. Русские войска, находившиеся в излучине Дона, отошли, и в мешок, который немцы считали закрытым, попала только 8-я итальянская армия»⁴.

Левое крыло немецких войск, входивших в группу армий «Б», было остановлено на Дону под Воронежом. Зато 6-я армия фон Паулюса, входившая, так же как и итальянская армия, в группу армий «А», заняла Серафимович и устремилась к Волге. Продолжавшая отставать от немецких бронетанковых дивизий итальянская армия была передана из группы армий «А» в группу армий «Б». Она должна была занять позиции вдоль Дона и прикрывать фланг немецкой армии, двигавшейся к Сталинграду. Исключением служила дивизия «Челере», которая до середины августа продолжала входить в состав 6-й немецкой армии. Вместе с ней она участвовала в боях за Серафимович, где первой из итальянских дивизий 30 июля испытала удар советских танковых частей. Дивизия была атакована 30 советскими танками и потеряла за день почти всю свою артиллерию. В боях у Серафимовича выбыли из строя 1700 человек — около трети личного состава дивизии. 14 августа ее вывели на отдых, а затем возвратили в состав 8-й армии.

Едва итальянские дивизии заняли отведенный им сектор, как 20 августа на расположение дивизии «Сфорцеска» с другой стороны Дона обрушился удар советских войск. Дивизия не выдержала, и ее части начали беспорядочно откатываться назад; 21 августа дивизия разделилась на две части и, по словам Валори, «практически выбыла из боя». 24 августа советские войска заняли станицу Чеботаревскую, открыв проход между итальянским 35-м и 18-м немецким корпусами. По словам Валори, это «поставило под угрозу судьбу всей итальянской армии».

На место разбежавшейся дивизии командование армии спешно перебросило части дивизий «Челере» и «Равенны». Одновременно Мессе, командовавший 35-м корпусом, запросил помощи у соседнего 17-го немецкого корпуса. Немецкое командование выслало лишь неболь-

шие заслоны, которые перехватывали итальянских солдат, покидавших поле боя. Одновременно оно направило на место происшествия фотографов, которые усердно снимали группы бегущих итальянцев. «Поскольку все мои обращения не дали результатов, — пишет Мессе, — я отдал приказ отступить и оставить долину реки Шушкан».

Реакция немцев была быстрой и неожиданной. Офицер связи при 35-м корпусе потребовал пересмотреть приказ Мессе. Мессе ответил, что приказ уже одобрен итальянским командованием. Тогда, через командование итальянской армией, в штаб Мессе прибыло распоряжение группы армий «Б», в котором говорилось: «Никто не имеет права отходить назад с занимаемых позиций; всякий, кто отдаст подобный приказ, подлежит самому суровому наказанию». Второй пункт гласил: все итальянские части, находившиеся в секторе дивизии «Сфорцеска», передаются под командование 17-го немецкого корпуса, «для того чтобы любой ценой прекратить отход этой дивизии»⁵.

Для осуществления этого приказа в расположение «Сфорцески» прибыл генерал Блюментритт. Генерал Мараццани, командовавший дивизией, узнав, что Блюментритт ниже его по званию, отказался подчиниться. «В итальянской армии такого положения не может быть», — заявил он.

Одновременно Мессе направил в штаб 8-й армии протест, который напоминает дипломатическую ноту великой державы, понесшей тяжкое оскорбление. «От имени живых и мертвых, — писал он, — как их командир, как прямой свидетель и как итальянец, я должен поднять гордый протест, против инсинуаций о том, что отход частей был добровольным и что достаточно немецкого генерала, чтобы восстановить положение».

Мессе требовал срочного свидания с Гарибольди для объяснения. Ответ Гарибольди был сух и саркастичен: «Учитывая обстановку, не следует вашему превосходительству оставлять командный пункт для свиданий. Сейчас важно победить». Мессе не удовлетворился этим и написал новое письмо, в котором требовал вычеркнуть из приказа группы армий, «который войдет в историю», слова «любой ценой прекратить отход дивизии „Сфорцеска“». Штаб группы армий «Б» ответил, что решение

передать под контроль 17-го корпуса «то, что еще оставалось от дивизии „Сфорцеска“», было принято «на основании абсолютно объективных данных», а фраза, оскорбившая итальянского генерала, «соответствует немецкой военной терминологии»⁶.

Со своей стороны, немецкое командование пожаловалось на поведение Мессе и подчиненной ему дивизии в Берлин, а оттуда жалоба была переправлена в Рим, где вызвала большой шум. 3 сентября Каваллеро прислал в штаб армии указание «срочно потребовать у его превосходительства Мессе рапорт о действиях „Сфорцески“ и передать его полностью». 28 сентября последовала новая телеграмма, которая категорически требовала «срочно сообщить о поведении во время боя всех офицеров дивизии, вплоть до командира батальона».

Мессе был страшно обижен на Гарибольди, подозревая, что тот не поддержал его из личной неприязни и проявил излишнюю угодливость перед немцами. «Он считал, что с немцами достаточно протестовать, — писал Мессе. — Но этого было недостаточно. С этими толстокожими и бессовестными товарищами по оружию нужно было другое! Следовало в случае нужды отказываться выполнять их приказы, если они шли вразрез с нашим престижем»⁷.

Случай с дивизией «Сфорцеска» окончательно испортил отношения между итальянскими генералами. Мессе стал писать рапорты с просьбой отозвать его с Восточного фронта, мотивируя это «духовным несогласием с командованием 8-й армии». В начале ноября его просьба была удовлетворена. Это произошло в период, когда наступление зимы грозило осложнениями для итальянских войск. Можно предположить, что желание избежать зимних трудностей сыграло не последнюю роль в настойчивом стремлении Мессе покинуть русский фронт.

Защищая действия дивизии «Сфорцеска», Мессе стремился реабилитировать себя как командира и не очень считался с объективными фактами. За дни боев дивизия потеряла, по данным Мессе, 232 человека убитыми, 1005 ранеными и 924 пропавшими без вести. Высокий процент солдат, пропавших без вести, сам по себе свидетельствует о беспорядочном хаотичном отступлении.

Поспешность отступления дивизии подтверждает большое количество трофеев, взятых советскими частями за два первых дня наступления: 79 тяжелых и 39 легких пулеметов, 13 орудий, 45 минометов, 4 вещевых и продовольственных склада, большое количество штабных документов и т. д. Для сравнения можно указать, что дивизия «Равенна», которая пришла на выручку «Сфорцеске», потеряла за это же время, по данным Мессе, 370 человек убитыми и ранеными и не имела ни одного пропавшего без вести.

Что касается мнения немецкого командования, то после войны генерал Блюментритт, давая интервью английскому историку Лиделл-Гарту сказал по поводу этого боя, что «один батальон русских обратил в бегство целую итальянскую дивизию». Выразительным был разговор солдат итальянской экспедиционной армии. Они окрестили «Сфорцеску» именем «дивизии „Тикай“». Украинское слово «тикай» в то время было достаточно хорошо известно итальянским солдатам и в переводе не нуждалось. Офицеры других дивизий решили не отдавать чести и не отвечать на приветствия офицеров «Сфорцески». По свидетельству Ревелли, попавшего в армейский госпиталь вместе с целой группой офицеров этой дивизии, «они чувствовали себя на положении париев».

Батальон, с которым прибыл на фронт Ревелли, прямо с марша был направлен на смену потерявшим боеспособность частям дивизии «Сфорцеска»: «Поблуждав, — рассказывает он, — мы попали на высоту 228. Майор запаса командовал батальоном, в котором осталось 220 человек. Это тяжелая, и в то же время комичная сцена. Бедный старичок сидел на ящике из-под продовольствия со страдальческим выражением на лице. Он был явно не в себе. Время от времени ему сообщали о новых потерях. Он вздыхал, но не знал, как ему поступать. Жалкая картина: пехотинцы, почти все южане, сидят в неглубоких ямках, боясь пошевелиться из-за русских минометов. Я хожу по позиции и, в то время как слышен разрыв мины, какой-то пехотинец в ужасе восклицает: „Да здесь убивают!“». И он прав: ждать, когда тебя подстрелят, не так уж весело... А главное постоянный ужас перед тенью русских танков: в этом случае им остается надеяться только на собственные ноги»⁹.

Альпийские батальоны были выдвинуты в контратаку с целью восстановить положение. Это был их первый бой, и они должны были пойти вперед при поддержке немецких танков. Однако немцы сообщили, что танки еще не готовы. «Справимся сами», — сказал командир батальона. Вместо немецких в атаку пошли итальянские танки. Их тут же перебили из противотанковых ружей. Альпийцы откатились назад, потеряв сотни убитыми. В Рим была послана телеграмма, в которой говорилось, что высокие потери были вызваны «избытком боевого задора альпийцев, еще не освоившихся с ведением боевых действий на равнине».

Окончился бой, который итальянские историки называют «первым оборонительным сражением на Дону». Это был бой ограниченного масштаба как по территории, на которой происходили операции, так и по количеству участвовавших в нем сил. Однако уже здесь проявились некоторые моменты, которые в дальнейшем сыграли важную роль: отсутствие солидарности со стороны немецкого командования и общий недостаток гитлеровской стратегии, заключавшийся в линейном построении обороны.

Немецкое командование категорически приказало держать на первой линии все имевшиеся силы, пресекая попытки форсирования реки, и в первый же момент немедленно контратаковать группы противника, которым удалось высадиться на берег. «Непонятно, — с возмущением пишет Валори, — почему немецкое командование придерживалось столь упрощенной концепции. Может быть, загипнотизированное тем, что происходит в Сталинграде, оно считало, что на других участках достаточно жесткой обороны. Может быть, оно боялось, что, получив разрешение маневрировать, командиры соединений смогут уклоняться от выполнения распоряжений»¹⁰.

Рассуждения итальянского военного историка об отсутствии товарищества между войсками союзников не лишены оснований. В отчете штаба 63-й советской армии, подводившей итоги боя, отмечалось, что между войсками союзников «нет не только единства, а, наоборот, господствующая рознь и ненависть к немцам постоянно усиливаются, принимая подчас характер серьезных эксцессов». В доказательство приводился приказ командира 29-го немецкого корпуса генерала Обстфельдера «О поведении

при встрече с итальянскими частями», в котором говорилось: «Климат и природные условия сделали итальянцев не такими солдатами, каким является немец. Их темперамент более подвержен различным воздействиям, чем у закаленного немца. Следствием этого является восторженность, с одной стороны, и быстрая утомляемость — с другой. Несдержанность и зазнайство по отношению к нашим итальянским друзьям недопустимы. Надо сделать всем офицерам, унтер-офицерам и солдатам указания о необходимости поддерживать дружеский тон. Необоснованные требования и претензии следует отклонять без всякой резкости. Применение кличек, а также дерзкое и вызывающее поведение строго воспрещаются».

Приказ немецкого генерала обращает на себя внимание духом превосходства над итальянцами, который отличает его мотивировочную часть и делает мало убедительным призывы к взаимопониманию. Попытки немецких генералов насаждать дух товарищества в приказном порядке не имели эффекта.

Что касается ошибочности концепции жесткой обороны, то в значительной степени она носила вынужденный характер, поскольку немецкое командование не имело достаточно резервов для построения эшелонированных заслонов. Кроме того, не исключается, что оно действительно питало сомнения в способности итальянских дивизий вести маневренную оборону.

Важно отметить и другое: советские войска имели в этом бою совершенно незначительный перевес в силах, тем не менее они сумели опрокинуть итальянские части в первые же дни; итальянские части показали недостаточную стойкость, о чем со всей определенностью говорится в отчете 63-й советской армии, составленном на основании многочисленных документов и опросов военнопленных.

После августовских боев на итальянском секторе наступило длительное затишье, подействовавшее самым ободряющим образом на командование армии, которое из Макеевки перебралось в Миллерово. В штабе армии проводился письменный референдум на тему, следует ли офицерской столовой ограничиваться пайковыми продуктами или начать закупки на вольном рынке. Эта тема весьма оживленно обсуждалась между офицерами. «Вообще вопросы о столовых и личных уборных, — пишет

Д. Толлои, — составляли проблемы, которые с наибольшей основательностью решались нашими штабами. Существовала столовая его превосходительства командующего, столовая разведотдела, отдела пропаганды, не говоря уже об интендантстве»¹².

В столовой его превосходительство генерал Гарибольди в конце обеда повторял одну и ту же шутку, которую его подчиненные хорошо знали: он делал вид, что ловит муху и восклицал: «Я захватил Москву» (по-итальянски слова «Москва» и «муха» звучат одинаково). Затем он приступал к чтению книги о Наполеоне, а остальные садились играть в бридж, введенный в моду генералом Типпельскирхом, представителем немецкого командования при итальянской армии, постоянно говорившего о скором падении Сталинграда.

Типпельскирх позаботился о том, чтобы его сообщения были единственным источником информации итальянского штаба. Увидев у одного итальянского командира дивизии сводку Верховного командования Красной Армии, записанную разведотделом, он тут же заявил протест. «У нас даже в командовании группы армии не имеют права читать это», — сказал он. Генерал Гарибольди запретил распространение советских сводок, и с этих пор итальянское командование знало о положении дел на фронтах только в интерпретации немцев.

Персонал штаба армии отличался многочисленностью. В оперативном отделе имелось вдвое больше офицеров, чем полагалось по штату. Еще более раздутым был разведывательный отдел. Возглавлявший его полковник, бывший до войны военным атташе в Москве, создал гигантский аппарат. В нем числилось 105 офицеров, вместо 17. Он создал даже специальную секцию по захвату неприятельских документов, снабженную орудиями взлома. Полковник надеялся когда-нибудь захватить один из тех сейфов советского командующего, которые немцы, по их словам, время от времени находили в лесах. Деятельность разведотдела имела странный уклон: русские белоэмигранты, выписанные из Италии и посылаемые в поисках информации, добывали главным образом телятину, свинину и яйца для столовой.

Кроме того, имелся отдел пропаганды из 42 офицеров, отдел военной экономики из 12 офицеров, который вел постоянную войну с немецкими комиссарами из-за

распределения местных ресурсов, и отдел гражданских дел, находившийся в том же положении. Существовал генерал карабинеров, носивший титул «инспектора службы полиции в России», генерал-комиссар чернорубашечников, член «большого фашистского совета» в отставке, и масса различных фашистских чинов, стремившихся выслужиться или получить теплое место. Типичной фигурой для фашистской армии был офицер связи — молодой подполковник Каваллеро. Сын начальника генерального штаба, пустой и заносчивый, он отличался восторженно-подобострастным отношением к немецким генералам. Недолгое пребывание его на фронте было необходимо для дальнейшего продвижения по службе: вскоре он был направлен на учебу в берлинскую военную академию. «Не потому, что он твой сын, — писал Гарибольди Каваллеро-отцу, — а потому, что он способный мальчик, я его выбрал».

Многие тыловые офицеры увлекались спекулятивными операциями. В этом они следовали примеру своих союзников. Как пишет Толлои, итальянцы с изумлением убедились, что гитлеровские вояки соединяли жестокость палача с жадностью ростовщика. «Итальянцы, которым казалось совершенно невероятным, что они обнаружили у своего союзника качества, которые считали своим собственным, национальным пороком, ограничивались по крайней мере воровством на складах. Зато это они делали с полным бесстыдством, оправдываясь тем, что золото и серебро можно было достать только в обмен на муку и сахар. Те, кто не имел доступа к складам, ограничивались личными „торговыми точками“, основанными на импорте часов и сигарет из Италии, — в этих „фирмах“ денщики играли роль управляющих. Карабинеры, которые по роду своей деятельности имели дело с отбросами общества, поскольку именно здесь они искали своих политических осведомителей, имели в этой коммерции ряд безусловных преимуществ»¹³.

С наблюдениями Толлои перекликаются записи в дневнике Н. Ревелли. «Окопавшиеся офицеры торгуют чем попало, — писал он. — Те, что покрупнее, продают товары, уворованные на складах целыми партиями, сержанты ведут мелочную торговлю. В общем на рынке можно купить не только любой сорт сигарет, в то время как на передовой нечего курить, но и все виды вещевого

снабжения, принятого в королевской армии. Лозунг тыловиков — каждый после войны должен открыть собственное дело»¹⁴.

Благодущие и беззаботность, царившие в штабе дивизии и окружавших его службах, начали исчезать с наступлением холодной погоды. «Жара и пыль сменились холодом и снегом, — записывает Д. Толлои. — Русские крестьянки не выбегают из домов в сарафанах, которые оставляют открытыми их пышные плечи, — они закутались в платки и надели валенки. Немцы не сидят в машинах, голые по пояс, с яркими спортивными козырьками на глазах, всегда готовые броситься в реку, встретившуюся на их пути, как это положено на „войне-прогулке“, а, скрючившись от холода, бегают в смешных наушниках. Гарибольди уже не думает о Сирии и не занимает свое время распределением наград, а растерянно призывает офицеров „сохранять веру“. Все старшие офицеры за несколько месяцев постарели на десять лет... Еще три месяца назад на Макеевке, полные здоровья и радужных надежд, они думали только о спокойной жизни и с любопытством и благодушием взирали на образ жизни русских и на немецкие жестокости»¹⁵.

Особенно сильное впечатление на офицеров штаба произвел налет советской авиации на Миллерово 12 ноября. Больше всех перепугались те, кто громче других кричал о «победе» и «вере». Представитель фашистской партии — консул Гуаттьери заявил, что его отделу не хватает в Миллерове помещений, и перебрался в соседний населенный пункт. Фашистские журналисты и разного рода дельцы, крутившиеся вокруг штаба, немедленно испарились. Начальник оперативного отдела совершенно прекратил работу и лишь просил установить под потолком балки покрепче. «Налет на Миллерово потряс умы и распространил уныние, — отметил Толлои, — гораздо больше, чем бегство «Сфорцески», неудачи под Сталинградом и высадка англо-американцев в Северной Африке... Вечерние партии в карты были отменены, и часто можно было слышать тяжкие вздохи. Однако дни проходили, и все начинали убеждаться, что выдержать подобную бомбежку было настоящим героизмом. Военный бюллетень штаба армии говорил о «семнадцати воздушных эшелонах», умалчивая о том, что эти эшелоны состояли из одного или двух самолетов, и тот, кто больше

всего напугался, чувствовал себя главным героем. «Семнадцать эшелонов, два часа бомбежки!» — повторяли они, раздуваясь от гордости. И если поблизости оказывался кто-нибудь с передовой, то для него добавляли: «Да... в современной войне стирается грань между высшими штабами и линейными частями»¹⁶.

К тому же жители Миллерова стали откровенно говорить, что советские войска скоро вернутся. «Оставшись наедине, русские не скрывали радости по этому поводу, — отмечает Толлои. — Их уверенность еще более возросла к середине ноября, когда немецкая армия под Сталинградом оказалась в окружении и в Миллерово стало прибывать много раненых и еще больше обмороженных. Итальянские офицеры и солдаты ходили смотреть на разгрузку эшелонов, и это зрелище наводило их на грустные размышления. Те, кто никогда не интересовался ходом дел на фронте и продолжал путать Дон с Волгой, стали теперь проявлять большое любопытство и выдавали себя вопросами: „В общем сколько же километров от Миллерова до русских?“. Главе фашистов Гуаттьери 120 километров показались явно слишком небольшой дистанцией, он заявил, что не в силах выносить русский климат, сел на поезд и отправился в Италию. Видимо, в фашистской терминологии слово „доброволец“ означает человека, который волен делать то, что хочет»¹⁷.

Рассказы итальянских солдат, собранные Ревелли, примерно одинаково описывают жизнь на передовой: подготовка к зиме, забота о пропитании, страх перед ночными вылазками советских патрулей, война с крысами. «На Дону у меня не было времени размышлять, — рассказывал солдат Виетто из 1-го альпийского полка. — Днем я нес охрану, по ночам рыл окопы и устраивал бункер. Потом нас перевели на другую позицию, где местность была голая, как стол, и мы опять начали рыть землю, сооружая окопы. Пищевой рацион все время скуден. Сухарь и булка с кофе утром, в полдень суп и мясо. Мы все двадцатилетние ребята, и нам хочется есть: мы устраиваемся разыскивая картофель и горох на полях. Рожь также идет в ход. Мы ее обмолачивали на плащпалатках, а ночью мололи и жарили оладьи. Мы жили сегодняшним днем, не зная ничего о том, что творилось вокруг».

«Наш бункер, — пишет сержант Ригони, — находился в рыбацкой деревне на берегу Дона. Огневые точки и ходы сообщений были открыты на склоне, спадавшем к берегу замерзшей реки. Справа и слева склон переходил в отлогий берег, покрытый сухой травой и тростником, торчавшими из-под снега. За отлогой частью берега, направо — бункер батальона «Морбеньо», с другой стороны — бункер лейтенанта Ченчи. Между мною и Ченчи, в разрушенном доме, — отделение сержанта Гарроне с тяжелым пулеметом. Перед нами, на расстоянии менее 500 метров, на другой стороне реки, бункер русских. Там, где мы стояли, должно быть, была красивая деревня. Сейчас от домов остались лишь кирпичные трубы. Церковь наполовину разрушена; в уцелевшей ее части — штаб роты, наблюдательный пункт и тяжелый пулемет. Когда мы рыли ходы сообщений в огородах, в земле и снегу находили картофель, капусту, морковь и тыквы. Иногда они еще были годны в пищу и тогда попадали в суп. Единственными живыми существами, оставшимися в деревне, были кошки. Они бродили по улицам, охотясь на крыс, которые были повсюду. Когда мы ложились спать, крысы забирались к нам под одеяла. На рождество я хотел зажарить кошку и сделать из ее шкурки шапку. Но кошки хитрые и не попадались в ловушки»¹⁸.

В ноябре 1942 года сектор, занимаемый итальянской армией, несколько сократился: она передала румынскому корпусу участок южнее станицы Вешенской. Наиболее пострадавшие дивизии («Челере» и «Сфорцеска») были отведены во второй эшелон. Вместе с 294-й немецкой дивизией они составили армейский резерв. Затем обе эти дивизии перешли под командование 29-го немецкого корпуса, а в состав 35-итальянского корпуса вошла 298-я немецкая дивизия. Одновременно командование группы армий вклинило между итальянскими дивизиями немецкие полки и тактические группы, надеясь тем самым укрепить итальянскую армию. Восьмая армия оказалась расчлененной, что создавало трудности для ее командования. Однако, несмотря на все протесты Гарибольди, из Рима ограничивались указанием выполнять требования немецкого командования, поскольку «все было уже обсуждено и решено между двумя верховными командованиями». В действительности эти соглашения сводились к простой регистрации немецких предложений.

Итальянские дивизии деятельно готовились к длительной обороне. Холмистый берег Днепра покрывался долговременными огневыми точками, окопами, ходами сообщений, бункерами. Солдаты рыли противотанковые рвы, расставляя проволочные заграждения. Распоряжения начальства свидетельствовали о том, что следует готовиться к зимовке. Хозяйственный командир 54-го полка дивизии „Сфорцеска“ писал в приказе: „Учитывая наши многочисленные и разнообразные нужды на зиму, следует обратить особое внимание на рациональное использование местных ресурсов... Нужно собирать все: даже гвозди и пустые банки, доски, железо, дерево, солому, словом все. Предложить, вернее, приказать населению заготовить по крайней мере вчетверо больше кирпичиков из кизяка для отопления, дав им понять, что $\frac{3}{4}$ они должны будут уступить нам. Дело это не терпит отлагательства“.

В памяти фронтовиков сохранились эпизоды, которые несколько оживляли монотонную окопную жизнь. Лейтенант Миссироли описывал случай, приключившийся с неким капитаном, спавшим в одной землянке с двумя телефонистами. «Ему приснилось ночью, что русские ворвались в землянку, и он вскочил с кровати с криком: „Тревога!“. Один из телефонистов, разбуженный этим криком, увидел рядом с собой человеческую тень и подмял капитана под себя. Этот последний, почувствовав, что на него напали, окончательно убедился, что он в руках русских. Некоторое время прошло в молчаливой борьбе, потом капитан, которому приходилось плохо, опять закричал. Только тут телефонист разобрался, что он сидит верхом на своем начальнике».

На позиции роты, где служил Ревелли, зачастую начальство, особенно часто появлялся полковник Д. «Как назло, — пишет Ревелли, — когда он появлялся, русские минометы молчали. Утром лейтенант Марки с двумя солдатами принялись за работу. Они копали небольшие ямки и рыхлили вокруг почву. Полковник Д., довольный, что он нашел спокойное место, появился, как обычно, на следующее утро. Через несколько шагов он наткнулся на первые ямки, но сделал вид, что ничего не произошло. Я уже начал думать, что игра проиграна, но ошибся. Полковник остановился: „Это что, все воронки от мин?“. „Так точно, господин полковник, они обнаружили наши

ходы сообщения“. „Молодцы, ребята, я вижу, что у вас все в порядке“, — сказал полковник и ретировался».

Любимыми объектами сарказма и шуток фронтовиков было начальство и тыловики. Солдаты альпийских дивизий изошрялись в юморе в адрес жителей южных провинций. Особенно доставалось дивизии «Винченца», находившейся в тылу у альпийского корпуса. Успехом пользовался рассказ об офицере-сицилианце из этой дивизии, который никак не решался слезть с печки и речи которого, произносимые на сицилийском диалекте, никогда не отходили от вопроса о температуре: «Что за холод, мать божья! Сегодня ведь гораздо холоднее, чем вчера, а ведь вчера было уж очень холодно! Что вы скажете, сержант? Завтра будет холоднее, чем сегодня, или не так холодно? Если похолодает, я брошусь в печь! Сержант! Подбросьте дров, опять холодает!».

Советские патрули все чаще беспокоили позиции итальянцев. Рассказы об офицерах из дивизии «Коссери», застигнутых во время сна и бежавших по снегу в одних пижамах, распространились по всему фронту. Ходили слухи о русской дивизии-«призраке», специально обученной действиям ночью и совершавшей рейды по тылам. Все это держало передовые части в постоянной тревоге. «Когда шел снег, — вспоминает сержант Ригони, — мы были очень внимательны. Однажды, когда я шел один в белом халате поверх шинели, я заметил русский патруль, который пытался обойти нашу позицию. Я не видел русских, но чувствовал их присутствие в нескольких шагах от себя. Я стоял, не двигаясь, и молчал. Они тоже застыли на месте. Я чувствовал, что они, как и я, вглядываются в темноту с оружием наготове. Мне было страшно, и я почти дрожал. Я старался справиться с собой, но мне было действительно страшно. Наконец, я решил: я закричал, бросил гранаты и прыгнул в окоп. К счастью, одна граната взорвалась. В отсвете взрыва я увидел русских, которые отбегали к кустам. Подоспели ребята из соседнего взвода. Мы открыли огонь из автоматов, затем кто-то притащил пулемет. Русские отвечали, медленно отходя назад... Утром я вышел посмотреть на следы, которые они оставили. По правде говоря, они были дальше, чем мне это показалось ночью. Я курил сигарету и смотрел на позиции по ту сторону реки. Время от времени кто-то из русских вылезал на край окопа

и набирал снег. „Готовят чай“, — думал я, и мне тоже хотелось выпить чашку чаю. Я смотрел на них так, как крестьянин смотрит на своего соседа, работающего на поле».

Не все итальянские солдаты были настроены так, как сержант Ригони. Среди них были и такие, как солдат Ре Марчеллино, из батальона «Борго сан Дальмаццо», который рассказывал Нутто Ревелли: «Однажды утром в голову что-то ударило. Я решил убить русского. Было холодно, и я был один на наблюдательном посту. Я отказался от смены. Я знал, что на той стороне есть открытый участок и внимательно следил за ним, приготовив винтовку. За четыре часа никто не показывался. Наконец, из убежища вылезли двое. Для того чтобы лучше прицелиться, я наполовину высунулся из окопа. Двое русских спокойны: они ничего не подозревают, и мне их хорошо видно на снегу. Бац, и один из них падает замертво. Второй хочет помочь товарищу, я стреляю, но промахиваюсь... В штабе батальона меня представили к награде. Она прибыла через три или четыре дня. Это был тюбик крема для бритья! Ничего себе награда! Лейтенант, который мне его принес, сказал: „Это тебе за русского, которого ты убил“»²⁰.

На войне убивают. Но действия солдата Ре Марчеллино выходят за рамки обычного боевого эпизода. Тон повествования о том, как он убил русского, просто так, без какого-либо основания и цели, не испытывая никаких угрызений совести, передает тот психологический настрой, который фашизм создавал у своих солдат. Ре Марчеллино до этого не участвовал в боях, и русские не сделали ему ничего плохого. Но фашистская пропаганда настойчиво повторяла, что русские — люди другой, низшей расы. Отсюда патологическое спокойствие совести солдата, сожалеющего только о том, что награда была столь ничтожной. Ре обвиняет своим рассказом не только самого себя, но и в гораздо большей степени фашизм, растлевавший души солдат.

В ноябре 1942 года началась замена ветеранов экспедиционного корпуса новым пополнением, прибывшим из Италии. Как отмечает Толлои, «этого очень добивался Мессе и его штаб, которые во что бы то ни стало хотели удалиться до того, как их лавры потускнеют в результате эпизодов типа „Сфорцески“». Командование армии

всячески поддерживало это мероприятие, видя в нем способ избавиться от Мессе»²¹. Смена личного состава происходила весьма медленно.

К середине декабря в Италию была отправлена лишь половина солдат и офицеров 35-го корпуса. Среди вновь прибывших офицеров встречались оптимистически настроенные молодые люди. «Однажды я попробовал обратиться к молодому кавалерийскому офицеру, только что окончившему училище, — вспоминает Толлои. — Я объяснял ему немецкие стратегические ошибки, которые исключали возможность их победы в России. Молодой человек слушал меня с видом иронического превосходства...». Однако подавляющее большинство новичков, особенно солдаты, были уже совсем иными. За прошедшее время изменилась обстановка в Италии, изменилось и положение гитлеровских армий. «Это была совсем зеленая молодежь, — пишет Ф. Гамбетти. — Но на их лицах уже не было улыбки, которая сопровождает интересную авантюру, той знаменитой улыбки, которая была у всех прибывавших ранее и от которой у нас осталось лишь одно воспоминание... Боевые тревоги, круглосуточное бодрствование по пути следования давно уже были введены для всех воинских эшелонов, и на них это произвело особое впечатление... Если среди ветеранов через 30 месяцев находились такие, кто считал, что еще не все потеряно, то большинство молодых, которые пробыли в военной форме всего три месяца и даже не получили боевого крещения, уже полностью потеряли эти надежды»²². Хотя в ноябре и начале декабря в секторе итальянской армии было относительно спокойно, тревожное чувство все более охватывало тех, кто был способен объективно оценивать положение. Э. Кастеллани, покидавший фронт вместе с другими офицерами КСИР, писал: «Осенью 1942 года мы ясно видели, что разгром — дело ближайшего будущего. Достаточно было взглянуть на карту. Мы понимали, что это должно было означать крах всего: крах 8-й армии и, вероятно, крах фашистской Италии. 17 декабря я отбыл вместе с другими 700 ветеранами из Кантемировки: через 36 часов она была занята русскими»²³.

Бывший главнокомандующий экспедиционным корпусом Мессе, также возвращавшийся в Италию, был далек от мысли о возможности краха режима Муссолини. Од-

нако опыт, накопленный им за время пребывания на Восточном фронте, заставлял Мессе довольно решительно выражать опасения по поводу перспектив и судьбы итальянской армии. В пространном отчете, представленном генеральному штабу в ноябре 1942 года, он, в частности, писал: «Деятельность пропаганды нашего немецкого союзника, которая сопровождала военные действия на Восточном фронте, привела к тому, что в итальянском и немецком общественном мнении создалось фальсифицированное представление о Советском Союзе, его военном потенциале и боевой силе его армии. Это, безусловно, привело к разочарованию в наших странах и недовольству в наших боевых частях, которые прекрасно знают, что дело обстоит совсем иначе... То же самое следует сказать относительно способности русской армии к сопротивлению, о моральном состоянии войск противника, о русской зиме, описаниями которой бездумно увлеклись некоторые комментаторы итальянского радио. Жизнь показала превосходные боевые качества русского солдата, его отличное вооружение, выносливость и способность приспосабливаться к любым условиям... Какие-либо предсказания насчет способности русских к сопротивлению и их военного потенциала в настоящее время могут быть только поверхностными, и поэтому их следует избегать в пропаганде. Наоборот, было бы хорошо, если бы она попыталась изменить общественное мнение по этому поводу, с тем чтобы избежать новых, и более серьезных, разочарований...»²⁴.

ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ОТНОШЕНИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ

«Надо освободиться от доверия к населению; частям, не колеблясь, создать „пустоту“ в своем непосредственном окружении».

*(Из приказа генерала Дзангьери,
1 августа 1942 г.).*

«Я переполнен благодарностью к русскому врачу Вере. Я обязан ей своей жизнью... Если у меня родится третья дочь, я назову ее Верой».

*(Из воспоминаний бывшего
военнопленного,
солдата дивизии «Торино»).*

Неисчислимы бедствия и лишения принесла советским людям гитлеровская оккупация. Не составляли исключения и районы, где находилась итальянская армия. «Население оккупированных районов находится в очень тяжелом положении, — отмечается в одном из документов штаба Юго-Западного фронта, — все продукты питания и теплую одежду немцы отобрали. В городе Орджоникидзе — голод. Вследствие употребления населением в пищу мяса павших лошадей в городе эпидемия сапа. Торговли почти никакой нет, а если есть, то частная торговля по непомерно высоким ценам. Так, например, литр молока стоит 40 руб., десяток яиц — 200 руб., коробок спичек — 18 руб. В городах и населенных пунктах промышленность не работает, за исключением небольших частных мастерских и мелких шахт. На базаре в Макеевке сильно развита спекуляция. Буханка хлеба стоит 150—200 руб., стакан пшеницы — 15 руб. Оккупированные районы как будто вымерли. Настроение населения угнетенное. В грабежах и издевательствах участвует „украинская полиция“, созданная из числа изменников родины. Из городов население бежит в деревни и села. Из Сталино, Макеевки и других рабочих поселков Донбасса идет непрерывный поток населения...».

Криком отчаяния звучит письмо бывшей студентки индустриального института в Орджоникидзе Тони Ком-

паниец ее подруге, переданное через линию фронта партизанами: «Дорогая Наташа! Не знаю, дойдет ли до тебя это письмо, потому что способ, которым я его посылаю тебе, и во сне не снился. Я живу рядом с передовой линией фронта. У нас итальянцы. Через 2—3 км — Красная Армия. Как близко и как далеко! Что за народ итальянцы, что они сделали и что они делают, невозможно все сказать, но одно скажу: у нас нет ни одной курицы, ни одного поросенка, кошек и собак — вообще все съели. Население голодает, ноги пухнут от голода, свирепствует сыпной тиф... Наташа, милая, если тебе кто-нибудь скажет, что немцы сделали что-нибудь хорошее для населения, не верь, не верь! Они ничего не дали, а что было — забрали. Целую тебя. Антонина».

Хозяевами положения в районах расположения итальянских частей была немецкая военная администрация. «Итальянские власти, — пишет Толлои, — избегали непосредственных экзекуций и лицемерно передавали свои жертвы немцам. Наши солдаты, так же как и румыны, рассказывали вполголоса и с отвращением об этих фактах. Офицеры старались говорить об этом как можно меньше. Впрочем, официальная немецкая терминология, которая называла партизанов „бандитами“, устраивала многих. Что касается евреев, то идея о том, что они не являются людьми, вошла гораздо прочнее в неустойчивые итальянские мозги, чем это думают»³.

Среди итальянских военнослужащих встречались и такие, как бывший секретарь фашистской партии Вероны лейтенант Балларини, который фотографировал расстрелы патриотов. Но большинство итальянцев относилось к жестокостям гитлеровцев отрицательно. «За год оккупации Донбасса, — пишет Ф. Гамбетти, — его население узнало солдат почти половины Европы. В «таблице жестокости», которую жители установили с самого начала, итальянцы занимали последнее место и были этим довольны. По правде говоря, разница в образе действий была не так уж велика: итальянские солдаты также были вынуждены требовать жертв от населения, нередко высекая их из домов и деревень. Наши штабы вели себя так же, как штабы других оккупационных армий. Но даже самые суровые приказы не выполнялись при помощи методов, способных вызвать глубокое отвращение»⁴.

Командование итальянской экспедиционной армии не

одобряло «излишне жестокой» оккупационной политики гитлеровцев. Помимо всего прочего оно опасалось, что расправы с мирным населением и различного рода грабеж способны усилить ненависть к захватчикам и эта реакция распространится также и на итальянские войска. С самого начала пребывания итальянских войск на фронте Мессе учредил специальный орган, который должен был, не вызывая подозрений немцев, следить за их отношением к гражданскому населению. «По-существу, — пишет Мессе, — речь шла о том, чтобы сообщать сведения о политике Германии на Восточном фронте вообще и на Украине в частности...».

На основании донесений Мессе составлял сводки, которые направлялись в Рим. В одном из таких отчетов в мае 1942 года говорилось, что в области политической «реквизиции у гражданского населения, бесчеловечное обращение с пленными, которых население справедливо считает своими братьями, зверские методы допросов и экзекуций, жестокость репрессий, грабежи, убийства... вызывают повсюду чувство ненависти к захватчикам». Относительно экономической политики гитлеровских властей Мессе писал в том же отчете, что она, проводимая через военные и экономические органы, а также путем личной инициативы, заключается в «тотальном присвоении всех ценностей, методическом ограблении, которые ведут к истощению источников производительной деятельности»⁵.

Однако и командование итальянской армии также несет ответственность за бедствия, которые переживало население оккупированных районов. Итальянские штабы не менее активно, чем немецкие, занимались реквизициями. Итальянская полиция наряду с немецкой охотилась на советских патриотов, итальянские солдаты участвовали в облавах на партизан, итальянские генералы требовали от своих подчиненных сурового и безжалостного отношения к русскому населению.

Оккупационный режим стал особенно суровым в осенние месяцы 1942 года. «На это были причины, — пишет в своих воспоминаниях командир роты чернорубашечников капитан Дотти. — С ноября месяца деятельность партизан так усилилась, что вызывала серьезное беспокойство. Партизаны уничтожали склады продуктов и боеприпасов, жилые помещения и мосты...».

Особо итальянское командование предупреждало об опасностях, которые грозили итальянской армии со стороны женской части гражданского населения. «Для получения сведений, — говорилось в приказе по дивизии «Равенна», — партизаны пользуются исключительно лицами женского пола. Эти лица живут некоторое время на нашей территории и возвращаются в партизанские районы, добыв нужные сведения. Необходимо принимать все меры предосторожности против лиц, прибывающих из партизанских местностей, даже если они безобидны с виду».

Осторожности, к которой призывало итальянское начальство по отношению к «лицам женского пола», не всегда удавалось добиться в желаемой мере, даже среди чернорубашечников. Так, капитан Дотти рассказывает о том, как его приятель подвез на машине двух молодых девушек, направлявшихся в колхоз, где стоял батальон. «Никто из нас не подозревал, что это были самые настоящие партизанки. Мы узнали об этом через неделю, когда на воздух взлетел склад боеприпасов. Девушки исчезли, а на нас посыпались проклятья командира бригады. Он называл нас дегенератами и подонками штурмовых батальонов чернорубашечников».

Итальянское командование соревновалось с немецкой администрацией в ограблении оккупированной территории. «Использование местных ресурсов, главным образом зерновых, скота и жиров, было организовано через колхозы, — пишет А. Валори. — Мы давали заявки германским властям, которые ведали участками, предназначавшимися для эксплуатации каждому соединению. Так, каждая дивизия имела свой сектор эксплуатации, эти участки составляли сектор корпуса, все вместе регулировалось интендантством армии, при котором имелась немецкая группа связи»⁶.

Разумеется, реквизиции не ограничивались колхозным имуществом, а посредничество немцев итальянское командование всячески стремилось обойти. Об этом свидетельствуют приказы итальянских командиров корпусов, захваченные советскими войсками. «Все ресурсы, находящиеся в зоне действия 35-го корпуса, — писал командир 35-го итальянского корпуса генерал Дзингалес, — должны быть использованы для нужд войск, которые эту зону занимают, Из этого вытекает, что из зоны

действия нашего корпуса ничего не может быть вывезено для нужд каких-либо других организаций, итальянских или немецких. В целях предупреждения исчезновения продуктов, скота и разных материалов... необходимо, чтобы все местные ресурсы, существующие на этой территории, были бы немедленно точно учтены и взяты под охрану».

Итак, речь шла о тотальном ограблении оккупированных районов. Существовали самые широкие проекты экономического использования территории Советского Союза. «Итальянцы, — пишет Валори, — много раз предлагали свое сотрудничество немецким штабам для использования оккупированной территории... Однако немцы не имели никакого желания делиться с союзником своими трофеями и всеми способами противились тому, чтобы Италия получала хотя бы скромную часть сельскохозяйственных продуктов и сырья... В Италию почти ничего не посылалось. Только преодолевая огромные трудности, удалось послать некоторое количество железного лома и различных металлов. С немцами было заключено соглашение на 10 тыс. тонн, но в действительности удалось отправить значительно больше»⁸.

Министерство военной промышленности Италии при полной поддержке генерального штаба давно уже мечтало об участии в разбойничьей политике гитлеровцев. Осенью 1941 года был поднят вопрос о присылке в Италию на тяжелые работы советских военнопленных. «Мы захватили в России 10 тыс. человек. Для работы на шахтах нам нужно 6 тыс. человек»⁹, — деловито подсчитывал начальник генерального штаба Каваллерио в своем дневнике. Соответствующий проект был предложен Муссолини, но он отказался от его осуществления, опасаясь «политической инфекции».

Для осуществления плана экономической эксплуатации при штабе армии до осени 1942 года существовал специальный отдел во главе с бывшим губернатором итальянской колонии Сомали полковником Дзоли. В ноябре этот отдел расширился и получил наименование инспекции оперативной зоны. Его возглавил заместитель командующего фашистской милицией генерал Гуаттьери. Инспекция состояла из многочисленного штата офицеров, являвшихся специалистами в различных отраслях хозяйства. «Все они должны были руководить использо-

ванием русских ресурсов — текстиля, угля, кожи и т. д. в зоне действия итальянской армии»¹⁰, — пишет Н. Ревелли.

Наряду с «инспекцией» осенью 1942 года в Миллерове появилась группа работников министерства иностранных дел во главе с бывшим посланником в США. Эта группа выполняла миссию, которую держали в строгом секрете от немцев. В ее задачу входило изучение возможностей эксплуатации экономики Украины в послевоенные годы.

Политику военного грабежа, планируемую из Рима и осуществлявшуюся итальянским командованием 8-й армии, продолжали в порядке личной инициативы и солдаты. Артиллерист Джузеппе Фачченда из дивизии «Сфорцеска» в письме, которое он не успел отправить домой, писал 18 декабря 1942 г.: «Здесь мы живем вместе с гражданским населением, и если нам не хватает пайка, то всегда можно устроиться. Мы уходим подальше и добываем продукты на месяц. Мы лечимся куриным мясом и всегда держим его про запас. К рождеству мы „организовали“ две овцы, козу и десять куриц. Нас десять человек, и, с божьей помощью, мы устроим хороший пир... Мы отдаем стирать белье, и если нам отказывают, то мы заставляем это делать силой. Они должны делать все, что мы хотим, или мы их всех перебьем»¹¹.

Капрал Фалькони из 52-го артиллерийского полка выражается иначе, но по сути дела рассказывает то же самое. «Больше, чем фронтовые опасности, — писал он домой, — нас занимает проблема питания. Мы все время думаем о том, где бы добыть поесть. Мы забираем и ворует продукты в деревнях, которые мы проходим, так как, если бы мы жили на то, что нам дают, мы давно бы умерли с голоду... Все мы стали мастерами по части „организовать“ курицу, поросенка, овцу и т. д. Но и в этом деле по сравнению с немцами мы выглядим бедными родственниками»¹².

Отношения итальянских военнослужащих с населением занятых районов не ограничивались осуществлением оккупационной политики и охотой на домашнюю живность. Несмотря на все старания командования держать войска в изоляции, контакты с населением, особенно после стабилизации фронта, становились все более широкими. Этот факт вызывал беспокойство итальянского ко-

мандования, которое опасалось, что это приведет к падению «фашистского духа» в армии и проникновению в ее ряды «коммунистических идей». По этому поводу по возвращении в Италию Мессе писал в своем отчете следующее: «Что касается пропаганды среди итальянских войск, то не следует исключать, что затяжка войны и результаты длительного пребывания в России, где они находятся в контакте с населением, управляемым коммунизмом, и учреждениями, которые являются его прямым порождением, могут в дальнейшем сделать необходимым разъяснительную и воспитательную работу по проблемам войны и коммунизма»¹³. Осторожные слова Мессе скрывают признание колоссального политического и морального поражения итальянского фашизма: придя в страну в качестве завоевателя и покорителя, его армия не только не смогла навязать своей идеологии, но опасалась силы идей страны, которую фашисты считали почти побежденной.

Оснований для подобных опасений у итальянского командования было вполне достаточно. «По мере того, — пишет Толлои, — как итальянский солдат сближался с русским населением, он переходил от сюрприза к сюрпризу. Чувство семьи, не менее прочное, чем в итальянской деревне, поразительно распространенное среди молодых образование, когда неожиданно девушка-уборщица оказывалась человеком с высшим образованием, а в оборванном мальчишке солдаты обнаруживали знания, которыми сами не обладали. Кроме того, они видели достижения социального строя, фабрики и постройки, узнавали про любовь к Ленину и ненависть к немцам. А мы были на „освобожденной“ Украине. Все это поражало и возбуждало симпатии наших солдат. Кроме того, эта страна вовсе не казалась разбитой. Женщины и дети развивали в борьбе за существование неодолимую энергию, никогда не опускаясь до унижения и угодливости перед победителями»¹⁴.

На самого Толлои наиболее сильное впечатление произвели встречи с теми, кому война принесла наибольшие страдания. «После того, как не стало мужчин, о которых не было сведений с начала войны, — пишет он, — а молодежь была вывезена в Германию, матери поручали старшим детям заботу о младших, а сами, объединившись по двое и по трое и толкая впереди себя тележку, направ-

лялись в районы, где они надеялись найти хлеб. Тысячи женщин, как мне казалось, все матери Украины, шли по пыльным дорогам, ночуя под открытым небом, с окровавленными ногами и натруженными плечами. Эти женщины, готовые выдержать непомерные усилия, казались мне самым воплощением долга. Благодаря им я научился любить русский народ»¹⁵.

В душе Нуто Ревелли, образцового офицера, ставившего превыше всего чувство долга, особенно сильный отзвук вызывал патриотизм советских людей. Бродя по улицам Миллерова после выписки из госпиталя, он встретил колонну пленных партизан, двигавшихся под конвоем итальянских солдат. «Среди них были старые и молодые. Все они шли высоко подняв головы, хотя знали, а может быть, именно потому, что они знали, какая судьба их ожидает. Контраст слишком бросался в глаза. Я чувствовал стыд за армию, которая занимается подобными делами, был унижен»¹⁶.

Капитан карабинеров, занимавшийся разбором дел о партизанской деятельности, признавался, что он был поражен стойкостью и высоким моральным духом советских людей. «Большей частью это были мужчины и женщины, являвшиеся членами Коммунистической партии, которые считали своим долгом бороться с врагом в любых условиях. В районах, где нет лесов и болот, им с трудом удавалось создавать отряды и действовать. В некоторых случаях они не могли выполнить то, чего хотели, по состоянию здоровья или из-за слабого знакомства с оружием. Часто против них не было достаточных доказательств. Но, — здесь капитан был в замешательстве, — доказательств и не требовалось: на допросах патриоты, некоторые из которых явно не были в состоянии убить человека, заявляли, что они готовы перебить всех врагов своей родины и знают, что их за это неизбежно ожидает расстрел»¹⁷.

Фидия Гамбетти, переживший на русском фронте и в плену процесс глубокого перерождения, избегал говорить с русскими. «В основе этого были стыд за горе, которое мы им принесли. Только с детьми было проще. Я часто думал о том, как они жили до нашего прихода. Я не впадал в ошибку, свойственную некоторым нашим, — формулировать мнение о жизни в этой стране на основе поверхностных наблюдений в момент, когда вражеская

оккупация прервала ее нормальную жизнь... Среди нас есть и такие, кто не замечает пустых домов, заброшенных шахт и заводов без станков. Есть и такие, кто не думает о том, что раньше здесь работали молодые и здоровые мужчины, которые сейчас сражаются».

Военный капеллан Фонтана в первую очередь интересовался вопросами религии. Среди людей старшего поколения он нашел верующих. Однако он остался недоволен молодежью: «Русские мальчишки, воспитанные в духе пренебрежения ко всякой религиозной идее, были враждебны и насмешливы. Если они входили в церковь или подходили к месту, где капеллан служил мессу, то они держали руки в карманах и не снимали шапок. Казалось, они презирают верующих. Их лозунгом было: „Бога нет“». Несмотря на подобные огорчения, военный капеллан признает, что итальянские офицеры были самого положительного мнения о русских, а русские в свою очередь относились к итальянцам совсем не враждебно¹⁸.

Письма с фронта составляют особенно интересное свидетельство того, какой представлялась итальянцам страна, в которой они находились. Эти письма писались до разгрома итальянской армии, вызвавшего переоценку ценностей у многих самых косных или ослепленных фашистской пропагандой участников похода. Корреспонденция проходила военную цензуру, и это заставляло авторов писем соблюдать определенную осторожность. Поэтому признания кричащего противоречия между созданными ранее представлениями и тем, что итальянские солдаты и офицеры увидели своими глазами, представляют особую ценность.

Раньше других начинали разбираться в окружающей обстановке те, кто стремился выработать самостоятельную точку зрения на происходящее. К таким относился лейтенант С. Боничелли, бывший студент-юрист, служивший в разведывательном отделе штаба дивизии «Тридинтина». Боничелли пошел на фронт добровольцем и был убит под Николаевкой в январе 1943 года. Попав на территорию Украины, он жадно впитывал впечатления. В письме 25 июля 1942 г. он описывал своей невесте дорожные впечатления: «Вдоль всего маршрута, начиная с Варшавы, разрушения постоянно нарастают. Иногда попадаются оазисы относительного мира: но и здесь поражает отсутствие жителей. Где они? Убиты, бежали или

вывезены? В большинстве городов их осталось 10—15%». Первые встречи с населением: «Все дети умеют читать и писать. Я попросил их написать свои имена, и они это сделали уверенно и хорошим почерком.., у них живые и умные глазки, у этих маленьких мужичков, и они очень общительны, хотя я не давал им ни конфет, ни монет, так как немецкое командование нам это запрещает».

В письме от 13 августа Боничелли делает уже первые выводы из виденного: «Посетил Ростов: по дороге видел знаменитые колхозы и много городов. Это было очень интересно. Одно могу сказать уже сейчас: слишком толстый слой лжи покрывает русскую действительность, лжи захватчиков и завоевателей, которые заинтересованы в том, чтобы скрыть истину. Действительность... бесконечно далека от того, что думают люди. Взгляда, брошенного в центр захваченной страны, было мне достаточно для того, чтобы освободиться от многих предубеждений и легенд. Я убедился, что русский феномен можно понять только на русской земле, под русским небом, в русских городах и селах».

Не прошло и недели, как Боничелли сообщает, что у него «масса новых впечатлений и новых открытий». «Мелкие подробности подчас открывают целый мир, — пишет он. — Вчера я ехал на своей машине через лес в поисках шахты, и навстречу мне попала девушка, хорошо одетая, с тонкими чертами лица. Она была преподавательницей русского языка в ростовском институте. Сейчас она работает табельщицей на шахте. Она говорит по-немецки, и я ее спросил, правда ли, что великолепное современное здание, которое я видел несколько дней назад, было театром. Она ответила утвердительно, а потом, неожиданно сверкнув глазами, сказала: „О, как был прекрасен Ростов!..“».

23 августа Боничелли возвращается к тому, что более всего его поразило на советской земле: «Следы гигантской деятельности по модернизации больше всего видны в промышленных городах. Я видел весь угольный бассейн: это почти нескончаемая вереница шахт, которые в настоящее время почти все разрушены, но которые свидетельствуют о колоссальных усилиях не только количественного, но и качественного характера. По мнению специалистов, оборудование было вполне современным и отлично служило промышленности».

Боничелли оценивает виденное им, как человек, мучительно ищущий ответа на волнующие его вопросы. На протяжении всего «русского опыта» он остается и добрым католиком, его возмущает, что советские школьники не знают, что значит: «Во имя отца и сына и святого духа». Однако взгляды, с которыми он прибыл на фронт, оказались сильно поколеблены. «Русские сражаются потому, что они видят врага у себя в доме, а этот дом был достаточно удобен и, несомненно, более спокоен, чем нам это описывали»¹⁹, — признает он.

Менее склонен к объективным умозаключениям капитан Миссироли, служивший в штабе дивизии «Кунеэнзе». Капитан был полон высокомерия по отношению ко всему русскому и до конца своих дней сохранил убеждение, что русские не знают, что такое водопровод и другие блага цивилизации. Так же пренебрежительно отзывался он о боевых качествах советских войск, признаваясь, правда, что его дивизия не участвовала в серьезных боях: «Если ты услышишь по радио или прочитаешь в газете что-нибудь об операциях, в которых участвовали альпийцы, особенно наша дивизия, то сократи все вдвое и никогда не ошибешься».

Проходит немного времени, и Миссироли начинает кое-что видеть: «В домах много книг, я видел учебники по алгебре, физике, ботанике в самых бедных домах. Книги по истории более подробны, чем наши».

Миссироли все больше раздражают сообщения итальянской прессы с русского фронта. «Вчера видел в „Гадзетта дель пополо“, — пишет он 2 ноября, — статью под заголовком „Балкон на Дон“, в котором описывается визит в батальон „Кунеэнзе“. В ней такая гора преувеличений и глупостей, что нам было бы очень неприятно, если бы в них поверили. Сначала мы развлекались, а потом почувствовали отвращение».

Капитан продолжает сохранять легкомысленный тон по отношению к противнику. 14 и 26 декабря он пишет об артиллерийской стрельбе, которая доносится в расположение его дивизии: «Мы переворачиваемся на другой бок и не обращаем внимания. Если это зимнее русское наступление, то остается только посмеяться!» Между тем это была артиллерийская подготовка наступления, в результате которого две трети итальянской армии перестали существовать.

29 декабря, не подозревая, что ему остается жить менее двух недель, капитан Миссироли подробно объясняет, почему ему не нравится Россия: «Бесконечные степные тропки, иконы, подсолнухи, которые приводят других в восторг, меня совершенно не трогают. Кроме того, сами русские прилагают все силы, чтобы сделать свою страну негостеприимной. Я уже не говорю о тех, что находятся за Доном. Но и те, кто живет здесь, ведут себя хорошо только потому, что мы их заставляем так себя вести, а если бы не мы... Конечно, больше других кусает удила молодежь, насквозь пропитанная большевистскими идеями... Вчера я шел по улице, и ко мне приблизился мальчишка. Он показал на самолет, который я не заметил, и, страшно довольный, хлопая в ладоши, закричал: „Русский, русский!“. К счастью, это был румынский самолет, и все сошло хорошо, но я охотно надавал бы ему пощечин за страх, который он на меня нагнал»²⁰.

В письмах капитана Миссироли, так же как во многих других письмах с фронта, отражена психология поколения, выросшего при фашизме и так или иначе испытывавшего его влияние. Это, в частности, выражается в письмах тех молодых людей, которые, будучи не в силах самостоятельно мыслить, ограничивались повторением формулировок официальной пропаганды. Так, например, один молодой крестьянин из Лукании писал своей жене: «Ты должна быть горда тем, что твой муж сражается против тех, кто не признает католической религии. Мы здесь должны сражаться против большевизма, который думает, что он должен владеть всем миром».

Письма подобного рода интересны только для определения степени воздействия фашизма на молодые поколения и мало раскрывают внутренний мир его авторов. По своему характеру и штампованным оборотам они поразительно схожи с письмами на фронт итальянских школьников, которые приводит в своей книге Валори. Ученицы четвертого класса из провинции Тревизо писали, обращаясь к маршалу Мессе: «Маленькие школьницы, затерянные в провинции, обращаются к Тебе... Знайте, Ваше Превосходительство, и передайте это Вашим солдатам, что рядом с каждым из них есть душа, которая молится, сердце, которое любит, и губы, которые шепчут: „Сражайся и победи“». Десятилетняя девочка из Аквилы писала тому же адресату: «Моя мысль каждый

день летит к Вам, мой дорогой генерал, и ко всем тем, кто борется в далекой России...». Маленький школьник из Бари выражался еще более высокопарно: «Командир! Я знаю, что Вы сражаетесь за освобождение моей могучей и героической родины...».

Только неисправимый шовинист, каким является Валори, мог увидеть в подобного рода штампах элементы «внутренней поэзии итальянской души». Эти списанные или продиктованные детям письма могут служить лишь доказательством тотальной идеологической мобилизации, которая захватывала даже начальную школу. У самого Валори приводятся письма, которые раскрывают источник казенного патриотизма маленьких детей: это учительницы или священники, вроде капеллана дона Сальца, о котором школьники из Вероленго простодушно сообщают, что именно он рассказал им о «доблести и героизме солдат и их командиров в России». Сходство между письмами школьников на фронт и некоторых солдат с фронта показывает, что в обоих случаях их рукой водили воспитатели, выполняющие волю правящего режима. В одном случае это были командиры, ответственные за солдат Муссолини, в другом — учителя школ, находившихся в ведении фашистского министерства культуры.

Для того чтобы понять это, достаточно сопоставить такого рода письма с рассказами простых солдат, собранными через двадцать лет после войны Н. Ревелли²¹. Ни в одном из полусотни свидетельств нет и следа той антикоммунистической риторики, той предвзятой неприязни ко всему русскому, которые насаждал среди своих солдат фашистский режим.

«Мы знаем, из нашего непосредственного опыта во время похода к Дону, что русские — хорошие люди, — говорил альпиец Джованни Бозио. — Это были такие же крестьяне, как и мы. Мы с ними объяснялись знаками. Они также страдали от войны: весь их скот был переписан немцами и находился в их распоряжении. Они так же, как и мы, страдали от голода».

«У меня хорошие воспоминания о русских и очень плохие о немцах», — кратко и категорически сформулировал свое мнение Джованни Главерна, черноработчий из городка Санта Кроче.

Больше возможностей для контактов было у солдат,

которые находились на некотором удалении от передовой. Погонщик мулов Агостино Джордано: «С гражданскими русскими мы жили так, как будто они были нашими земляками. Я могу только сказать, что я нашел очень хороших людей среди русских».

Капрал Дутто: «Мой брат был с батальоном „Дронеро“ на передовой, у нас же жизнь была спокойной. Семья, в которой я жил, состояла из матери, отца и молодой дочери-учительницы. Их сын служил капитаном в армии у русских, еще одна дочь — медсестрой, также по другую сторону фронта. Все относились ко мне хорошо. Они, так же как и мы, очень устали от войны и надеялись победить зимой. Мы ходили на вечеринки в избы, как это бывает и в наших деревнях. Танцевали под балалайку и веселились... Мы говорили: „Мы скоро возьмем Москву“. Русские отвечали: „Зимой итальянцы будут тикать“. Русские жили очень бедно, они страдали от голода».

Баттисти Кадела, служивший на мясном складе дивизии «Кунеззе», рассказал о своем знакомстве с русской семьей. «Эта семья состояла из сорокапятилетней Кати и десятилетней Дуси. Как и все жители, они жили в землянке, потому что их дом был реквизирован. Каждый вечер мои товарищи играли в карты и пели. Я отправлялся в землянку к Кате, где у меня был свой угол с фотографиями моих близких и моими вещами. Однажды вечером я, как обычно, спустился по короткой лестнице, сбросил винтовку и открыл дверь. Передо мной стоял мальчик с автоматом через плечо и молча меня разглядывал. Я спросил его, что он здесь делает и чего хочет. Он не ответил. Тогда женщина сказала: „Когда русские отступали, мой сын был так молод, что его не взяли в армию. Теперь он прячется в камышах. Каждый вечер Иван возвращается домой, чтобы запастись продовольствием“.

Когда итальянцы брали пленных, они передавали их немцам, во всяком случае я так слышал. Если бы я был уверен, что Иван останется у итальянцев, может быть, я донес бы на него. Но совесть не позволила выдать его немцам, поэтому я улыбнулся Ивану, и он улыбнулся мне в ответ. Я стал видеть Ивана каждый день. Он никогда не заговаривал о войне и о политике. Но он все время повторял: „Тикайте до того, как наступят холода

и выпадет снег. Иначе будет поздно и для вас все будет кончено“».

Большое место в письмах к своим друзьям в Италии Д. Толлои уделил русской семье из города Орджоникидзе. С удивлением и восхищением он отмечал в студентке Анне, дочери хозяйки дома, черты человека нового общества. «Она не делала никакой разницы между офицерами и солдатами и лишь учитывала в беседе разницу в степени культуры, совершенно игнорируя золоченые нашивки. Какими мелочными казались мне наши светские салоны, где чины и доходы с абсолютной точностью определяли место каждого! Ни один полковник не может надеяться, что его мнение будет значить больше, чем мнение генерала, с которым он играет в бридж. Самое нелепое суждение жены известного журналиста о произведении искусства будет иметь вес.

Аня говорит, что ей все равно, кем будет ее будущий муж, — инженером или рабочим, лишь бы они любили друг друга, тем более, что уровень жизни у них примерно одинаков.

— А культура? — спросил я. — Ведь трудно найти рабочего, который будет читать Пушкина?

— Значит, он будет с удовольствием читать Чехова, Гоголя или Тургенева, — спокойно ответила Аня, и я был поражен и смущен одновременно.

На своем неправильном французском языке она с легкой насмешкой говорила об итальянцах: «Итальянцы петь, танцевать, играть и у всех спрашивать, когда жениться». Она рассказывала, как brave солдаты дивизии «Торино», войдя в город через три дня после того, как оттуда ушли русские, принялись разрушать статую рабочего и колхозницы, будучи уверены, что это изображения русских вождей. Она отметила, что они ничего не читают, все спрашивают о коммунизме, но быстро утомляются спором и начинают цитировать слова дуче. Больше всего ее возмущало, что, принеся с собой террор, нищету, принудительную мобилизацию (ее сестра Татьяна была вывезена в Германию), оккупанты пытались выдавать себя за носителей цивилизации...

На рождество прибыл мой друг, младший лейтенант. Он военный по семейной традиции. Сейчас, после отступления, он переживает духовный кризис... Мы встретили рождество за покрытым зеленым бархатом столом. Аня

одинаково вежливо говорила со мной, младшим лейтенантом и денщиком. По моей просьбе она почитала Пушкина. Потом разговор угас. Младший лейтенант откинулся назад и задумался, прикрыв глаза. Денщик сидел на низенькой скамейке, обхватив голову руками. Аня продолжала держать в руках томик Пушкина, но не читала, и по ее щекам бежали слезы»²².

ОПЕРАЦИЯ „МАЛЫЙ САТУРН“

«На днях наши войска, расположенные в среднем течении Дона, перешли в наступление...

Разгромлены девять пехотных дивизий и одна пехотная бригада противника».

*(Сводка Советского
Информбюро «В последний
час». 20 декабря 1942 г.).*

В ноябре 1942 года южнее итальянского сектора на Дону происходили серьезные события. Советские войска неожиданными и мощными ударами прорвали оборону противника северо-западнее и южнее Сталинграда и окружили немецкую армию, прорвавшуюся к берегам Волги. В кольце оказалась крупнейшая группировка немцев и их союзников общей численностью более 300 тыс. человек. Операция была проведена силами Донского и Сталинградского фронтов; в ней участвовал также левый фланг Юго-Западного фронта. Правый фланг Юго-Западного фронта, против которого были расположены основные силы итальянской армии, в ноябрьском наступлении участия не принимал.

Немецкое командование вначале не придавало значения окружению сталинградской группировки, считая, что у Красной Армии не хватит сил не только уничтожить, но даже удержать в кольце немецкие бронетанковые и механизированные дивизии. Поэтому в конце ноября и начале декабря оно предпринимало попытки прийти на помощь армии фон Паулюса ограниченными силами, но двинувшиеся было вперед немецкие и румынские дивизии вскоре остановились и перешли к обороне.

Тогда немецкое командование начало срочно перебрасывать резервы к левому флангу Юго-Западного фронта. Одновременно была создана крупная группировка перед Сталинградским фронтом, в районе Котельниковского. К 10 декабря эти группировки представляли собой уже внушительную силу, перед которыми ставилась задача прорвать оборону советских войск в северо-восточном

направлении и соединиться с окруженной сталинградской группировкой. Восьмая итальянская и остатки румынской армии, расположенные против правого крыла и центра Юго-Западного фронта и левого крыла Воронежского фронта, должны были упорной обороной на реке Дон сковать советские войска и прикрыть левый фланг и тыл ударных группировок.

Появление ударных группировок не прошло незамеченным. Поэтому советское командование несколько видоизменило общий план наступательных операций Юго-Западного и Воронежского фронтов, который носил кодовое название «Сатурн» и был утвержден Ставкой 3 декабря 1942 г. Его первоначальной целью было развить наступление на Ростов, отрезав кавказскую группировку немцев. Теперь главный удар направлялся не на юг, как это было задумано вначале, а на юго-восток. Уточненный план операции получил кодовое название «Малый Сатурн». Сроки подготовки наступления были сокращены, и начало операции было перенесено на 16 декабря.

Главную задачу операции должны были выполнить войска Юго-Западного фронта, которым командовал генерал Ватутин. Перед ними была поставлена задача прорвать оборону итальянской армии, разгромить ее, выйти в район Тацинской, Морозовска и Тормосина и нанести удар по флангу и в тыл немецких группировок, готовившихся к освобождению армии фон Паулюса. С войсками Юго-Западного фронта взаимодействовала 6-я армия, расположенная на левом фланге Воронежского фронта. Нанеся удар на своем участке, она должна была обеспечить войска Юго-Западного фронта от возможных контактов с фланга.

Учитывая конфигурацию линии фронта и имевшиеся в наличии плацдармы, командующий Юго-Западным фронтом решил нанести концентрированный удар двумя группами с разных участков по сходящимся направлениям. С этой целью были созданы две ударные группировки: одна в районе Осетровского плацдарма, другая — восточнее станицы Боковской. Первая группировка, которой командовал генерал Кузнецов, наносила главный удар с рубежа Дерезовка — Журавка. Она должна была развить наступление в направлении на Тацинскую, Морозовск. Вторая группировка под командованием гене-

рала Лелюшенко готовилась нанести удар в направлении Боковская, Нижний Астахов, Морозовск. Войска Воронежского фронта, начав наступление с рубежа Новая Калитва — Дерезовка, должны были двигаться в общем направлении: Кантемировка, Марковка¹.

В документах штабов Юго-Западного и Воронежского фронтов указывались причины, заставлявшие считать итальянскую армию «слабым звеном». В них отмечалось, что итальянские солдаты не желают воевать за чуждые им интересы гитлеровской Германии, они не проявляют вражды к советскому народу и неприязненно относятся к гитлеровскому союзнику, их боевой дух невысок, и они легко сдаются в плен. В сводках советских штабов отмечалась также слабая профессиональная подготовка офицерского состава итальянской армии, большая часть которого не имела достаточно боевого опыта, что приводило к дезорганизации частей и большим потерям.

Вот как, например, выглядела заключительная часть характеристики дивизии «Коссерия» накануне наступления: «В ходе активных боевых действий дивизия показала слабое упорство в обороне. Многие солдаты бросали оружие и спасались бегством. Политико-моральное состояние дивизии низкое. Пленные объясняют это трудностями войны и нежеланием воевать за Гитлера. В целом подготовка дивизии слабая. Она боеспособна, но упорства в боях не проявляет. Для действий в условиях сурового климата не тренирована».

Ведущая роль в выполнении общей задачи наступления отводилась танковым и механизированным соединениям, которые должны были стремительным броском проникнуть в глубокий тыл врага. Движение танковых колонн в тылу противника планировалось параллельно линии фронта, с тем чтобы в первые же дни нарушить всю систему управления связи и материального обеспечения. Глубина удара достигала 150—350 км, среднесуточный темп движения планировался 45—75 км. Это был невиданный до тех пор темп наступления.

Переброска войск проходила в большой тайне, и принимаемые меры вводили в заблуждение противника. «Советское командование,— говорилось в официальном отчете исторического отдела итальянского генерального штаба,— в отличие от того, что имело место раньше, совершало концентрацию своих войск быстро и скрытно,

перебрасывая танковые части ночью и маскируя их движение шумом тракторов и автомашин. Таким образом, ему удалось скрыть до последнего момента часть вновь прибывших войск³.

В своих планах советское командование учитывало характер местности, на которой предстояло проведение операции. В целом она, несомненно, была более выгодной для обороны, чем для наступления: открытое, неравномерно всхолмленное плоскогорье, очень бедное растительностью, изрезанное вдоль и поперек большим количеством рек и глубоких балок. Правда, большинство рек были мелководными и к началу наступления сильно промерзли. Зато для преодоления главного водного рубежа— Дона, ширина которого в этом районе достигала 200—300 метров, требовалось наводить мосты или проводить работы по усилению льда.

Метеорологические условия в декабре 1942 года были относительно благоприятными для ведения боевых действий: температура воздуха колебалась между 0 и 10 градусами мороза и в течение всего месяца не опускалась ниже 20 градусов. Сведения Валори о том, что температура в это время колебалась между —10 и —30 градусами, а также описание «морозов до 40 градусов» в книгах других авторов следует считать преувеличением.

В первой декаде декабря 1942 года итальянская армия занимала позиции между 2-й венгерской и 3-й румынской армиями, разместив свои дивизии в одну линию вдоль Дона. Левый фланг, примыкавший к венгерской армии, составлял альпийский корпус (дивизии «Тридинтина», «Юлия», «Кунезензе»), который оставался вне зоны декабрьского наступления Красной Армии.

Далее, вниз по течению Дона, стояли две дивизии 2-го армейского корпуса «Коссерия» и «Равенна», между которыми занимал позиции 318-й немецкий пехотный полк. Затем следовал 35-й армейский корпус (его позиции начинались у устья реки Богучар), который составляли 298-я немецкая дивизия и итальянская дивизия «Пасубио». На правом фланге итальянской армии был 29-й корпус, имевший немецкий штаб, но включавший в себя три итальянские дивизии: «Торино», «Челере» и «Сфорцеску», сектор которой кончался у станицы Вешенской.

230 тыс. итальянцев занимали сектор в 270 км. По расчетам итальянского генерального штаба (учитывая тыло-

вые службы и штабы), на одного человека приходилось семь метров линии фронта⁴: это не так уж много, но значительно больше того, чем имели немцы на этом секторе до прихода итальянской армии, и вдвое больше того, чем располагали советские армии под Москвой осенью 1941 года во время наступления гитлеровцев на столицу.

Итальянская армия практически не имела оперативных резервов: три немецкие дивизии, находившиеся у нее в тылу, в конце ноября были переброшены к Сталинграду, а шедшие им на смену другие три бронетанковые дивизии были срочно переданы румынской армии. Дивизия «Челере», стоящая во втором эшелоне, сменила на передовой немецкую дивизию, также направленную под Сталинград. Таким образом, в тылу у итальянской армии позади альпийского корпуса оказалась только дивизия «Винченца», не имевшая тяжелого вооружения.

Немецкое командование, будучи не в состоянии обеспечить резервами итальянскую армию, требовало не отступать от берега Дона при любых обстоятельствах. «Концепция, на которой основывалась оборона, была изложена в ряде немецких инструкций, — говорится в одной из публикаций итальянского генерального штаба. — Она заключалась в следующем: оборона линии Дона должна быть жесткой, а не гибкой. Запрещалось использовать тактический отход как с целью маневра, так и для сокращения линии фронта. Подобные передвижения могли быть произведены только по приказу немецкого командования. В случае прорыва фланги не должны были отходить. Таким образом, итальянская армия была осуждена на жесткую оборону в одну линию против явно превосходящих сил противника».

Недостаток сил в известной мере компенсировался удобными для обороны рубежами и их хорошим оборудованием. Более двух месяцев итальянские солдаты трудились, создавая линию обороны на Дону. Рубеж реки был хорошо подготовлен в инженерном отношении, а сильно развитая система огня прикрывала все подступы к переднему краю. Костяк обороны составляли опорные пункты и система узлов сопротивления, расположенные на господствующих высотах. Подступы к ним и промежутки между ними были насыщены противопехотными и противотанковыми заграждениями. Особенно много было минных полей и проволочных заграждений.

Учитывая недостаток противотанкового оружия, итальянское командование позаботилось о том, чтобы все удобные проходы были перерезаны противотанковым рвом. Слабость оборонительной линии составляла ее незначительная глубина, однако в то время итальянских генералов это мало беспокоило. Командир альпийского корпуса генерал Наши даже после разгрома итальянской армии продолжал утверждать, что «альпийцы на Дону построили непреодолимую линию».

Генерал Наши имел возможность писать о неуязвимости своего сектора, поскольку альпийский корпус не подвергался фронтальным ударам советских войск. Однако дивизии других корпусов готовились к обороне не менее активно, и их командиры до утра 16 декабря думали примерно так же, как генерал Наши. Офицер дивизии «Равенна», разгромленной в первые же дни наступления, писал впоследствии: «Именно то, что части нашей дивизии не имели указаний о порядке отхода на запасные позиции, заставляло считать, что командование рассматривает наши позиции как абсолютно неприступные».

Итальянские историки описывают период с 11 по 16 декабря как «дни жестоких боев на изнурение», во время которых итальянские войска, нанося противнику огромные потери, сдерживали массированные атаки. В действительности до 16 декабря командование фронтом вело разведку боем, используя ограниченные силы.

Наступление советских войск началось утром 16 декабря. В этот день густой туман застилал оба берега Дона. В 8 часов утра на всем протяжении реки—от Осетровской излучины до устья реки Чир и станицы Вешенской—загремели орудия. Массированный артналет (5 тыс. орудий и минометов) по переднему краю длился полтора часа, после чего артиллерия перешла к методическому огню на подавление и разрушение укреплений противника. Артиллерийская подготовка закончилась повторным концентрированным ударом всех огневых средств по переднему краю обороны противника. Вслед за этим стрелковые части пошли в атаку. Начались бои за прорыв основной полосы обороны.

Как и было запланировано, главные удары против итальянских, немецких и румынских войск наносились по трем направлениям. Больших успехов в первые дни до-

стигли войска левого фланга Воронежского фронта. Соединения 6-й армии, которой командовал генерал Харитонов, разгромили дивизию «Коссерия» и прорвали полосу обороны на участке Новая Калитва — Дерезовка. Соединения Воронежского фронта вскоре оказались на фланге и в тылу основных сил итальянской армии.

В районе Осетровской излучины Дона, где наступали войска 1-й гвардейской армии Юго-Западного фронта, они обладали плацдармом на правом берегу реки. Этот плацдарм был потерян дивизией «Равенна» в ходе августовских боев, и, несмотря на очевидную угрозу, которую он представлял, командование итальянской армии не предприняло серьезных попыток вовремя его ликвидировать. Теперь паром у Верхнего Мамона беспрепятственно переправлял советскую пехоту и танки, снабжая войсками направление главного удара. Острие этого удара было нацелено против итальянской дивизии «Равенна».

Советская пехота двигалась вперед, с боями занимая оборонительные рубежи. Итальянское командование всеми силами пыталось организовать на этом направлении сопротивление. Оно бросило в бой дивизионные резервы, бригаду чернорубашечников «23 марта». Одновременно по просьбе штаба 2-го корпуса немецкое командование передало в его распоряжение противотанковые и тяжелые орудия. На помощь «Равенне» были двинуты части 298-й немецкой дивизии, стоявшей справа от нее. Дивизия «Коссерия» получила приказ образовать линию обороны позади «Равенны»: ее место должна была занять 385-я немецкая дивизия. Правда, «Коссерия» уже не могла выполнить этот приказ, так как части этой дивизии были смяты войсками генерала Харитонова.

Особенно ожесточенные бои развернулись в центре ударной группировки, у высоты 197. Здесь итальянские позиции были хорошо укреплены и прикрыты минными полями. Это задержало продвижение танковых частей, которые вступили в бой уже в полдень 16 декабря.

Сопротивление противника было сломлено 17 декабря. В этот день дивизия «Равенна» стала стремительно откатываться назад, открывая фланги и тылы соседней с ней 298-й немецкой дивизии. Стрелковые части 1-й гвардейской армии двигались вперед, окружая и обходя отступавшие итальянские и немецкие части. Серьезное сопротивление они встретили со стороны 298-й немецкой дивизи-

зии в городе Богучар. Однако в ночь на 19 декабря и эта дивизия начала отход. В итоге трехдневных боев оборона противника была прорвана на всем Богучарском направлении. Стрелковые части за первые три дня наступления продвинулись вперед до 35 км.

Активное участие 2-го корпуса итальянской армии в операциях на советско-германском фронте кончилось. По приказу немецкого командования сектор передавался 24-му немецкому бронетанковому корпусу, в подчинение которого переходили все немецкие части, находившиеся на месте и сохранившие боеспособность. Итальянские дивизии «Коссерия» и «Равенна», потерявшие до 70% своего состава, снимались с фронта.

35-й корпус 8-й армии, в который входили дивизия «Пасубио», бригада чернорубашечников и 298-я немецкая дивизия, также фактически распался. Он испытывал меньшее давление с фронта, но прорвавшиеся со стороны дивизии «Равенна» советские подвижные части уже 18-го заняли его тылы, заставив штаб корпуса поспешно эвакуироваться. Перемешавшись с немецкими частями, дивизия «Пасубио» двинулась на юго-запад. 19 декабря начала запоздалый отход дивизии «Торино», «Челере» и «Сфорцеска», входившие в 29-й армейский корпус: советские войска находились у них в тылу, и штабы бежали до того, как началось отступление передовых частей.

Части генералов Харитонова и Кузнецова, двигаясь в одном направлении, образовали правый — основной клин, который врезался в расположение 8-й итальянской армии, отрезав от нее альпийский корпус. Левый клин — юго-восточнее расположения итальянской армии — создавал угрозу ее полного окружения. Третья гвардейская армия генерала Лелюшенко должна была выполнить эту задачу, начав атаку также 16 декабря с рубежа Астахов — Краснокутская в направлении Боковской. Перед ней стояли немецкие дивизии и остатки румынской армии.

На главном направлении, где оборонялись 62-я и 294-я немецкие дивизии, бои приняли ожесточенный характер. За два дня стрелковым соединениям не удалось вклиниться в оборону противника, однако напряженные бои значительно ослабили сопротивление. Не дожидаясь прорыва обороны стрелковыми соединениями, генерал Лелюшенко 18 декабря ввел в бой танковые и механизированные части. Противник не выдержал удара и стал отходить.

Южнее расположения итальянской армии образовался выступ, который угрожал ее флангу.

В итоге первых дней наступления советских войск была прорвана укрепленная полоса итальянской оборонительной линии по Дону и рассечен на части фронт 8-й армии. Все ее дивизии стремительно откатывались назад. Служебная сводка Юго-Западного фронта, подводящего итоги боев, гласила: «На правом фланге фронта от Новой Калитвы до Боковской (т. е. на фронте итальянской армии.— Г. Ф.) противник начал повсеместный отход, прикрываясь арьергардными боями и частными контратаками вновь подошедших частей из резерва. На отдельных участках отход противника перешел в беспорядочное отступление».

В ходе боев за прорыв фронта советские войска нанесли противнику большие потери. Только войска Юго-Западного фронта за три первых дня уничтожили 17 тыс. солдат и офицеров противника и 4 тыс. взяли в плен.

20 декабря советские газеты на первой странице поместили сообщение Информбюро «В последний час». Из него мир впервые узнал о событиях, происходивших на Дону. В сообщении говорилось: «На днях наши войска, расположенные в районе среднего течения Дона, перешли в наступление против немецко-фашистских войск. Наступление началось в двух направлениях: с северо-запада, на участке Новая Калитва — Монастырщина, и с востока, в районе Боковской. Прорвав оборону противника на участке Новая Калитва — Монастырщина протяжением 95 км и в районе Боковской протяжением 20 км, наши войска за четыре дня напряженных боев, преодолевая сопротивление противника, продвинулись вперед от 5 до 90 км. Нашими войсками занято более 200 населенных пунктов, в том числе города Новая Калитва, Кантемировка, Богучар и райцентры Талы, Радченское, Боковская. В ходе наступления наших войск разгромлено девять пехотных дивизий и одна пехотная бригада противника... Прорыв осуществлен силами Юго-Западного фронта, которыми командует генерал-полковник Ватутин Н. Ф., и Воронежского фронта, которыми командует генерал-лейтенант Голиков Ф. И. В боях отличились войска генерал-лейтенанта Кузнецова В. И., генерал-лейтенанта Лелюшенко Д. Д., генерал-майора Харитонов Ф. М. Наступление наших войск продолжается». С этого дня

сообщения с Дона заняли видное место в сводках о ходе боев на фронтах Отечественной войны.

После прорыва фронта и первых ударов нужно было не дать противнику опомниться и закрыть прорыв прибывавшими из тыла дивизиями. Советское командование знало о том, что противник уже приступил к срочной переброске оперативных резервов. Перед войсками армии правого фланга были обнаружены части альпийской дивизии «Юлия», 385-й и 387-й немецких пехотных и 27-й танковой дивизий. В район Боковской подошла 306-я немецкая дивизия. Учитывая все эти обстоятельства, командуя фронтом генерал Ватутин особой директивой обратил внимание войск на необходимость решительных действий для того, чтобы не упустить благоприятного момента. Командирам соединений первого эшелона он приказал не ввязываться в длительные бои с сопротивляющимися группами противника, а обходить их, блокируя ограниченными силами. Особое внимание войск обращалось на то, чтобы их действия были непрерывными и не прекращались в ночное время. В своей директиве генерал Ватутин требовал создания подвижных групп, которые, передвигаясь на автомашинах, были бы способны перерезать пути отхода отступающих войск. Директива подчеркивала, что наступило время броска танковых соединений. В соответствии с общим планом операции им предписывалось выйти на оперативный простор, развернуться и начать безостановочное движение параллельно линии фронта.

Наиболее быстро в дни прорыва фронта двигались вперед танкисты корпуса генерала Полубоярова. Начав марш на секторе дивизии «Коссерия», они сразу же оторвались от стрелковых частей и уже 19 декабря зашли в тыл железнодорожной станции Кантемировка. Успешными были действия корпусов генералов Баданова и Павлова, наступавших в составе армии Кузнецова. Танкисты Павлова за 18 декабря прошли с боями 70 км и к исходу дня дрались уже в районе станции Сетраки. Двигаясь затем по направлению к Морозовску, танкисты взяли в плен более 10 тыс. солдат и офицеров противника. Всего танковый корпус генерала Полубоярова прошел во время рейда 200 км.

Еще более впечатляющим был бросок 24-го корпуса генерала Баданова. Он двигался к Тацинской, проделав за пять дней 240 км. 24 декабря части корпуса заняли

станцию Тацинская, перерезав тем самым главную артерию, питавшую Тормосинскую группировку противника. Корпус нанес противнику огромные потери: только более 300 самолетов было уничтожено и захвачено на аэродромах. Танковые части и соединения, принимавшие участие в операции, блестяще выполнили поставленную перед ними задачу: в первые же дни наступления дивизии противника потеряли связь с командованием и между собой, а неожиданное появление танков вносило в ряды отступающих невероятную панику.

Важную роль в разгроме итальянской армии сыграли также подвижные группы, созданные командованием фронта. Уже 19 декабря большая часть передовых соединений выдвинула впереди стрелковых частей моторизованные отряды, усиленные артиллерией и танками. Двигаясь вдоль дорог, эти группы внезапными налетами громили отступавшие части противника. Применяя широкий маневр, они не ввязывались в бой с отдельными частями, а стремились выйти на узлы коммуникаций, для того чтобы закрепиться в пунктах, по которым уже прокатилась танковая волна.

Стрелковые части, двигавшиеся следом, завершали окружение и разгром сопротивлявшихся групп противника. Таким образом, бои шли на всем пространстве — в тылу противника и в тылу у наступавших советских войск. Никакой определенной линии фронта не существовало; в некоторых случаях населенные пункты, через которые уже прошли советские танки или подвижные группы, вновь занимались колоннами отступавших. Нередко вторым эшелонам приходилось вновь вести бои за деревни, которые уже считались занятыми. Разрозненные и перемешанные части итальянских и немецких дивизий стихийно объединялись в группы, которые двигались наобум, стремясь прорваться на запад.

Для дальнейшего разгрома соединений противника генералом Кузнецовым было принято решение несколько изменить направление движения левого фланга 1-й гвардейской армии. Ее правый фланг должен был продолжать преследование противника в общем направлении на Миллерово. Левый, часть сил которого прошла вперед и нависла над отставшими итальянскими и немецкими дивизиями, должен был захватить их с запада и востока в клещи. В образовавшееся в результате этого

маневра кольцо попали части итальянских дивизий «Равенна», «Пасубио», «Торино» и 298-я немецкая дивизия. С 21 декабря отступавшие по степи солдаты этих дивизий начали повсюду наталкиваться на заслоны из советских частей.

В некоторых случаях советские солдаты одерживали быстрые победы над намного превосходившим их по численности противником. Так, в Калмыкове 400 советских бойцов атаковали группу итальянцев, в шесть раз превосходившую их по численности. В результате быстротечного боя только пленными советские воины захватили более 2 тыс. итальянских солдат и офицеров. В редких случаях окруженные оказывали ожесточенное сопротивление. Так, зажатые в кольцо у Арбузовки части 298-й немецкой дивизии и колонна, состоявшая из солдат нескольких итальянских дивизий, 23 декабря несколько раз переходили в контратаки. Советское командование направило в этот район гвардейские минометы. Залпы «Катюш», обрушившиеся на гарнизон Арбузовки, быстро решили исход сражения. Это была последняя группировка противника, которая пыталась оказать сопротивление частям армии генерала Кузнецова.

Танковые и моторизованные части 18-го корпуса, участвовавшие в окружении итало-немецкой группировки в Арбузовке, после подхода стрелковых частей получили новое задание. В то время как вокруг Арбузовки стягивалось плотное кольцо, они в ночь на 22 декабря, проделав стремительный бросок по направлению к станции Верхне-Чирской, должны были перехватить итальянские дивизии, отступавшие от станции Вешенской. Восемь часов понадобилось танкистам Бахарова для того, чтобы разметать колонны отступавших. Только пленными было захвачено более 2,5 тыс. человек.

Пока левый фланг и центр 1-й гвардейской армии проводили операции с целью окружения и уничтожения войск противника, отступавшего на Богучарском и Мигулинском направлениях, ее правый фланг продолжал преследование, углубляя прорыв фронта. Правый фланг армии Кузнецова смог успешно и быстро выйти на намеченные рубежи благодаря тому, что его марш надежно прикрывался армией генерала Харитонова, образовавшей после 19 декабря правый фланг Юго-Западного фронта. Против этой армии направлялись главные силы

резервов немецкого командования. Ей пришлось выдерживать контратаки трех немецких дивизий, поддержанных частями итальянского альпийского корпуса, пытавшихся зайти ей во фланг и тыл. Однако армия продолжала двигаться вперед. Пройдя Кантемировку, она повернула на юго-восток и к 25 декабря подошла к Миллерову. Сюда же на день раньше вышел левый фланг 1-й гвардейской армии.

Выйдя на рубеж Кризское—Миллерово, войска армий Кузнецова и Харитонова закончили второй этап операции. В течение шести суток, с 18 по 24 декабря, используя все силы стрелковых и подвижных частей, они вели неотступное преследование отходивших итальянских и немецких войск. Несмотря на зимние условия и растягивавшиеся с каждым днем коммуникации, стрелковые части прошли за это время с боями по 100—120 км.

Всего с 16 по 30 декабря советские войска продвинулись вперед на 150—200 км, освободив 1246 населенных пунктов. За это время они разгромили шесть итальянских и пять немецких дивизий, бригаду чернорубашечников и ряд отдельных частей. Противник потерял только убитыми более 50 тыс. человек, много солдат и офицеров было взято в плен. Точный подсчет потерь противника был крайне затруднен: сражение вылилось в множество мелких стычек и велось на огромных покрытых снегом пространствах. Сдавшиеся в плен солдаты часто оставались без достаточной охраны, разбегались и гибли в степи. Иногда пленных освобождали вновь подошедшие колонны отступавших, которые в свою очередь рассыпались в новых столкновениях или опять сдавались советским войскам.

Трофеи наступавших войск были огромны. В эти дни они захватили 368 самолетов, 178 танков, 1927 орудий, 7414 автомашин, много минометов, пулеметов, автоматов и самого различного военного имущества. 27 декабря генерал Кузнецов приказал прекратить наступление и перейти к обороне.

В результате разгрома на Дону румынской, а затем итальянской армий южный фланг ударной группировки немецких войск, готовящейся к прорыву сталинградской блокады, оказался открытым. Железнодорожная магистраль, по которой шло основное снабжение Тормосинской группировки, была перерезана. Немецкое командо-

вание окончательно отказалось от идеи деблокирования своих войск, зажатых в сталинградском кольце. Боясь нового окружения, оно стало выводить дивизии из района Нижне-Чирская — Тормосин.

Анализируя обстоятельства, обеспечившие успех операции, следует отметить, что «успеху операции способствовали правильный выбор направлений главного удара (наличие итальянских войск на правом фланге и спешно созданный рубеж обороны на левом фланге) и времени для наступления (все внимание противника в этот период было обращено на помощь окруженным немецким войскам под Сталинградом). Решающее влияние на ход и результаты операции оказал метод ее проведения: охват основной группировки противника железными клещами бронетанковых корпусов с последующими дробящими ударами по его боевым порядкам. Удары подвижных соединений привели к окружению и изоляции его соединений, что дало возможность уничтожить их по частям. В ходе операции стрелковые части показали образцы упорства, стойкости и стремительности. Противнику, несмотря на то что он был снабжен автотранспортом гораздо лучше, не удалось вывести свои главные силы из-под удара наших войск. Большая часть их была окружена и уничтожена или пленена».

Что касается слабостей противника, то советские историки подчеркивают значительную протяженность участка фронта и недостаток сил для обороны. Глубина обороны противника была явно недостаточной, а оперативные резервы к началу наступления у него отсутствовали. Вместе с тем они отмечают хорошую подготовку оборонительной полосы по реке Дон, умело построенную и сильно развитую систему огня и мощную систему инженерного оборудования⁵.

Интересно сравнить выводы советских военных специалистов с отчетом командующего итальянской армии Гарибольди, представленным им в генеральный штаб в феврале 1943 года. Отмечая, что «неблагоприятное развитие событий следует искать в ряде причин, которые не затрагивают доблести нашего солдата, а касаются главным образом оперативной стороны и состояния тылов», итальянский главнокомандующий делит их на две категории: причины, существовавшие до начала сражения, и причины, возникшие в ходе его. К первой группе он относит не-

соответствие протяженности фронта наличию сил, малочисленность второго эшелона и отсутствие резервов, линейное построение обороны, недостаток транспорта, горючего и рабочей силы, требование жесткой обороны со стороны германского командования, значительное превосходство сил противника, особенно в бронетанковых средствах. Ко второй группе причин он относит упорство германского командования в защите линии Дона, в то время как, по его мнению, обстановка диктовала широкий отход с целью контрманевра, недооценку возможностей противника, который не дал времени германскому командованию для концентрации массы резервов и перемалывал по частям прибывавшие подкрепления.

К этим причинам, которые итальянский командующий называет основными, он добавляет еще ряд факторов, называя их «менее значительными»: причины, касающиеся боевой подготовки и причины технического характера. В первую группу он включил недостаточное вооружение пехоты, особенно противотанковыми средствами, нехватку зимнего обмундирования и его несоответствие местным климатическим условиям, профессиональную и моральную неподготовленность некоторых офицеров запаса. Вторая группа касается недостатков в техническом оснащении войск. Важнейшими Гарибольди считал плохое качество радиостанций и оборудования итальянских самолетов, не позволявшее проведение ночных полетов⁶.

Итальянский главнокомандующий в своем отчете воздерживается от критики подчиненных. Единственное осторожное указание о «некоторых офицерах» касается резервистов, призванных из запаса: по мнению генерала, это не задевало чести кадровой армии. Основную вину итальянский командующий возлагал на немецкое командование и объективные причины, относя при этом, как ни странно, недостатки вооружения и боевой подготовки к разряду «менее важных».

Между тем немецкие штабы, не слишком высоко оценивая боевые качества итальянской армии, в первую очередь отмечали эту сторону вопроса. Генерал Типпелькирх, бывший представитель немецкого командования при итальянской армии, выступая после войны в качестве историка, писал о союзных армиях: «Командование группы армий «Б», которому подчинялись эти армии, уже давно не сомневалось в том, что если войска союзников

Германии могут еще как-то удерживать 400 км фронта, пока русские ограничиваются отдельными атаками, то перед крупным наступлением русских им не устоять. Оно неоднократно и настойчиво высказывало это опасение. Дивизии союзников были оснащены слабее немецких, особенно им недоставало противотанкового оружия. Их артиллерия не имела современных тяжелых систем, как немецкая или русская, а недостаточное количество средств связи и плохая подготовка не позволяли им осуществлять внезапное массирование огня... Румыны, итальянцы и венгры вели бой главным образом живой силой, и в борьбе против русских их людские ресурсы быстро таяли. Они нередко воевали самоотверженно, но ввиду недостатка в технике, небольшого боевого опыта и невысокой боевой выучке уступали в тактике русским, которые умели щадить собственные силы»⁷.

Генерал Гарибольди в своем отчете очень скупо говорил о тех качествах советских войск, которые сыграли решающую роль в исходе операции. Отчасти это можно объяснить атмосферой фашистского режима, не допускающей признания достоинств противника. Более объективными в этом отношении оказались авторы официального издания итальянского генерального штаба, вышедшего после войны. Они отмечают, что операция была проведена советскими войсками на основе прогрессивных оперативных принципов: широкие охватывающие маневры и стремительность продвижения срывали все попытки организовать оборону на промежуточных рубежах. Они отмечают также массированное применение танков, короткую, но очень интенсивную артиллерийскую подготовку, участие в боях реактивных минометов, поддержку авиации. «Русское командование, — пишут авторы отчета, — умело применило новую доктрину, проявляя инициативу, гибкость и готовность использовать выгодную ситуацию. Численность русских сил, введенных в действие, быстрота сосредоточения и новые оперативные принципы несомненно явились неожиданностью для немецких штабов, которые, кроме всего прочего, были уверены, что после потерь, понесенных летом, русские неспособны к широким действиям зимой»⁸.

Немецкое верховное командование допустило явные просчеты в оценке возможностей Красной Армии, что сыграло немаловажную роль в судьбе итальянских войск.

Однако, оценивая обстановку накануне наступления, и сами итальянцы допускали явные просчеты. Об этом свидетельствует обзор положения на фронте, сделанный итальянским верховным командованием 19 декабря, то есть в то время, когда дивизии АРМИР, за исключением альпийского корпуса, уже начали беспорядочное отступление: «Сейчас противник проявляет активность на опасном направлении (линия Дона). Для того чтобы предотвратить прорыв фронта, у 8-й армии не имеется достаточного количества резервов. Первые резервы (бронетанковая дивизия) прибывают на место, но смогут эффективно вступить в бой только через три-четыре дня. Значительные подкрепления (семь дивизий) перебрасываются по железной дороге из Франции; они будут в зоне военных действий только через неделю. Тем не менее имеется уверенность в том, что кризис будет преодолен, так как противник, по-видимому, не располагает большими силами и не оказывает сильного давления»⁹.

В своем отчете Гарибольди патетически пишет о «52 днях непрерывной битвы против превосходящих сил противника», которые пришлось выдержать итальянским дивизиям. В действительности основные силы 8-й армии — шести дивизий — вышли из боя и передали свой сектор немецкому корпусу 30 декабря, то есть через 15 дней после начала наступления советских войск. Остальные итальянские дивизии, составлявшие альпийский корпус, и дивизия «Винченца», наоборот, до середины января спокойно оставались на Дону, южнее Воронежа, оказавшись вне волны советского наступления. Исключением была дивизия «Юлия», участвовавшая в неудачных попытках немецких войск провести контратаку против правого фланга армии генерала Харитонов. Ее место на правом фланге альпийского корпуса заняла дивизия «Винченца».

57 тыс. итальянцев, входивших в альпийский корпус, занимали позиции на Верхнем Дону. Слева от них располагалась 2-я венгерская армия, справа — 24-й немецкий корпус, прикрывавший участок фронта, оставленный итальянскими дивизиями в ходе декабрьского отступления. В январе 1943 года против них и были направлены удары Воронежского фронта. Это наступление осуществлялось как первая после Сталинграда операция на окружение. Оно протекало еще более стремительно, чем пред-

шествующее наступление Юго-Западного фронта на Среднем Дону. Командование Воронежского фронта не обладало превосходством в силах над противником. Исходя из этого, оно пошло на смелый маневр, оставив минимальные силы в центре: на 1 км фронта здесь приходилось 50 бойцов и 2 пулемета, на каждые 2 км — 1 орудие и 1 миномет. За этот счет оно создало на флангах мощные группировки прорыва.

По плану операции наступление было намечено на 14 января. Уже 12 января командование фронта предприняло разведку боем. Последовавший удар главными силами принес немедленный успех: венгерские дивизии стремительно покатались назад; не смогли сдержать атаки советских частей и немецкие дивизии 24-го корпуса. Уже 18 января войска двух фланговых группировок соединились в районе Алексеевки, позади итальянского альпийского корпуса. В образовавшемся кольце помимо четырех итальянских оказались четыре немецкие дивизии и части разбитой венгерской армии.

Попад в кольцо, эти группы не оказали сильного сопротивления. Объединившись в сборные колонны, разрозненные части направились на запад. Стояли сильные морозы, метели и заносы затрудняли движение. Тем не менее как механизированные соединения советских войск, так и стрелковые части сумели организовать преследование, перехватывая пути отхода и разрезая на части колонны отступавших. Огромную помощь в эти дни наступавшие советские войска получили от местного населения.

«Местные жители, — говорится в «Истории Великой Отечественной войны», — проводили лыжные отряды и целые полки Красной Армии глухими оврагами и перелесками в тылы вражеских войск, показывали наиболее удобные пути для движения механизированных и танковых частей. Молодежь буквально осаждала командиров частей, прося их о зачислении в армию. В эти дни соединения Воронежского фронта получили немало новых бойцов, горевших желанием громить ненавистных оккупантов». Кроме того, ощутимые удары по блуждавшим вражеским частям наносили партизанские отряды.

Командование итальянской армии довольно быстро реагировало на опасность, нависшую над альпийским корпусом. Уже 15 января, при первых известиях об от-

ступлении венгерских дивизий, оно запросило у штаба группы армий разрешение отвести корпус для того, чтобы выравнять линию фронта. Об этом было доложено Гитлеру, который не только не разрешил отход, но и отказался санкционировать уже согласованную ранее передислокацию 24-го немецкого корпуса с целью усилить фланговый заслон. Это решение имело чисто формальное значение: 24-й корпус уже стремительно откатывался назад под ударами советских войск. Его штаб даже не успел или не посчитал нужным сообщить командующему итальянскими войсками о том, что правый фланг альпийцев остался открытым. Об этом «сообщили» советские танкисты, которые на рассвете 15 января внезапно появились в Россоши, где был расположен штаб альпийского корпуса. Лишь 17 января, когда основные пути отхода были уже перехвачены советскими механизированными частями, альпийский корпус получил указание об отходе. В тот же день связь альпийцев с армией прервалась навсегда.

Командир дивизии «Кунеэнзе», попавший в плен, рассказывал позднее: «С 17 января никаких приказов... я не получал. Связи как с корпусом, так и с другими дивизиями не было. Дивизия все время вела бои с превосходящими силами русских танков и мотопехоты, против которых не имела противотанковых средств, так как при отходе с Дона большая часть артиллерии была оставлена на месте»¹⁰.

Отступление итальянского альпийского корпуса длилось 15 дней. Огромные толпы людей разных национальностей, страдая от холода и голода, двигались на запад. Они шли через степь, покрытую снегом, по дорогам, забитым брошенными автомашинами и повозками. Куда бы ни направлялись альпийцы, они неизменно натыкались на советские войска или партизан, под ударами которых колонны отступавших редели. Этот марш окончился в Шебекино, более чем за 300 км от Дона. Из 57 тыс. человек, попавших в окружение, удалось вырваться едва 27 тысячам. Во время отступления альпийский корпус потерял 90% лошадей и мулов, 99% автосредств, 100% артиллерии, автоматического оружия и материальной части¹¹.

После разгрома альпийского корпуса на советско-германском фронте не осталось боеспособных итальянских дивизий. По приказу немецкого командования 1 февраля

итальянская армия покинула свой сектор, а остатки разбитых дивизий направились пешим порядком в зону реорганизации, к северо-востоку от Киева. По официальным данным итальянского генерального штаба, с 11 декабря 1942 г. по 31 января 1943 г. итальянская армия на советском фронте потеряла убитыми, пропавшими без вести и пленными 84 830 человек, 29 690 ранеными и обмороженными. Это равнялось 60% офицерского и 49% рядового состава армии до начала наступления¹².

„ИТАЛЬЯНЦЫ КАПУТ“

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?..
Никогда здесь ты не жил и не был,
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

(М. Светлов, «Итальянец»).

Описание разгрома итальянской армии и ее отступления занимают центральное место в книгах участников похода на Восток. Неожиданный и полный крах, страдания, которые пришлось перенести, оказались тем переломным моментом, который заставил многих увидеть окружающее в новом свете, отказаться от ставших привычными понятий. «Это было, как длинный темный туннель, полный ужасов, выйдя из которого я понял, что никогда не буду прежним», — рассказывал позднее один итальянский офицер.

Воспоминания участников сражения на Дону не только рассказывают о событиях, ставших для многих наиболее трагическими и наиболее важными. Эти мемуары гораздо откровеннее и полнее показывают истинную картину событий, чем это делают документы, составленные до падения фашистского режима заинтересованными лицами.

В одних случаях они существенно поправляют официальные версии, в других говорят о том, о чем официальные источники предпочитают молчать: об ответственности итальянского командования и штабов, о панике и развале целых дивизий, о грабежах, которые сопровождали отступление.

Среди итальянских солдат и офицеров, оставивших свои записи, очень мало тех, кто находился на переднем крае в момент начала наступления. Одним из них был Ф. Гамбетти, развозивший почту солдатам дивизии «Кос-

серия». В канун начала общего наступления он ехал вдоль передовой с грузом писем. Время от времени его легкие сани подскакивали в темноте, натываясь на замерзшие трупы.

«Может быть, это были те, кто отправил со мной письма со стандартными строками, которые должны были успокоить домашних: „Я живу хорошо, чего и вам желаю. У нас все спокойно, и я в 50 км от фронта“. Атака еще не началась, — писал Гамбетти, — но в дивизии потери уже велики. Солдаты пять дней толком не спали и не получали горячей пищи. В ночь на 16 декабря некоторые солдаты бросали посты и возвращались в бункера, трясясь от страха, обросшие, голодные, без ружей. Невозможно было заставить их вернуться назад. Некоторые под угрозой трибунала выходили наружу, но можно было ручаться, что, едва скрывшись из глаз, они немедленно спускались в другой бункер. Дело было не в храбрости или трусости. Это была паника, которая охватывает людей во время стихийных бедствий: наводнений, землетрясений и лесных пожаров. В штабе 90-го полка начали создавать из чернорубашечников патрули с приказом открывать огонь по дезертирам. К счастью, — заключал солдат, — никто не согласился выполнять подобный приказ и сами офицеры противились его выполнению»¹.

«Я еще чувствую запах масла на заржавевшем стволе пулемета, — вспоминает сержант Ригони. — У меня в ушах еще звучит скрип снега под тяжестью шагов, покашливание русских дозорных, шуршание сухой травы под порывами ветра на берегу Дона. Перед моими глазами еще стоит созвездие Кассиопей, которое было у меня над головой каждую ночь, и накаты бункера, которые были над моей головой каждый день. И когда я думаю об этом, я вновь испытываю ужас того утра, когда «Катюша» первый раз обрушила на нас семьдесят два снаряда...

Сияло солнце, все было ясным и прозрачным, только в сердцах людей было темно. Темно, как ночью среди бурного океана. Я услышал тяжелый гул, и земля под ногами вздрогнула. Снег посыпался с краев окопа, огненные стрелы прорезали небо над нами, и темная колонна дыма поднялась на другой стороне и закрыла солнце; ближе к земле она была желтой, а выше черной. В глазах часового я видел отражение своего ужаса; я метался

в тесном пространстве окопа, не зная куда деваться и что делать. Я озирался вокруг, потеряв способность соображать. Затем я увидел и услышал разрывы за бункером Ченчи: их было много, и они возникли одновременно в одном месте. Наконец я сообразил: это была „Катюша“. Черт возьми, что за орудие! Она дала еще два залпа, и каждый раз я затаивал дыхание»².

Дивизия «Торино» находилась на правом фланге расположения итальянской армии. До 19 декабря на ее секторе было спокойно, хотя слухи о тревожных событиях уже распространились в полках. О том, что произошло в тот день, рассказывает один из солдат этой дивизии: «За несколько дней до 19 декабря русские позиции на той стороне Дона опустели. Впечатление было такое, что фронт отсутствует... На рассвете 19-го мы получили неожиданный приказ отойти немного назад. Пока наша рота построилась в колонну, стало совсем светло. Мы встречаем другие роты, также построенные в колонны. Неожиданно на нас начинают падать артиллерийские снаряды. Обстрел идет с трех сторон, но не из-за Дона, а с тыла. Мы говорим: „Это наша артиллерия взяла неправильный прицел“. Наши офицеры тоже так думают. Но разрывы приближаются, у нас много раненых.

Теперь весь полк собрался вместе в одну огромную толпу. Это было ошибкой — было ясно, что нас обстреливает русская артиллерия и мы окружены. Колонна начинает двигаться, но никто уже ничего не понимает, просто мы бежим назад. Около 10 часов вдруг появляются десять русских танков, огромных, как горы. На них гроздьями висят русские солдаты: они стреляют из автоматов. Все кричат: «Русские, русские!», и начинается разгром... Я бросаю все и бегу. Может быть, кто-нибудь из наших стрелял, но большинство разбегается, стоит страшный хаос. Я попал к артиллеристам из „Коссерии“, которые уже три дня мечутся туда и сюда, все время натываясь на русских. Потом я ухожу от них, стараясь избегать колонны, и двигаюсь в одиночку»³.

Офицеры-фронтвики в своих воспоминаниях возлагают вину за возникшую панику на вышестоящих командиров и штабы. Капитан из дивизии «Равенна», рассказ которого приводит Валори, пишет: «Когда линия обороны была прорвана, никаких приказов сверху не поступало, поэтому каждый отправился по своему усмотрению в тыл.

Почти все отходившие части собрались в деревне Твердохлебовке. Все считали, что здесь будет организована оборона... Однако весьма странным образом был дан приказ продолжать отступление. Несколько офицеров из штаба дивизии соскочили с машины на главной площади, у церкви, и стали кричать, сопровождая свои слова выразительными жестами: „В Смаглаевку! В Смаглаевку!“. Это больше походило на сигнал тревоги и разрушило всю работу по приведению частей в порядок... В наших штабах, во всяком случае в части из них, считали, что отступление было вызвано тем, что солдаты оставили позиции без давления превосходящих сил противника, и это сквозило в скрытых угрозах, которыми были полны речи штабных офицеров»⁴.

Еще более резко высказывается лейтенант Корти из дивизии «Пасубио»: «Русские танки вызвали бегство всех тылов. Мы были еще на передовой, а далеко позади нас уже бежали охваченные невообразимой паникой. Люди висли на бортах грузовиков и, потеряв силы, падали под колеса. Солдаты старались остановить автомашины, преградив дорогу, но машины сбивали их, не сбрасывая газ, потому что лишний груз мог лишить их возможности спастись. Один двадцатилетний шофер из Комо рассказывал мне, что, сбив подряд несколько человек, стоявших на пути, он обнаружил у себя в кабине чью-то оторванную руку...

Штабов больше не существовало. Наш командир корпуса бежал вместе со штабом до начала окружения, затем вернулся к своим войскам и, наконец, когда кольцо стало замыкаться, вновь пытался бежать. Среди нас был офицер, который клялся, что он видел, как генерал бросился вперед с автоматом в руках и пал от пуль русских. Однако через несколько недель, выйдя из окружения, мы увидели, что он не только жив, но и прекрасно себя чувствует. Ясно, что беспорядок в этих условиях достиг апогея»⁵.

О том, что происходило в эти дни в штабе 8-й армии, сообщает Д. Толлон: «Как только появились первые признаки активности на фронте, все стали проявлять нервозность. При известии о первых стычках стали говорить о яростных битвах, напирая на „героизм воинов“... Некоторые даже говорили: „Если бы на нашем месте были румыны“... Когда 16 декабря русские атаковали всерьез,

новость эта разнеслась мгновенно: нервное напряжение возросло, приготовления к бегству ускорились...

17-го числа «Коссерия», «Равенна» и фашистские бригады «23 марта» и «3 января» были разбиты. Беглецы несли в тыл панику, для которой все было уже готово. Офицеры пользовались своим авторитетом главным образом для того, чтобы захватить место в автомашинах. Солдаты начали свой трагический марш по обледенелой степи. Командиры гарнизона останавливали их, выстраивали, а затем садились в автомашины и бежали. Начальник гарнизона Чертково, известный главным образом скупкой икон, бежал первым, сообщив, что город пал. На его несчастье город оставался в руках немцев еще целый месяц...

Штабы отступали беспорядочно. Они не получали и не отдавали приказов. Тем не менее в штабе армии продолжали писать приказы и заносили их в „историческое описание“. Дивизии „Пасубио“, „Торино“, „Сфорцеска“ и „Челере“ так и не получили приказа об отходе, хотя об этом сказано в „историческом дневнике“. Они начали отступление по собственной инициативе. Штабные колонны, как правило, старались держаться поближе к немецким частям, у которых было противотанковое оружие и которые еще продолжали держать в руках своих людей. Итальянские генералы отдавали себя в распоряжение немецких капитанов. Однако их принимали плохо и всячески старались от них отделаться. Во время остановок итальянцам приходилось выставлять часовых, чтобы немцы не бросили их. Через 8—9 дней даже штабные подполковники шли пешком, и, когда они пытались прицепиться к борту немецкого грузовика, их грубо сбрасывали...

Не все генералы и полковники покинули свои войска, не все офицеры сорвали с себя знаки различия. Но это были отдельные случаи. Фактом является то, что из 125 тыс. солдат двух наиболее пострадавших корпусов спаслось 40 тыс., а из 20 генералов уцелело 18, из 50 офицеров штабов корпусов, может быть, погибло пятеро. Диспропорция слишком бросается в глаза, и ее нельзя оправдать характером операции. Это можно объяснить, только допустив, что, отдав приказ о сопротивлении до конца, штабы соединений тут же начинали эвакуацию...

Стыд и горечь охватывают при воспоминании о жизни штаба армии в те дни. Генералы были посланы создавать

заградительные отряды и отбыли из Старобельска с видом великомучеников. Покричав на голодных, безоружных и измученных солдат, они через 24 часа вернулись обратно. Столовая работала, как обычно: велась деятельная подготовка к рождеству с вином и тортами для офицеров. А в это время тысячи итальянцев прибывали в Ворошиловград после многих дней страшных испытаний; при раздаче пищи, которая производилась раз в день, приходилось для наведения порядка прибегать к помощи палок. По вечерам продолжались игры в карты, а в это время многие тысячи итальянцев бродили по степи при 30-градусном морозе, пронизываемые ветром, в поисках теплой избы»⁶.

Передовые итальянские части в решающий момент оказались без горючего. В то же время в Черткове и других тыловых пунктах были сожжены или брошены значительные запасы бензина. Находился бензин и для заправки штабных автомашин. В результате большая часть артиллерии и тяжелого вооружения была брошена в первые же дни отступления, а отходившие части остались без автотранспорта.

«В нашем дивизионе горючего хватило на 10—20 км, — пишет лейтенант Корти. — Уже через несколько километров мы поняли, что это не отступление, а бегство: вдоль всей дороги виднелись брошенные орудия, были раскиданы личные вещи. Чем дальше, тем их становилось все больше. Как только кончался бензин, все это оставлялось на дороге. Недалеко от Медова я встретил первого сумасшедшего — потом их невозможно было считать. Там же к нашей колонне стали примыкать немцы. Разница сразу же бросалась в глаза. Немцы были в белых маскхалатах, на ногах у них — валенки. Их машины имели горючее. Кроме того, у них было много саней, запряженных одной или двумя лошадьми, на которых по очереди ехало по 8—10 солдат. Там же лежали оружие и ранцы. Немцы отступали в порядке... Печальное явление: итальянцы несли потери главным образом из-за беспорядка, потери уверенности в самих себе. Этому способствовала утрата автоматического оружия. Пулеметы были почти все брошены.

Как стало возможным, что никто не воспрепятствовал бегству такой массы людей?.. Хаос приводил к самым ужасным последствиям. Неорганизованная масса двига-

лась стихийно. Очень часто открывали огонь по патрулям, которые по инициативе некоторых офицеров пытались прикрыть фланги колонн. Это ужасно: итальянцы убивают итальянцев! Я понял, мы уже не были армией. Передо мной уже были не солдаты: это были голодные и перепуганные существа, которые подчинялись только одному чувству — инстинкту самосохранения»⁷.

Огромная лавина людей всех родов войск двигалась через степь. «Холодными ночами, — пишет один участник отступления, — многие падали без сил, поднимались и снова падали. Некоторые находили в себе силы продолжать путь, другие, стоя на коленях, умоляли не бросать их, потом, уронив голову, смирились. Солдаты бросают все: пулеметы, винтовки, гранаты. На смену военной форме приходят шапки, телогрейки, валенки, украденные или отнятые у населения. Колонны постепенно тают под ударами советских танков. На остановках разгораются свалки из-за места в доме... Так бредут они от избы к избе, от деревни к деревне, где русское население из жалости или подчиняясь силе дает им поесть и отдохнуть»⁸.

Названия некоторых населенных пунктов навсегда остались в памяти тех, кто пережил отступление итальянской армии. В их воспоминаниях постоянно мелькают Кантемировка, Арбузовка, Чертково, Миллерово. Один солдат альпийского корпуса описывает падение Кантемировки в следующих словах: «Русские танки ворвались в город совершенно неожиданно. Они вызвали такой беспорядок и панику, что невозможно вообразить. Кто бежит в одну сторону, кто в другую. Грузовики сшибали людей. Настоящий конец света! Когда я спросил какого-то офицера, где находится военный трибунал, он ответил: „Ты что, с луны свалился?“. Я понял, что в Кантемировке остались лишь люди, объятые невероятной паникой»⁹. Буквально через несколько часов после появления танков город опустел. Итальянские войска бежали, бросив склады, вооружение, боеприпасы. Не было сделано даже попыток эвакуировать находившихся там раненых.

Если Кантемировка стала символом панического отступления, то Арбузовка, где была окружена наиболее крупная группа итало-немецких войск, получила наименование «долины смерти». Расположенное в низине селение было со всех сторон окружено советскими войсками 22 декабря. Здесь находились части дивизий «Равенны»,

«Торино», «Пасубио», бригад чернорубашечников и остатки 298-й немецкой дивизии.

Чернорубашечник Дотти следующим образом описывает события, развернувшиеся в Арбузовке: «Гроздья снарядов обрушивались на село, на мои позиции и на балку, где стояла колонна беглецов. Особенно доставалось нашим позициям и колонне, которая укрывалась в балке. Там происходили ужасные сцены. На этих людей, силы которых уже были на пределе, обрушился огненный смерч. Некоторые из них изрыгали проклятья, другие молились, многие сходили с ума. Один безумец прибежал к нам в окоп, крича, что он прилетел на самолете, чтобы выручить нас. Потом он направился в село, чтобы сообщить эту радостную новость.

Один из моих солдат сказал, что ему интересно, неужели на том свете так же страшно. Он отошел на несколько шагов и застрелился. Некоторые высказывали из балки и бежали в степь. Мы видели черные точки, которые показывались на склоне и устремлялись вдаль. Куда бежали эти отчаявшиеся люди?»¹⁰.

Для блокады Чертково Советское командование оставило незначительные силы. В городе находилось около 4 тыс. гитлеровцев и почти вдвое больше итальянцев. Гитлеровцы захватили склады итальянской армии, покинутые интендантскими чиновниками, и распоряжались ими по своему усмотрению. Так, немецкий комендант объявил, что будет выдавать паек только тем итальянцам, которые запишутся в создаваемые добровольческие «центурии». Из почти восьми тысяч итальянцев удалось записать в «центурии» не более трехсот или четырехсот человек, причем некоторые записывались для получения пайка сразу в две «центурии», ни в одной из них не собираясь воевать. «Полковник Маттиотти, — вспоминает Корти, — взобравшись на телегу, говорил речь, обращаясь к тем, кто его окружал. Подчиняясь желанию объяснить самому себе тяжелое положение, в которое мы попали, наш старый полковник совсем потерял чувство реальности. Он говорил о благородных чувствах, о доблести, о любви к родине. Слова эти звучали так неуместно, что мы только усмехались»¹¹.

Еще меньше желания сражаться проявили итальянские солдаты в Миллерово, к которому советские войска вышли в конце декабрьского наступления.

О том, что там произошло, рассказывает капитан Луони: «На заре 16 января русские перешли в наступление, но наш огонь заставил их остановиться. Вдруг командир роты увидел на горизонте, далеко от города, колонны немцев, которые, не предупредив итальянскую часть, оставили Миллерово... Захватив с собой только самое необходимое, рота устремилась вслед за немцами и догнала их через несколько часов форсированного марша. Расчет немцев был ясен: покинутые итальянцы должны были ожесточенным сопротивлением сдерживать русских, прикрывая тем самым их отход...»¹².

Так выглядели последние всплески битвы на Среднем Дону.

В то время как остатки разбитых итальянских дивизий направлялись в тыл, в штабе 8-й армии царил полная растерянность. «Когда в семье дела идут плохо, то первая забота хозяина — это сохранить происходящее в тайне от слуг. Точно так же, — пишет Д. Толлои, — немецкое командование в начале января старалось выглядеть спокойным... Это спокойствие маскировало и неуверенность, и беспомощность перед лицом ряда непредвиденных катастроф... С конца декабря по 15 января немецкая армия ждала, что будут делать русские. Штаб 8-й армии дополнял неуверенность и бездеятельность немцев своей неуверенностью и бездеятельностью»¹³.

Состояние неопределенности в штабе итальянской армии длилось до момента, когда советское командование обрушило в январе новый удар на Дону, сокрушив 24-й немецкий корпус, венгерскую армию и окружив оставшиеся на Дону дивизии итальянского альпийского корпуса. Первым, кто подвергся удару, был штаб альпийского корпуса, расположенный в Россоши. Вот как описывает появление советских танков один из свидетелей: «15 января. В Россоши едва начал брезжить рассвет. Повсюду тишина. Только кое-где у белых стен домов виднеются тени карабинерских патрулей. Радисты дремали на командных пунктах, освещенных коптилками. Накануне они приняли из штабов дивизий „Тридинтина“ и „Кунезензе“, находившихся в 15 км от Дона, успокоительные сообщения: „Новости: НН“ (новостей нет). Правда, было известно, что слева, около Острогорска, венгры сдерживают довольно сильные атаки русских, но в целом все было спокойно. Вдруг часовые, закутанные в тулупы, за-

таили дыхание. Откуда-то из-за домов, покрытых снегом, стали доноситься странные звуки. Это было похоже на далекие рыдания, сопровождаемые глухими ударами и скрежетом металла. Как будто кто-то развлекался, поднимая и бросая цепь от колодца. Потом у крайней избы показалась грозная тень. Сразу же за ней — вторая. Потом — еще и еще. Это было невероятно, но сомнений быть не могло: русские танки».

Неожиданное появление танков заставило штаб альпийского корпуса поспешно покинуть Россосшь. Приказ дивизиям об отступлении был передан с задержкой: он определял направление отхода на Валуйки. Однако вскоре из штаба армии прибыл контрприказ: всем дивизиям отходить на Николаевку. Но об этом узнал только штаб дивизии «Тридентина». Между тем большая часть альпийского корпуса, не получив указания об изменении маршрута, направилась к Валуйкам, где встретила сильные заслоны советских войск.

Начав отступление, альпийцы свои первые потери понесли не от советских войск, а от беспорядка, который сопровождал начало марша. О том, что творилось в Подгорном, где сходились пути отступления, рассказывает командир полка дивизии «Винченца»: «16-го утром в Подгорном царил хаос. Пожары. Грабежи. Беспорядочное и лихорадочное движение автомашин... Отсутствие продуктов, невероятная усталость вызывают тревожные вопросы: „Куда мы идем? Сколько еще нам осталось шагать? Выдержим ли мы?..“

Понемногу ручейки частей, отходящих с фронта, сливаются в одну реку, образуя огромную колонну: это увеличивает опасность и затрудняет марш. Колонны саней, которые стали врагом пехотинца, мешающего рыхлый снег, вызывают проклятья. Перегруженные людьми и материалами, они сгибают с ног тех, кто не уступает им дороги. Сколько стычек, сколько яростных схваток, чтобы заставить слабого уступить! Все лихорадочно спешат, стараются уйти от опасности»¹⁴.

В тот же день в Подгорное прибыла часть, в которой служил лейтенант Ревелли: «Вхожу в ригу. Зрелище весьма печальное: почти две сотни альпийцев лежат на зерне вокруг костров. Половина из них мертвецки пьяна, менее пьяные кричат и шумят, приказов никто слушать не хочет и всем на все наплевать. Некоторые ничего не по-

нимают и чувствуют себя счастливыми. Другие потеряли всякую надежду спасти шкуру; они уже смирились с этим и думают о своих домах и близких. Большинство поняло, что это прелюдия катастрофы, начало неизбежного побоища: так лучше начать его пьяными»¹⁵.

Рассказы солдат дивизии «Кунезе», собранные в книгу Ревелли, очень сходны между собой, и повторение одних и тех же фактов, совпадение ощущений и впечатлений, придают этим рассказам особую убедительность. Слух о том, что корпус находится в окружении, разнесся по всем батальонам, хотя офицеры и старались это скрыть. Внезапный и поспешный отход ночью с оборудованных позиций подтвердил тревожные известия. В ближайших селах альпийцы находили продовольственные склады, оставленные без охраны. Многие, перепившись, остались лежать на снегу, а другие продолжали путь, нагружившись съестными припасами.

Первые дни подразделения еще продолжали сохранять единство, хотя штабы соединений уже потеряли возможность управлять их движением. Постепенно дисциплина в подразделениях падала, части перемешивались между собой. «Многие „отбившиеся“ случайно отстали от своих частей, другие покинули их, чтобы не сражаться. Между частями, сохранившими свое единство, и „отбившимися“ сразу же установилась атмосфера взаимной вражды. Никогда „отбившиеся“ не участвовали в боях без принуждения: у них была одна программа — спасти свою шкуру. Они меньше страдали в бою, но их подстерегала другая опасность: если „отбившийся“ упадет, никто его не поднимет, и у него нет ни малейшего шанса на спасение. Он может спокойно умирать, глядя на тысячи солдат, которые шагают мимо. Животный эгоизм господствовал безраздельно. Мимо могут проехать полупустые сани, но никто не подумает посадить раненого или обмороженного, чтобы не утомлять лошадей...

Кадровых частей в прямом смысле слова не существовало. Это не был полк или рота, а группа, которая сохранила своего командира, несколько заржавевших пулеметов или автоматов или несколько саней со своими ранеными. Так выглядела наша рота и все другие части и подразделения»¹⁶.

Как только колонны входили в деревню, солдаты устремлялись в избы в поисках пищи и теплых вещей.

«Наступал час грабежа», — пишет Ревелли. «Мы шли днем и ночью, — вспоминает солдат Кастеллино из батальона „Мондови“. — Мы заходили в избы для того, чтобы найти поесть. Какой-нибудь старичок или старушка пятится в угол, повторяя: „Нет, нет“. Мы сразу начинаем искать в печке, хватаем горсть огурцов и поспешно выбегаем наружу. Однажды я увидел в избе двух козлят, сосавших козу. Я схватил одного и убил. Старик со старухой плачут, как дети. Я убегаю и ем козленка сырым, потому что, если он замерзнет, его не угрызешь»¹⁷.

Колонны отступающих движутся все дальше, устилая свой путь мертвыми и ранеными, сея разрушение и смерть. «Солнце на безоблачном небе сияет и согревает наши окоченевшие члены, и мы все идем вперед, — пишет сержант Ригони. — Какое сегодня число? И где мы находимся? Дат и названий больше не существует. Существует только мы. Проходя по деревне, мы видим трупы у входа в избы. Это женщины и дети. Может быть, их застали во время сна, потому что все они в рубашках. Обнаженные руки и ноги белее снега. Они напоминают лепестки лилий на алтаре. Одна женщина лежит на снегу, совсем обнаженная, а около нее снег розовый. Я не хочу смотреть на это, но трупы все равно стоят у меня перед глазами, даже когда я отворачиваюсь. У одной женщины лицо покрыто белым платком. Зачем это? И кто это сделал? Мы продолжаем шагать»¹⁸. Жестокость оккупантов во время отступления, когда шла свирепая борьба за существование, достигала невиданных ранее размеров. Советские люди отвечали усилением партизанской борьбы. «У отступавших было три противника — танки, партизаны и холод», — говорится в отчете итальянского генерального штаба. В эти дни слово «партизан», которое для многих итальянских солдат звучало как отдаленная угроза, существующая в рассказах других, воплотилось в подростков и седобородых стариков, бесстрашно вступавших в бой с превосходящими силами. Многие итальянцы, попавшие во время отступления в плен, были захвачены небольшими группами советских патриотов.

В эти же дни итальянские солдаты оценили чувство справедливости и милосердия русского человека. Когда итальянский солдат из захватчика и насильника превращался в безоружного путника, бредущего из последних сил, на его пути встречалась «русская бабушка», готовая

дать ему приют и поделиться куском хлеба. Упоминание о «русской бабушке» имеется почти во всех воспоминаниях итальянских солдат и офицеров. «Эти живые и подвижные старушки, так похожие на старушек из Фриули или Вальтеллины, — пишет Корти, — хорошо относились к „солдатам с перьями на голове“. Казалось невозможным, что они были матерями, сестрами, тещами или женами тех неумолимых партизан, которые то появлялись, то исчезали вдоль дорог, как призраки, несмотря на груз боеприпасов, который они несли на себе. Но это было именно так»¹⁹.

Корти рассказывает об эпизоде, который перекликается со многими подобными историями, широко распространенными среди итальянских солдат. Передаваемые из уст в уста, они постепенно приобретали черты библейских сказаний, столь близких ревностным католикам, каким был Корти. «В Никитовке, в то время как „оставшие“, отогревшись под солнцем, с быстротой молнии уничтожали запасы продуктов, два более предприимчивых итальянца направились к избе, находившейся на некотором удалении от села. Они вошли в дом. Там была маленькая сморщенная старушка в платке, завязанном узлом под подбородком. Они грубо потребовали есть и пить. Старушка жестами показала, что у нее ничего нет, даже хлеба. Обозлившись, солдаты стали более агрессивными. Один из них дал старушке две пощечины, повторяя: „Есть, пить“. Старушка посмотрела на него долгим и твердым взглядом и молча вытащила миску, в которой были намешаны черный хлеб и овес. Солдаты набросились на эту похлебку.

В этот момент им показалось, что кто-то открыл за их спиной дверь. Они обернулись и почувствовали, как по их спинам пробежал холод ужаса: в проеме двери неподвижно стояли три партизана. У двоих были винтовки, а третий, старший по возрасту, держал в руках ППШ. Некоторое время в избе царил мертвая тишина. Затем старушка, не повышая голоса, сказала что-то. Партизаны, поколебавшись, вошли и закрыли дверь. Солдаты с ложками в руках смотрели друг на друга, как бы желая убедиться, что они еще живы. Женщина жестом указала, чтобы они продолжали есть. Когда миски были пусты, она спокойно открыла дверь. Затем, также молча, она дала каждому из солдат по две пощечины: они были точ-

ными и достаточно сильными. Затем показала на запад, где равнина начинала в сумерках синеть, и сказала только одно слово: „Тикай“»²⁰.

Колонны альпийских дивизий двигались на Валуйки, надеясь догнать «Тридинтину», с которой отступал командир корпуса. Они шли по следам прошедших боев. «Вновь ужасное зрелище: по бокам дороги видны трупы, изуродованные самым страшным и невероятным образом, который я когда-либо видел. Венгерские, немецкие и итальянские солдаты без голов, без ног, сломанные пополам, с половиной лица, превращенные в кровавые лепешки, из которых торчали кости, неопиcуемые кучи тряпья. Зрелище, которое невозможно описать. Бог мой! Как это страшно! Здесь прошла танковая колонна. Особенно сильное впечатление производят туловища без головы. Мы идем по дороге, проделанной среди трупов, и постепенно приближаемся к этому зрелищу»²¹.

Не менее трагическую картину представляла собой колонна дивизии «Тридинтина», направлявшаяся к Николаевке: «Моя дивизия, — вспоминал лейтенант Ричарди, — отступала от Опита до Николаевки, выдержав за это время семь боев. Наша колонна двигалась во главе с генералом Наши, но в действительности командовал всем немецкий генерал, имени которого я не помню. С нами была колонна танков Фишера и части эсэсовцев. Сколько преступлений было совершено немцами за эти дни! Зачем было поджигать избы, в которых мы ночевали? Зачем было опрокидывать на землю мешки с зерном? Но все это были мелочи по сравнению со зверствами по отношению к населению и пленным. В Ровенках мои ребята взяли в плен около 100 русских: у нас их отобрали немцы, сказав, что они поведут их с собой. Однако через некоторое время мы наткнулись на трупы этих русских: они были расстреляны. В то время как я допрашивал одного пленного, сзади подошел немецкий офицер и выстрелил ему в затылок. У нас был приказ применять такие же жестокости к русским. В приказе буквально говорилось, что следует убивать все мужское население, считая их партизанами, и при малейшем подозрении поступать так же с женщинами»²².

«За пять дней марша, — пишет Д. Фуско, — к колонне „Тридинтины“ присоединилось пять или шесть тысяч безоружных и отчаявшихся людей, которые не шевель-

нули бы пальцем, чтобы помочь головному отряду пробиться через заградительные отряды русских, но были готовы убить друг друга ножом, палкой или зубами из-за полбуханки твердого, как камень, хлеба, куска одеяла или нескольких сантиметров пола в углу избы. Это были итальянцы, венгры, пруссаки, австрийцы, баварцы, бежавшие в одиночку или группами из русских «котлов», был даже отряд „донских казаков“ и сотня румын, очутившихся за 350 км от расположения своих войск...

Колонна генерала Наши разбухала на глазах, как река в половодье. Марш людей утяжеляли санки, телеги, самодельные волокуши, которые тащили за веревки, как это делали в доисторические времена племена кочевников. В снеговых вихрях среди людей мелькали силуэты лошадей, превратившихся в скелеты мулов и медлительных волов, украденных у крестьян. Они шли вперед, опустив голову, обессиленные от голода и усталости. Время от времени они падали на снег. Последняя дрожь сотрясала их иссохшую кожу. На них сразу же набрасывались люди, громко споря на всех языках и вступая в драку из-за наиболее съедобных кусков. Стаи жирных воронов сопровождали колонну с первых дней...

Каждый день, особенно с наступлением темноты, многие солдаты сходили с ума. Больше всего их было в колонне „отбившихся“... Эти призраки вынашивали свое безумие в тишине. Глаза их постепенно потухали, взгляд останавливался, теряя то выражение тоски и страха, которое служило признаком привязанности к жизни. Одеревяневшие ноги еще продолжали механически двигаться. Затем пружина лопалась. Червяк, точивший их мозг, заканчивал свою работу. Некоторые с ревом набрасывались на товарищей, стараясь схватить их за горло скрюченными пальцами. Они превращались в животных, и с ними обращались, как с животными. Кто-нибудь из друзей, в последнем проблеске человечности, пытался образумить безумного, называя его по имени. Но эти несчастные уж слишком далеко зашли, для того чтобы услышать призыв. Испуганные криками и яростной реакцией тех, на кого они нападали, они становились еще более агрессивными. Они начинали колотить ногами и руками направо и налево.

Другие, не говоря ни слова, покидали колонну, пристально глядя на снег. Они останавливались на мгно-

венье, оглядывали бесконечную процессию, затем валились на обочину. Казалось, их покидала душа. Они застывали в странной позе, полусидя, полулежа, сливаясь с белой смертью. У них не было больше воспоминаний. Надежда становилась для них обузой. Кто-то призывал их следовать дальше, встряхивал, тащил за собой. Усталым жестом они отрицательно качали головой. Из-под красных тяжелых век их последний взгляд был уже тусклым и невидящим, как у мертвеца»²³.

Окончательно рвались связи, которые объединяли солдат в взводы, роты и батальоны. Распадались группы, образовавшиеся из наиболее выносливых и предприимчивых. Наступало время, когда каждый начинал бороться за жизнь в одиночку. «Это было 26 января 1943 г., — пишет Ригони — ...Было еще темно, но в деревне стоял шум. Раненые стонали на снегу и в избах. Я теперь ни о чем не думал; даже о родном доме. Я был, как камень в горном потоке, и, как камень, двигался вместе с водой. Я не стремился найти товарищей и даже не очень торопился. Как камень в горном потоке! Ничто меня не трогало и не волновало... Мои ботинки развалились, и я скрепил их проволокой и обрывками тряпок. Кожа на ногах потрескалась и образовались открытые раны. Колени болели и при каждом шаге похрустывали. У меня дизентерия. Я шел вперед, не говоря ни с кем ни слова»²⁴.

Солдат Паттольо участвовал под Валуйками в последнем бое «Кунезнзе», после которого сопротивление дивизии прекратилось, а ее командир с остатками штаба сдался в плен. «20 января, — рассказывает Паттольо, — в три часа утра, когда было еще темно, наша колонна приблизилась к Валуйкам. Мы остановились. Генерал послал вперед группу разведчиков. Они возвратились и сказали, что деревня занята русскими. Тогда генерал обратился к тем, кто находился около него. Он сказал: „Италия на западе. Кто еще в силах, пусть продолжает марш. Я вел вас к Валуйкам, потому что там проходит железная дорога. Но Валуйки в руках у русских. Теперь я не знаю, что с нами будет. Кто может, пусть идет на запад“.

Мы все перемешаны, солдаты и офицеры. Генерал Баттисти не знает, что делать. Он даже не приказывает нам двигаться к деревне. Наша группа идет к избам. Я захожу в первую из них, валюсь с ног и засыпаю. Когда я просыпаюсь, около моей избы идет бой. У меня об-

морожены ноги. Я беру пару валенок у русской женщины, надеваю их и иду из деревни. Встречаю артиллериста с мулом, на котором нагружена форма сыра, галеты и много пачек сигарет. „Мы уже в плену, — говорю я артиллеристу, — снимай мешки и поедим чего-нибудь, прежде чем поднять руки“. Сидя на небольшом холме, мы едим до тех пор, пока наши животы не вздуваются. В долине под нами мы видим тысячи итальянских и немецких солдат. Итальянцев больше. Русские их обезоруживают, выстраивают в колонну. Мы рассуждаем о том, что делать. Выбора у нас нет, продолжать путь невозможно. Мы спускаемся вниз и сдаемся в плен»²⁵.

Колонна дивизии «Тридентина» сохранила во время отступления наибольшую боеспособность. Кроме того, она двигалась в стороне от заслонов советских частей. 26 января батальоны дивизии вместе с отступавшими с ними немецкими частями прорвали кольцо окружения у Николаевки. Через этот проход, пишет Фуско, «из окружения вышло 40 тыс. оборванцев, которые еще две или три недели назад были солдатами, унтер-офицерами и офицерами союзных армий».

О том, как протекал бой, Фуско пишет следующее: «Батальонам, которые разворачивались для боя, приходилось сталкиваться с трудностями, подобными тем, какие испытывают путешественники в африканских джунглях. Альпийцам приходилось пробиваться через строй „отставших“, пассивных, как стволы деревьев, пинками и прикладами. Для того чтобы прорваться через этот человеческий лес, надо было иногда стрелять. К сожалению, не только в воздух. „Отставшие“, как зрители огромного стадиона, присутствовали при смертельной схватке, которая завязалась в низине. Неожиданно в уже смеркающемся небе показалось несколько советских пикирующих бомбардировщиков. Они обрушили на „зрителей“ осколочные бомбы. Волны панически бегущих смяли тех, кто находился ниже. Было похоже, что землетрясение сбросило вниз эти бесконечные толпы».

В первых числах февраля солдаты и офицеры альпийского корпуса, вышедшие из окружения, собрались в Шебекине. Из дивизии «Тридентина» уцелело 6500 человек, из дивизии «Юлия» — 3300, из дивизии «Кунензе» — 1600 и 1300 из «Винченцы». Общие потери альпийского корпуса убитыми, пропавшими без вести,

ранеными и обмороженными составили 43 580 человек, или 80% его состава ²⁶.

Вместе с солдатами дивизий, подвергшихся разгрому в декабре, альпийцы направились в район Нежина, а затем в Гомель. Немецкое командование отказалось снабжать союзников продуктами и не предоставило им транспорта. Колонны итальянских солдат направились пешком из Украины в Белоруссию, отмеряя новые сотни километров. Для того чтобы прокормиться, они обменивали у населения на продукты все, что у них еще оставалось или что им удавалось раздобыть: одеяла, одежду, оружие, боеприпасы. Когда этого не удавалось сделать, просили милостыню.

Многие садились на первые попавшиеся поезда и уезжали куда глаза глядят: несколько тысяч дезертиров позднее были обнаружены в Румынии, Польше и даже Италии. Офицеров никто не слушал. Одежда большинства наполовину состояла из лохмотьев. Ноги были обмотаны тряпками. «Видя нас в таком виде, — пишет Ревелли, — похожих на нищих, без оружия, русские крестьяне говорили: „Итальянцы капут!“».

ВОЗВРАЩЕНИЕ

«Я бережно храню три русских автомата. Недавно их чистил. Я верю, что они скоро будут стрелять по немцам».

(Из дневника Нуго Ревелли).

В Италии мало кто знал о том, что происходит под Сталинградом и на Дону. Гитлеровцы, как всегда, старались скрыть от итальянцев свои неудачи. «Гитлер хочет закончить битву за Сталинград, — говорил Геринг Муссолини в конце октября 1942 года. — Это, видимо, произойдет в ближайшие восемь дней, поскольку уже сейчас $\frac{8}{10}$ города находится в руках немцев... Тогда в этом районе прекратятся бои на Волге»¹.

Газеты продолжали писать об успехах «непобедимой немецкой армии» и «героизме итальянских легионеров». Недельная сводка разведывательного отдела Генерального штаба с 16 по 23 декабря 1942 г. гласила: «В положении на фронте, удерживаемом итальянской армией, не произошло существенных изменений. Вследствие этого графическое изображение линии фронта опускается»².

Письма с фронта продолжали приходить еще в течение нескольких месяцев после того, как их авторов уже давно не было в живых. Лишь небольшая группа лиц из окружения Муссолини знала более или менее точно о том, как на самом деле обстояли дела. «Ужасное рождество 1942 года, — записал в своем дневнике итальянский посол в Берлине Д. Альфьери. — Драма в России не оставила никаких сомнений в неизбежности поражения и того, что это будет означать для Италии». Через несколько дней он отмечал: «Начало разгрома райха носит название „Сталинград“».

Чиано, который с самого начала войны против Советского Союза проявлял скептицизм, осенью 1942 года на-

чал заносить в дневник отрывки из донесений турецкого посла в Советском Союзе Зорлу, которые перехватывала итальянская военная разведка. Он отмечал, что, по словам турецкого дипломата, несмотря на тяжесть войны, не наблюдается никаких признаков ослабления «внутреннего фронта» и Россия продолжает оставаться сильной. По мнению дипломатического корпуса, писал Зорлу, акции «оси» падают. Единственно, на что жаловались иностранные дипломаты, находившиеся в то время в Куйбышеве, это на недостаток развлечений, которые они компенсировали усиленным пьянством³.

Несмотря на то что Муссолини все еще продолжал верить в мощь немецкой армии, он раньше своего партнера по «оси» отметил поворот в ходе событий на Востоке и пришел к определенным заключениям, тем более что Сталинградская битва совпала по времени с поражением войск «оси» в Северной Африке.

Поскольку Муссолини считал, что непосредственная опасность Италии угрожает с юга, он попытался склонить Гитлера к сепаратному миру с Советским Союзом, что дало бы возможность сконцентрировать усилия фашистского блока на Средиземном море и на Западе. Впервые он заговорил об этом в ноябре 1942 года, во время беседы с немецким военным атташе Рентиленом. Когда в начале декабря в Рим приехал Геринг, Муссолини возвратился к этой теме. В записи, сделанной самим Муссолини, говорилось: «Дуче выражает мнение, что тяжелая война против России должна быть теперь так или иначе окончена. Если бы сейчас было возможным добиться второго Брест-Литовска, а это можно было бы сделать, предоставив территориальные компенсации России в Центральной Азии, то нужно было бы создать оборонительную линию, которая парализовала бы всякую инициативу противника, отвлекая минимальные силы осей»⁴.

Для того чтобы убедить Гитлера в необходимости подобной попытки, Муссолини стал настаивать на личной встрече с ним. Однако Гитлер не спешил. Он понимал, что поражение под Сталинградом ставит его в невыгодное положение, и ждал улучшения обстановки. Все же 6 декабря 1942 г. немецкий посол в Риме передал Муссолини приглашение с указанием, что встреча произойдет в Клесхейме. 15 декабря, в разгар приготовлений, из Берлина прибыла новая телеграмма: Гитлер сообщал, что

положение на фронтах не позволяет ему отлучаться из ставки, и предлагал вместо запланированной встречи прислать к нему в Восточную Пруссию Чиано и Каваллери. Гитлер не сообщал о повестке дня, а указывал только, что «переговоры будут очень важными и закончатся в несколько дней».

Это означало, что Гитлер стремился избежать обсуждения общеполитических вопросов. В предыдущие дни он несколько раз высказывал в адрес итальянцев самые не лестные оценки. «С итальянцами мы никогда не добьемся успеха», — говорил он. Теперь он хотел изучить способность Италии к сопротивлению. Для этого ему вполне достаточно было видеть министра иностранных дел и начальника генерального штаба. Не имея выбора, Муссолини согласился.

Через день после получения телеграммы поезд с Чиано, Каваллери и немецким послом в Риме Макензеном уже катил на север. О настроении, царившем во время путешествия, пишет барон Ланца, присоединившийся к свите Чиано в Берлине: «Шикарный состав: Чиано, Макензен и Каваллери имеют по отдельному вагону... Во время остановок в одно мгновение устанавливается связь с Римом. Но Риму нечего нам сказать, ...не думаю, чтобы и у министра были какие-либо важные соображения для передачи в Рим. Его блестящие и развлекательные эскапады поразительно пусты и однообразны. Любимая тема — немцы. Он забавляется тем, что говорит про них всякие гадости. Макензен, видимо, привык к этому и с молчаливым достоинством игнорирует более чем прозрачные намеки. Каваллери не показывается. Чиано, когда упоминает о нем, говорит: „Этот коротконогий дурак“. Дурак один, дурак другой. Немцы — идиоты, немцы — кретины и так далее... Под звуки подобных фраз наш поезд медленно двигался к цели путешествия»⁵.

Чиано не знал повестки дня предстоящих переговоров. Со своей стороны, он имел лишь одну ясную директиву: изложить Гитлеру предложения Муссолини о сепаратном мире с Советским Союзом. В краткой записи инструкции Муссолини выглядели следующим образом: «Если мы не хотим войны на два фронта, то необходим, если возможно, Брест-Литовск. Если это невозможно, то по крайней мере — стабилизация Восточного фронта. Отвод наиболее боеспособных соединений оси. Война с Россией бес-

цельна. Посмотреть, нет ли возможности добиться вступления Японии»⁶.

В то время как комфортабельный поезд Чиано пересекал Германию, две трети итальянской армии на Дону уже были разбиты и солдаты начали свой марш по заснеженной равнине. Ни Чиано, ни начальник генерального штаба ничего об этом не знали. Но ставка Гитлера была хорошо информирована и посланцам Муссолини оказали такой прием, который заставил Чиано не только оставить свой легкомысленный тон, но и забыть о важности миссии, с которой он прибыл. Вот как рассказывает об этом маркиз Ланца: «Чиано сразу же направился к Гитлеру, а мы стали налаживать связь с Римом. Когда мы присоединились к свите Чиано в небольшом деревянном домике фюрера, то все они выглядели страшно возбужденными и растерянными. Их буквально атаковали немцы, которые были в ярости от положения на Восточном фронте. Они обвиняют наши дивизии в том, что те бежали сегодня ночью, поставив под угрозу войска под Сталинградом. Мы сразу поняли, почему Риббентроп и его окружение встретили нас так мрачно. Чиано вернулся к нам только через несколько часов. „Положение очень серьезно“, — сказал он. Сам фюрер просил его позвонить Муссолини, с тем чтобы тот обратился к итальянским войскам с торжественным призывом прекратить отступление». Атмосфера была такая, что казалось нас с минуты на минуту отправят в военный трибунал, заключает Ланца⁷.

Хотя прием в ставке и озадачил Чиано, но он не сразу уяснил себе серьезность положения. Вечером он записал в свой дневник: «Атмосфера тяжелая. Может быть, к плохим новостям добавляется тоска от этого мокрого леса и скука от жизни в бараках. Запах кухни, военной униформы, сапог. Когда я прибыл, то ни от меня, ни от моих спутников не скрывали беспокойства в связи с сообщениями с русского фронта. При этом вину за случившееся открыто приписывали нам... Хевел, который очень близок к Гитлеру, имел с моим сотрудником Панса следующий разговор:

Панса: У нашей армии большие потери?

Хевел: Совсем наоборот. Она просто бежит.

Панса: Как вы в прошлом году бежали под Москвой?

Хевел: Вот именно»⁸.

В подобной атмосфере Чиано трудно было надеяться на то, что предложения Муссолини встретят понимание. Действительно, когда ему, наконец, предоставилась возможность изложить план «политического урегулирования вопроса с Россией», Гитлер ясно дал понять, что он считает его совершенно нереальным и беспочвенным. Он лишь хотел, чтобы итальянцы прекратили отступление. На следующий день Гитлер послал к Чиано Риббентропа, который заявил об этом достаточно ясно.

В своем отчете в Рим Чиано сообщал об этих беседах: «Касаясь нашего сектора на русском фронте, Риббентроп попросил меня добиться личного вмешательства Муссолини, с тем чтобы убедить итальянские войска сражаться и умереть на месте. В интересах истины должен сказать, что он это делал в весьма умеренных тонах и, насколько это возможно, тактично. Но я не могу скрывать, что Риббентроп несколько раз подчеркивал серьезность положения на итальянском секторе: некоторые соединения, говорил он, сражались весьма доблестно, в то время как другие „отступали слишком быстро”»⁹.

Переговоры в ставке Гитлера окончились 20 декабря. На протяжении Гитлер подчеркнул, что «вопрос о заключении мира с Россией еще не созрел для обсуждения». Обе стороны расстались, крайне недовольные друг другом. Гитлер нашел в поведении Чиано подтверждение своих подозрений о недостаточной воле итальянцев к продолжению войны. Со своей стороны, Чиано был обижен невниманием к предложениям Муссолини и обвинениями в адрес итальянской армии.

Если Чиано воспринимал неудачи итальянской армии с несколько отвлеченным чувством, то начальника генерального штаба Каваллеро они касались лично. Узнав от немцев о кризисе, он немедленно позвонил генералу Гарибольди. «Гарибольди говорит, что дела идут плохо. Подразделения отошли на 40 км. Резервов нет. Войска вели себя хорошо. Вечером узнаю, что положение 8-й армии очень тяжелое»¹⁰.

На следующий день, 20 декабря, в своем обычном телеграфном стиле Каваллеро записал в дневник: «Прорыв между Харьковом и Кантемировкой. Резервы, которые должны закрыть брешь, придут из Франции. Здесь стараются приписать вину Гарибольди. Это нечто вроде заранее подготовленного маневра, чтобы его обвинить.

А надо вину отнести за счет их распоряжений». В этой записи Каваллеро полностью раскрывает самого себя: прийти в голову, что немцы предприняли отступление для того, чтобы бросить тень на итальянского генерала, могло только человеку, рассматривающему все события с точки зрения хитрых дипломатических интриг. Еще не получив точных сведений о том, что произошло на самом деле, он уже подготовил программу действий: отвечать на обвинения обвинениями, валить все на немцев.

Эту программу он конкретизирует в последующей записи, сделанной при возвращении в Рим: «Неопровержимо ясно, что вина за случившееся в России абсолютно не касается Гарибольди, а целиком лежит на немецком командовании. Хотя наступление русских предвиделось, оно не подготовило ни тактических, ни стратегических резервов. На протяжении шести дней яростного сражения, которое вели наши войска, не прибыло никаких сколько-нибудь значительных подкреплений, как это было обещано. Кроме того, это результат превосходства русских сил и использования ими новых средств, таких как ракеты».

Аргументы для оправдания командования 8-й армии, сформулированные Каваллеро, послужили основой для официальной версии, которую Муссолини изложил своим министрам на заседании правительства 23 января. Начав с того, что «положение германской армии является очень серьезным» не только в связи с потерей под Сталинградом целой армии, но «главным образом потому, что русское командование твердо взяло в свои руки инициативу в ведении операций и немецкое командование не в силах ничего изменить», Муссолини объяснил превосходство русского командования «новой тактикой», которая заключается, в частности, в массовом использовании танков.

«Итальянский фронт, — продолжал Муссолини, — также был смят, несмотря на упорное сопротивление наших частей. Важная причина прорыва заключалась в слишком большой протяженности фронта, который установило немецкое командование для наших частей. Наши дивизии двухполкового состава обороняли в среднем по 30 км каждая. Но решающей причиной был отход немецких дивизий на наших флангах, и это позволило русским окружить наши позиции. После прорыва фронта наша

армия была смята и мы понесли серьезнейшие потери как в людском составе, так и в технике. Менее крепкие дивизии целиком развалились и оставили противнику 700 орудий и 6 тыс. автомашин. Три альпийские дивизии сумели сохранить единство; они прорвали окружение ценой значительных потерь»¹¹.

В конце января в итальянском генеральном штабе уже достаточно хорошо представляли себе масштабы катастрофы, постигшей армию Гарибольди. 25 января офицер связи министерства иностранных дел при генеральном штабе доносил Чиано: «Восьмая армия в последних боях практически разбита. Можно предполагать „в общих чертах“, что удалось спасти 50% людского состава; вооружение и склады со снабжением в своем большинстве потеряны. Немецкое командование предложило, чтобы уцелевшие люди были направлены в глубокий тыл (800 км пешком) для реорганизации, в то время как части, которые еще в состоянии сражаться, должны остаться на фронте под немецким командованием. По этому вопросу с немцами сейчас ведутся переговоры. Мы отвергли эти требования, и от имени дуче было сказано (с тем, чтобы это передали фюреру), что генерал Гарибольди несет ответственность за свои войска перед дуче и, следовательно, их нельзя изымать из-под его командования; кроме того, предложение отвести войска в тыл может быть принято только в случае, если они будут переброшены по железной дороге. Все это я узнал благодаря личным связям и строго доверительно...»¹².

Вскоре после этого итальянский военный атташе в Берлине, через которого осуществлялась связь между двумя генеральными штабами, получил от Муссолини телеграмму следующего содержания: «Гарибольди сообщает мне, что его войска должны будут двигаться пешком. Его телеграмма кончается следующими драматическими словами: „Мы усеем путь истощенными солдатами, которые будут служить свидетельством того, как с нами обращались“. Я прошу вас сделать от моего имени официальное представление фельдмаршалу Кейтелю, чтобы добиться обещанного уже много раз. Столь же горестно и легко предвидеть, что мы потеряем много людей во время этого марша, но еще легче предвидеть последствия этого не только в войсках, но и в Италии, куда кое-какие сведения уже проникли. Скажите Кейтелю, что необходимо

оказать хотя бы минимум помощи, если слово „товарищество” еще имеет какой-то смысл»¹³.

Получив столь необычное послание, генерал Маррас устремился в немецкий генеральный штаб. Как он рассказывал позднее, его разговор с Кейтелем вылился в яростную перепалку. Кейтель сообщил, что, по решению фюрера, итальянские войска будут направлены в болотистую местность около Гомеля и ничто не может изменить решения. Что касается поездов, которые должны были быть направлены навстречу итальянским войскам, то Кейтель об этом даже слышать не хотел. Разговаривая с итальянскими генералами, как с провинившимися вассалами, Кейтель передавал настроения гитлеровской верхушки.

16 февраля Гитлер направил Муссолини письмо, которое по тону и по содержанию было самым резким в истории их переписки. Гитлер нарисовал апокалиптическую картину Европы, которая в случае поражения «оси» будет разрушена и уничтожена «большевиками и международным еврейством». «Я буду сражаться на Востоке с союзниками или без них», — патетически восклицал он в заключение, совершенно явно подразумевая Италию среди этих союзников, способных ему изменить.

Рассматривая положение в Греции и Югославии, Гитлер осыпал итальянскую армию градом упреков. Но особенно много язвительных замечаний было в той части письма, которая касалась положения на Восточном фронте. «Целью операции 1942 года, — писал Гитлер, — было захватить или во всяком случае целиком уничтожить зону угольного бассейна и большую часть русской нефти. Эта операция не могла быть предпринята без поддержки 40 или по крайней мере 30 дивизий наших союзников. Брешь, открытая противником на протяжении 400 км вдоль Дона и на Сталинградском фронте, заставляет теперь удерживать новую линию немецкими силами... Остановка продвижения русских была достигнута посылкой новых сил. Это продвижение было сдержано, наши части были успешно усилены людьми, взятыми в транспортных колоннах, частях ПВО, группах территориальной обороны, батальонах тыловых служб, которые были посланы на передовую. Их вооружение было абсолютно недостаточным, однако им удалось сдерживать русские дивизии на протяжении недель, выигрывая таким обра-

зом время для переброски на фронт новых немецких дивизий и проведения реорганизации...

Кавказская армия была вынуждена целиком отойти назад. Некоторые дивизии проделали по 600—700 км за 30 дней по территории, покрытой снегом, ведя непрерывные бои, и тем не менее они не бросили ни одной своей батареи... Поскольку мне пришлось использовать все возможности, для того чтобы закрыть брешь в несколько сот километров шириной, я был вынужден призвать очень молодых новобранцев. Эти ребята до сих пор получали закалку в районах, пораженных партизанским движением, где они охраняли линии коммуникаций. Учитывая, что абсолютно невозможно отводить с линии фронта немецкие войска, находящиеся на передовой линии, несмотря на то что они сражались уже на протяжении многих месяцев, а иногда нескольких лет, я подумал о том, что могу просить у 8-й итальянской армии, которая отвела с фронта некоторые свои соединения, перевести по крайней мере эти соединения в район Гомеля, с тем чтобы можно было взять наших рекрутов, которые там находятся, и направить их на фронт»¹⁴.

Предложение послать армию, которая, как предлагал Муссолини, еще немногим больше года назад должна была принять участие в финальных боях на Востоке, на смену безусым юнцам, несущим тыловую службу, явилось большим унижением, и Муссолини ни в коем случае не мог согласиться на это. С другой стороны, он не хотел возвращения армии в Италию, как это советовал ему король и новый начальник итальянского генерального штаба Амброзио.

В своем ответном послании Гитлеру Муссолини подтверждал верность иллюзорной идее сепаратного мира с Россией, высказывая, правда, свои предложения в менее категорической форме. «Вы можете себе представить, фюрер, с каким напряженным вниманием я следил за развитием последних событий в России, — писал он. — Я никогда не сомневался — ни на секунду, — что вооруженные силы райха восстановят положение... Но в момент, когда вы создадите восточный вал, истощенная Россия уже не будет представлять собой той смертельной опасности, какой она была два года назад, и, если вы не будете абсолютно уверены в возможности навсегда ее разбить, я спрашиваю себя, не слишком ли рискованно

возобновить битву против необъятного, практически бесконечного, пространства России, в то время как увеличивается англосаксонская опасность на Западе. В тот день, когда Россия будет так или иначе ликвидирована или нейтрализована, победа будет за нами».

Переходя к повседневным делам, Муссолини продолжал: «Италия должна быть представлена на Восточном фронте. Следовательно, второй армейский корпус останется в России. Он должен быть реорганизован и снабжен эффективным оружием. Если он примет линейное построение, как это было с 8-й армией на Дону, без резервов и с устаревшим вооружением, то нельзя рассчитывать, что дела пойдут иначе, чем это было до сих пор... Я бы хотел, чтобы итальянский армейский корпус был использован в зоне боевых действий, а не в тыловых службах»¹⁵.

Пожелания, которые высказывал Муссолини в своем послании, несколько запоздали. Его письмо было отправлено 9 марта, а за несколько дней до этого Гитлер во время совещания в ставке, прервав Йодля, докладывавшего об итальянских предложениях относительно восстановления армейского корпуса на Восточном фронте, заявил: «Я скажу дуче, что это не имеет смысла. Давать им оружие — значит обманывать самих себя... Нет никакого смысла давать итальянцам оружие для организации армии, которая побросает оружие перед лицом врага при первом же случае. Точно так же ни к чему вооружать армию, если нет уверенности в ее внутренней прочности... Я не дам себя обмануть еще раз»¹⁶.

Для Гитлера вопрос об итальянских войсках на советско-германском фронте был решен. Единственное, что оставалось сделать Муссолини, — это отказаться от использования на охранной службе дивизий, которые еще недавно именовались фашистской пропагандой «цветом итальянской армии». Подобное решение диктовалось не только соображениями престижа. В Рим прибывало все больше сведений самого тревожного характера о состоянии армии и настроениях итальянских солдат и офицеров, находившихся в Белоруссии. В начале апреля Бастианини, ставший министром иностранных дел, после того как с этого поста был удален Чиано, получил от своего близкого друга из России письмо, которое показалось ему столь важным, что он передал его для прочтения Муссо-

лини. Близкий друг министра иностранных дел только что прибыл из Рима, чтобы принять на себя командование остатками дивизии «Торино», и был поражен увиденным. В письме, на котором стоит штамп «Прочитано дуче», говорилось: «Солдаты оборваны, изнурены и полны неверия. Месяцами они переходят из деревни в деревню, а это люди, которые в своем большинстве прошли пешком от 400 до 800 км по снегу... Они до сих пор спят на полу, в тесных помещениях, как стадо, без соломы, и нет возможности вывести у них вшей. Сыпной тиф уже начал гулять по подразделениям... Четвертая часть солдат не в состоянии нести службу. В результате холода и перенесенных лишений они страдают воспалением легких, хроническим бронхитом, истощением и т. д...

Моральное состояние войск невероятно низкое, и то же самое следует сказать об офицерах, особенно младших. Нужно побывать в частях, для того чтобы отдать себе отчет в истинном состоянии людей: все они перенесли психическую травму, которая повергла их в глубокий фатализм, боевой дух отсутствует... Гостеприимное и милосердное отношение местных жителей во время отступления часто оттеняло нетоварищеское поведение союзников. Теперь наши солдаты в России, включая, как я уже говорил, большинство младших офицеров, инстинктивно не считают более русских главным противником. Доказательства этому мы находим в письмах, отправляемых родным. Среди офицеров, как старших, так и младших, кроме того, господствуют настроения вражды и недоверия к режиму, который они обвиняют за все ошибки. **Зреет, распространяется опасный дух антифашизма.** Даже сам дуче, более или менее замаскированно, подвергается нападкам...»¹⁷.

Автор письма, закоренелый фашист, ужасается тем, что он увидел. «Здесь зреет заговор против фашистского режима!» — восклицает он в конце письма. Если отбросить терминологию, которую использует этот информатор министра иностранных дел, то описанная им картина соответствовала истинному положению вещей. Майор Толлои, человек совсем иных политических убеждений, примерно в то же время писал в своем дневнике: «Многие солдаты и младшие офицеры, которые в результате долгих лет господства фашистского режима разучились критически мыслить и осуждали большевизм, ...теперь, под

влиянием встряски от поражения, иначе стали смотреть на русских, тем более что многие из них были обязаны жизнью русским крестьянам»¹⁸.

Книги воспоминаний и дневники итальянцев — участников отступления показывают тот поворот в их воззрениях и взглядах, который вызвало все пережитое ими. Каждый из авторов стремится подвести итог, сделать выводы из своего личного опыта, вспомнить эпизод, провести параллели, которые помогают осмыслить происходившее, разобраться в его причинах. При всей разнице в исходных позициях и глубине наблюдений в них часто повторяются одни и те же мысли. Наиболее распространенное убеждение, порожденное в душах испытаниями снегового марша, — это осуждение фашистской войны.

Так, в книге сержанта Ригони центральным моментом стал эпизод, в котором драматическое повествование об отступлении прерывает мотив человеческого взаимопонимания. В поисках пищи Ригони зашел в одну избу. «Я вижу там русских солдат. Пленные? Нет. Они вооружены. На шапках у них красные звезды! У меня в руках винтовка. Окаменев, я смотрю на них. Они сидят вокруг стола и едят. Они едят суп из одной большой миски. И смотрят на меня с ложками, повисшими в воздухе.

— Мне хочется есть, — говорю я.

В комнате находятся также женщины. Одна из них берет тарелку, наполняет супом из общей миски и протягивает ее мне. Я делаю шаг вперед, закидываю винтовку за плечи и ем. Русские солдаты смотрят на меня. Женщины и дети тоже смотрят на меня. Никто не движется. Слышен только стук ложки в моей тарелке. И звук каждого глотка.

— Спасибо, — говорю я, кончив есть.

Женщина берет тарелку из моих рук.

— Пожалуйста, — отвечает она.

Солдаты смотрят, как я направляюсь к выходу, не двигаясь с места...

Так это было. Сейчас, когда я вспоминаю, я не вижу в этом ничего странного. Наоборот, я нахожу это совершенно естественным. После первого мгновения все мои действия были естественными, я не чувствовал никакого стеснения, никакого желания нападать или защищаться. Все это было очень просто. Русские чувствовали то же, что и я, и я это знал. В этой избе между мной, русскими сол-

датами, женщинами и детьми создалось понимание, которое было чем-то бóльшим, чем перемирие. Случилось так, что обстоятельства заставили людей остаться людьми.

Кто знает, где теперь эти солдаты, эти женщины и дети. Я хочу надеяться, что война пощадила всех их. До тех пор пока мы будем живы, мы все будем помнить об этом, о том, как мы себя вели, особенно дети. Если это случилось один раз, это может повториться. Я хочу сказать, что это может повториться с бесчисленным множеством других людей и стать обычаем, образом жизни»¹⁹.

Сержант Ригони прибыл в Россию, повинувшись военной дисциплине: на Дону он ревностно выполнял свои обязанности. Последние дни пребывания в России он проводил, лежа на полу избы в окрестностях Гомеля и полностью отстранившись от жизни. Единственно, что проникает в его опустошенную душу, это звук прялки и колыбельная песня русской девочки, которая укачивает сестренку в люльке.

Лейтенант Корти был человеком глубоко религиозным. Для его обобщений характерна христианская символика; осуждение фашистских руководителей смягчено у него иррациональными мотивами. Идя по улице в одной из окруженных советскими войсками деревень, он увидел агонизировавшую лошадь. «Я подошел поближе. Мне было жаль пуль, и я ударил ее тяжелым башмаком по голове, думая добить. Но бедное животное только отстранило голову. Я ударил еще и еще. Я выхватил пистолет и выстрелил ей в череп... Вокруг меня был пустырь, вспаханный воронками от мин. Все было покрыто тухлыми отбросами и трупами, потерявшими человеческую форму.

Оборванные фигуры солдат тяжело тащились вдалеке. Это была война... И я подумал о тех, кто устраивал демонстрации с требованием войны... Я подумал о наших руководителях, которые объявили войну. Они были в Риме, жили в роскоши, им было тепло, и они спали в мягких постелях. А нас они послали в эту даль! Свиньи, сукины дети!.. Однако и они только несчастные люди, орудия в руках Судьбы. Невозможно, чтобы те страдания, которые мы пережили, зависели от воли нескольких людей. Это было искупление вины всем человечеством. Только так можно объяснить войну»²⁰.

Очень контрастным были начало и конец похода для капитана Дотти: «Когда наш 12-й штурмовой батальон чернорубашечников прибыл в начале сентября 1942 года в Россию, — пишет он, — никто не мог предполагать, что судьба войны через некоторое время обернется таким образом. Из Рима к нам специально прилетел в Ворошиловград генерал, для того чтобы сказать, что через Персию мы направимся в Индию. Мы думали о том, как наша часть будет двигаться вперед, одерживая одну победу за другой. Это должно было быть чем-то вроде эпической саги с соответствующим финалом, когда после последнего выстрела мы остановимся, потные и покрытые пылью».

Через четыре месяца после прибытия на фронт капитан Дотти еле живой выбрался из окружения. В то время, как санитарная машина увозила его в тыловой госпиталь, в лихорадочном бреду ему казалось, что он сидит у фонтана на главной площади своего родного города, а мимо него движется странная процессия: «Это была огромная толпа людей в форме защитного цвета, одетых в лохмотья, с распухшими ногами, распространявшими запах гниения. Когда они подошли ближе, я стал их узнавать: это были погибшие из моей колонны. Впереди капеллан нес распятие, и, казалось, у Христа были вонючие распухшие ноги и он был одет в защитного цвета лохмотья. Я старался подняться с места, когда они проходили мимо, но у меня не было сил. Я видел своих друзей, погибших в России: они проходили мимо, не здороваясь со мной, хотя я их звал...».

Обвинительная символика этого шествия у Дотти не имеет вполне четкого адресата. Он уточняет его, когда рассказывает о сидении в «котле» Чертково. «У нас было время, и мы начали плохо говорить о политическом руководстве страны того времени. Это было вполне естественной реакцией. Именно по их вине мы попали в такую беду. Дело было не только в нашем личном эгоизме. Ведь вокруг падал дождь снарядов, которые в каждый миг могли прервать нашу беседу! Мы искренне высказывали свои мнения, несмотря на кажущиеся преувеличения. Действительно, эти политические руководители, которых мы видели только стоя по стойке смирно и глядя на них через штык нашего карабина, потеряли теперь для нас всякий авторитет»²¹.

Нуто Ревелли, кадровый офицер, пошел на фронт добровольцем, считая, что таким образом он лучше всего может служить фашистской родине. «Мне было девять или десять лет, когда я принял присягу: „Во имя бога и Италии я клянусь исполнять приказы дуче и служить всеми своими силами, а если нужно и кровью делу фашистской революции“. В 14 лет от учебной винтовки я перешел к настоящей, боевой. Каждую субботу у казармы фашистской молодежи мы проходили военную подготовку. Воинственные крики и свистки... С течением времени у меня накопилось столько значков и медалей, что я не знал, куда их вешать... Все, что было связано с силой, приводило меня в экстаз: военные парады, океан толпы. Как и все в то время, я кричал: „Да здравствует дуче, да здравствует война!“ ...Я блестяще выдержал экзамен в королевское пехотное училище в Модене и гордился званием „образцового курсанта“. „Ты настоящий немец“, — говорил мне мой лейтенант, и это было комплиментом. Отличный солдат и немец было одно и то же»²².

«Немчура проклятая,— восклицает Ревелли в конце отступления с берегов Дона, — выродки, подлые ублюдки! Мы вас хорошо узнали в те январские дни, толстые свиньи! Вы плевали в лицо тем, кто пробивал для вас дорогу, вы бросали в снег раненых, чтобы вам было удобнее разместиться в избах, вы лупили до смерти итальянцев, которые не умели кричать громче вас. В далеком октябре на станции Ясиноватая я впервые понял, что ненавижу вас, не могу за вас сражаться и всегда готов драться против вас! Тогда я устыдился этих мыслей. Теперь это мое твердое убеждение, которое навсегда вошло в мое сердце»²³.

Образ мыслей итальянских солдат и офицеров, попавших в плен, хорошо передают материалы газеты «Альба», издававшейся для военнопленных в Советском Союзе. Воспоминания о пережитом, размышления и выводы итальянских солдат и офицеров во многом повторяют то, что мы уже встречали в письмах с фронта, в мемуарах избежавших пленения. И это показывает, что высказывания пленных на страницах газеты не были обусловлены положением, в котором находились их авторы, а были искренним выражением их чувств.

Главное место среди них занимает гневное осуждение гитлеровской Германии и итальянского фашизма, послав-

шего их на войну. Часто эти заявления носили характер коллективных деклараций. Так, в обращении первой конференции итальянских военнопленных, состоявшейся в марте 1943 года, говорилось: «Посылая на войну, нас уверили, что мы направляемся защищать европейскую цивилизацию от большевизма. Но мы видели, что за цивилизацию несет фашизм Европе. Мы видели трупы изнасилованных женщин, мы видели костры, на которых гитлеровцы сжигали военнопленных, мы видели школы, музеи, больницы, разграбленные так называемыми защитниками цивилизации...»²⁴.

В заявлении, подписанном большой группой офицеров, среди которых три полковника и около десяти старших офицеров, говорилось: «Ко множеству голосов, которые раздаются из различных лагерей для военнопленных в СССР, мы хотели бы присоединить наш голос, голос тех, кто любит свою далекую родину и убежден в необходимости покончить с несчастьями, на нас обрушившимися. Мы обращаемся к итальянскому народу с призывом покончить с абсурдной и разрушительной войной. Война, которую мы ведем, неспособна принести какую-либо пользу нашей стране, эта война — в интересах немецкого империализма»²⁵.

«Почему мы антифашисты?» — так озаглавил свою статью солдат из дивизии «Торино» и, отвечая на этот вопрос, писал: «Мы антифашисты, потому что итальянский фашизм не является патриотической партией. Если бы он был таковым, то не привел бы Италию к нынешнему жалкому состоянию. Из-за него наши близкие в Италии страдают от холода и голода, из-за него миллионы молодых людей проливают кровь на поле боя и умирают. По вине фашизма Италия сегодня в трауре»²⁶.

Рассуждения одного из пленных офицеров предваряют выводы, к которым после войны приходили военные историки и авторы мемуарной литературы: «Немецкое командование, которое в приказах несколько раз отмечало хорошее поведение итальянских солдат в бою и награждало их орденами, за спиной распространяло мнение, что итальянский солдат ничего не стоит. Ясно, что объяснять неудачи итальянской армии в этой войне трусостью солдат, это значит оскорблять итальянский народ. Итальянский солдат не менее храбр, чем солдат других армий, и он это не раз доказывал в прошлом. Но итальян-

янский народ не любит несправедливости, и итальянский солдат не хочет быть бандитом и наемником. А эта война — война разбойничья. Что нужно было итальянскому народу от французского, греческого или югославского народа? Что плохого сделал русский народ итальянскому народу на всем протяжении его истории? Какое зло причинили все эти народы рабочему из Турина, крестьянину из Апулии или ремесленнику из Флоренции?

Фашистский режим, который на протяжении 20 лет стремился исказить и подавить любовь итальянцев к справедливости и другим народам, показал на деле, что ему это не удалось сделать. Эта война с самого начала не ставила перед Италией никакой другой альтернативы, кроме поражения. Поражения в случае проигрыша войны Гитлером, еще худшего поражения в случае, если бы он победил. Итальянский солдат понимал трагизм положения, к которому привел Италию Муссолини, и сражался против воли или совсем не сражался»²⁷. Автор статьи подробно останавливался также на известной слабости итальянской армии в вооружении и снабжении.

Таковы были мысли солдат и офицеров, попавших в плен и имевших возможность высказывать то, что накопило у них на душе. Их выводы были по сути дела продолжением мыслей, бродивших в головах тех итальянских солдат и офицеров, которые избежали плена и весной 1943 года ожидали решения своей участи в белорусских городах и селах. Командованию 8-й армии и римским властям все яснее становилось, что им не удастся вновь заставить воевать этих солдат. Солдаты не слушали приказаний своих командиров, все более открыто демонстрировали свои симпатии к населению и нежелание враждовать с партизанами, действовавшими в этих районах.

Любые обращения командования к солдатам лишь увеличивали вражду к фашизму и его представителям. В начале марта 1943 года итальянским частям, находившимся в Белоруссии, зачитывали приказ командующего армией генерала Гарибольди и Муссолини в связи с предстоящим отправлением на родину. Несмотря на обычную риторическую шелуху, являвшуюся отличительным признаком фашистского стиля, эти приказы скорее напоминали инструкции для потерпевших бедствие людей, которые должны скрывать свое несчастье.

«Запомните и расскажите», — так начинались параграфы приказа генерала Гарибольди, составленного в штабе экспедиционной армии. Итальянские солдаты должны запомнить, что они «стойко дрались до последней возможности», что они нанесли такие потери противнику, которые его «обескуражили, привели в замешательство и остановили», что «вперед смогли пройти только бронетанковые силы, и только они». Приказ оканчивался словами: «Вы, которые возвращаетесь на родину, будьте всегда горды тем, что вы сделали в России»²⁸.

9 марта этот приказ зачитывали перед батальоном Ревелли, который располагался в Жлобине. «Комментарии командира батальона были красноречивы, и все их разделяют. Он не стеснялся в выражениях. Он напомнил недавнюю трагедию и указал ее причины. Он говорил, как честный человек, и ясно заявил, что такие приказы перед памятью тысяч погибших, обмороженных и пропавших без вести бесполезны и оскорбительны. Оскорбительно для наших павших говорить о немцах, как о союзниках... Слова майора, простые и прочувствованные, нас трогают. Он поступил мужественно и сказал то, что у него давно наболело на душе... „Запомните и расскажите“. Разве такое можно забыть!»²⁹

Печальным было возвращение остатков экспедиционной армии на родину. Поезда с итальянскими солдатами представляли собой жалкое зрелище. Истощенные, оборванные, они подвергались всяческому унижениям и оскорблениям. Это происходило не только на территории, где командовали гитлеровцы. Прибывающие в Италию эшелоны тщательно прятали от посторонних глаз, для того чтобы население не могло увидеть, в каком состоянии возвращаются «завоеватели фашистской империи». Двери и окна вагонов запирали на ключ, и никто не должен был показываться наружу. «Откройте, мы не скотина!», — кричали альпийцы в поезде. «Население не должно вас видеть», — отвечали им железнодорожники. «Мы не чумные, мы — альпийцы, которые возвращаются из России», — продолжали шуметь запертые солдаты. «Причем здесь альпийцы вы или нет? — отвечали с платформы. — Вы посмотрите на себя! Разве вы не понимаете, что на вас жалко и противно смотреть!»³⁰.

Не менее грустным был обратный путь командующего разбитой армией. Гарибольди выехал в Италию в конце

марта, не дожидаясь конца эвакуации своих солдат. По настоянию итальянского посла по дороге он заехал в Берлин для участия в официальной церемонии. «Старый локомотив подтянул к перрону вагон генерала, — вспоминает советник посольства Ланца. — Два низкорослых военных жандарма, плохо одетые, спустились на платформу. Они небрежно забросили свои винтовки за спину и стали прогуливаться взад и вперед, не удостаивая взглядом группу итальянских дипломатов и генералов. Кто-то сзади меня сказал: „Вот остатки великой армии“». Сцена ужасно тяжелая. Через несколько минут генерал сошел вниз: он сгорблен, печален, вид у него усталый. На него жалко смотреть. Мы его увезли в посольство. В своей речи посол намекнул на непонимание со стороны наших немецких союзников. Гарибольди ответил в более решительных тонах. Ничего себе атмосфера военного товарищества!»³¹.

Возвратившиеся в Италию подвергались усиленной обработке. В приказах по частям офицерам вменялось в обязанность разъяснять солдатам, что им запрещаются «политические высказывания всякого рода, оценка того, что они видели, критика и комментарии по поводу поведения итальянцев и союзных войск». Офицеров по одному вызывали на «беседу» в организации фашистской партии, где им внушали, что «говорить с энтузиазмом о русском населении и с ненавистью о немцах» означает «разрушать внутренний фронт и ставить под сомнение собственный патриотизм».

В то же время фашизм не мог отказаться от привычных ему форм неуклюжей контрпропаганды. В городах Северной Италии, где формировались дивизии, участвовавшие в «походе на Восток», проводились парады «вернувшихся с фронта борьбы с большевизмом»: «Русский фронт, — писал офицер дивизии „Тридентина“, — поглотил мою дивизию, уцелевших можно пересчитать по пальцам. Но фашизм во что бы то ни стало хочет доказать обратное, чтобы поднять моральное состояние внутреннего фронта. Сегодня я видел тысячи альпийцев с оружием и мулами: фальшивых альпийцев, фальшивое оружие и фальшивых мулов. Я узнавал в строю фашистских иерархов, которые действовали по принципу: „Бери оружие и езжай“, я видел героев обоза, доблестных тыловых крыс, вернувшихся в Италию до начала наступления,

окопавшихся, которые никуда не ездили. Все они шли в строю, не моргнув глазом, среди толпы, которая ничего не знала и аплодировала»³².

Фашистским руководителям легко было собрать подставных солдат для участия в парадах. Невозможно было восстановить дивизии, потерянные на Дону. Большая часть из них была распущена. Восьмая итальянская армия прекратила свое существование.

При описании судьбы войск Муссолини на советско-германском фронте многие авторы проводят сравнение между этой кампанией и участием итальянских войск в походе Наполеона. Действительно, здесь имеется ряд аналогий. Оба раза итальянские войска участвовали в качестве вассалов более сильного партнера. В 1941 году из соображений престижа Муссолини послал на Восток свои лучшие дивизии. Точно так же в 1812 году вице-король Италии и король Неаполя отрядили в «великую армию» свои отборные батальоны. При этом если в армии Наполеона неизвестно почему оказались неаполитанские моряки, то вместе с немецкими бронетанковыми колоннами по степи следовали альпийцы со своим горным оборудованием.

В обоих случаях участие в войне закончилось сокрушительным разгромом итальянских войск. В 1812 году войска Евгения Богарне и Мюрата оставили в России 70% своих людей и 100% материальной части и лошадей. Немногим меньшими были потери итальянской армии на Дону. Кампания 1812 года ослабила итальянские государства в военном отношении: Южное Королевство не в силах было противостоять англо-бурбонскому давлению. Отсутствие дивизий 8-й армии сказалось во время начала немецкой оккупации Италии в сентябре 1943 года.

Однако внешнее сходство двух кампаний касается главным образом военной стороны. Важнейшее принципиальное отличие вытекало из характера, который придавала фашистская верхушка участию в войне против Советского Союза. Посылая свои войска в СССР, Муссолини подчеркивал идеологический характер похода, хотя соображения империалистического грабежа играли в его

решении далеко не последнюю роль. Вторая мировая война завершилась для Италии не простым ослаблением военной мощи государства, а крахом фашистского режима. Движение Сопротивления, которое привело к окончательной ликвидации фашизма в Италии, многими нитями связано с провалом военных авантур ее правящих кругов.

События на Дону знаменовали собой серьезный кризис «оси Берлин — Рим». Вторая мировая война была развязана Гитлером при прямом соучастии Муссолини. Несмотря на внутренние разногласия и соперничество, неизбежные в разбойничьем блоке, совпадение основных интересов заставляло их держаться вместе. Разгром итальянских войск на советско-германском фронте образовал глубокую трещину в фашистском блоке, и взаимное недовольство приняло самые крайние формы. «Разгром на Дону, — пишет английский историк Ф. Дикин, исследовавший отношения между Гитлером и Муссолини, — явился важнейшим поворотом в отношениях между двумя странами. Более того, он представляет собой решающий психологический крах фашистской войны»¹.

Отсутствие духа военного товарищества отмечалось с обеих сторон и раньше, особенно во время африканской кампании, когда итальянские и немецкие войска впервые действовали совместно. Но то, что произошло на Восточном фронте, далеко превосходило Северную Африку. Здесь речь шла о решающих битвах на главном для Германии фронте. Поэтому тот факт, что итальянцы, как считал Гитлер, «подвели» под Сталинградом, вызвало со стороны фюрера бурную реакцию.

В послевоенные годы обвинения против итальянской армии повторяет Типпельскирх. «Решающей причиной, которая заставила прекратить продвижение, был новый удар русских на Дону 16 декабря», — пишет он и указывает, что «уже через два дня весь фронт итальянской армии, который удерживали семь итальянских и одна немецкая дивизия, был прорван до самой Новой Калитвы. Создать импровизированную оборону на новом рубеже... итальянцы, при их взглядах и боевых качествах войск и командного состава, не могли. Если в отдельных местах окруженные итальянские части под влиянием немцев нередко оказывали ожесточенное сопротивление..., то во многих других местах войска теряли выдержку и бежали в панике»².

Со своей стороны, А. Валори, автор двухтомной работы об итальянской армии на Восточном фронте, главной причиной разгрома 8-й армии справедливо считает «историческую стратегию» Гитлера.

Полемика, принявшая после войны характер исторического спора, в 1943 году носила более острые формы и привела к отчуждению между фашистскими союзниками на всех уровнях. Никогда еще Гитлер не позволял себе такого тона в обращении с Муссолини, как после событий на Дону. По примеру фюрера и вся немецкая политическая и военная верхушка делала все возможное, для того чтобы унижить своего неудачливого союзника.

Архивы сохранили фотографию, сделанную во время приема в итальянском посольстве в Берлине по случаю приезда генерала Гарибольди. На этот прием послу с трудом удалось заполучить нескольких немецких офицеров, представлявших коменданта города. Посол Альфьери, одетый в парадную форму, произносит речь о доблести итальянской армии, перед ним, насупившись и мрачно уставившись в пол, стоит Гарибольди. Вся его старчески поникшая фигура свидетельствует о неуместности этой процедуры. На втором плане неподвижно застыли немецкие офицеры: их подтянутые фигуры полны достоинства, а взгляды выражают высокомерие и презрение.

В те дни итальянский консул в Инсбруке сообщал, что в городе ходят самые неблагоприятные сведения об итальянской армии и «в витринах некоторых магазинов появились карикатуры, на которых изображен тирольский крестьянин, замахнувшийся дубиной на кошку-предателя (Италию), с надписью: „Позор Италии“ и „Долой“».

В самом Берлине антиитальянские настроения достигли таких масштабов, что Альфьери, не довольствуясь обычными дипломатическими средствами, просил Риббентропа «принять эффективные меры через партийный аппарат, для того чтобы исправить впечатление и восстановить истину».

«Германские солдаты, — говорится в работе исторического отдела итальянского генерального штаба, — вели себя по отношению к итальянцам в высшей степени недостойно, и это не было их инициативой, а осуществлялось явно по указанию сверху... В Донецкой степи они предвосхитили ту линию поведения, которая позднее, во вре-

мя оккупации нашей территории, проводилась в более широких масштабах»³.

Солдаты и офицеры, возвращавшиеся с Восточного фронта, громко высказывали свое возмущение. Когда в стране вспыхнуло партизанское движение, одной из широко распространенных песен была песня про партизана, павшего в бою и встретившегося с альпийцем, погибшем в далекой России. Этот альпиец обращается с молитвой, чтобы бог проклял союзника, «который бросил нас на Дону, а затем предал». «Альпиец погиб, — говорится в песне, — но его место занял новый боец».

Каждый из возвратившихся с фронта осуждал фашистский режим, который был виновником несчастий итальянского народа. Это чувство передавалось и тем, кто потерял своих близких в далекой России. Сержант Ригони вспоминает о встрече с отцом своего однополчанина. Он встретился с ним в ясный солнечный день на берегу озера, окруженного зелеными деревьями, мимо них прогуливались нарядно одетые девушки и молодые парни. Ригони видел в последний раз сына этого старика лежащим на снегу без сил в конце отступления. «Мне трудно говорить правду, — сказал я отцу. — Но если вы хотите, я вам скажу ее. Он выслушал меня молча, не перебивая и ничего не спрашивая. „Так это было“, — закончил я. Он взял меня под руку и повел в трактир. Литр вина и два стакана. Еще литр вина. Он посмотрел на портрет Муссолини, висевший на стене, сжал зубы и кулаки. Он ничего не сказал и не заплакал...»⁴.

Источником антифашистских настроений служила еще одна причина, которая проходит во всех воспоминаниях: «Русские хорошие, русские такие же, как мы». Это было убеждение, наносившее тяжелый удар по фашистской пропаганде, не жалевшей сил для того, чтобы очернить русский народ. Но еще более неожиданным было то, что многие солдаты и офицеры сумели увидеть достижения советского народа. Это впечатление было тем разительнее, чем больше старалась фашистская печать оклеветать советский строй. Итальянский генеральный консул в Инсбруке, который занимался отправлением эшелонов с солдатами из России, доносил в Рим: «Многие восхищены боевыми качествами Советской Армии... Многие были особенно поражены достижениями советского режима»⁵.

В дни, когда эшелоны с остатками 8-й армии начали отправляться в Италию, в Турине и других городах вспыхнули первые массовые забастовки против фашистского режима. Выступления рабочего класса свидетельствовали о том, что кризис режима Муссолини вступил в завершающую стадию. Возглавляли массовые выступления против фашизма коммунисты и антифашисты, которые продолжали свою борьбу на протяжении всех лет фашистского режима. Деятельность этих сознательных авангардов слилась с «военным антифашизмом» солдат и офицеров, которые пришли к отрицанию фашизма в африканской пустыне, в балканских горах и русской степи. Сливаясь воедино, все эти потоки сделали невозможным для правящих классов сохранение у власти Муссолини.

«Русский опыт» приносил наиболее радикальные результаты. Не все из тех, кто вернулся с советско-германского фронта, сразу стали на путь активного антифашизма. Для многих потрясение было столь сильным, что породило состояние полной растерянности и отчаяния, желание замкнуться в собственной скорлупе. Однако, когда 8 сентября 1943 г. гитлеровцы начали оккупацию Италии, возвратившиеся из России оказались в числе первых, кто сумел правильно выбрать путь. «Может быть, не лишен значения тот факт, — отмечает английский историк Ф. Дикин, — что многие солдаты и офицеры, главным образом из итальянских альпийских дивизий в России, стали командирами партизанских отрядов...».

Об этом свидетельствует судьба тех, кто оставил свои воспоминания о «восточном походе». «Без России 8 сентября я запрятался бы ото всех, как больная собака», — пишет в своей книге Ревелли, ставший в дни движения Соппротивления одним из видных партизанских руководителей. Отряд, которым он командовал, принял название «Память павших». Кличем отряда было: «За каждого итальянца, погибшего в России, десять фашистов и десять немцев должны быть убиты», — пишет Ревелли. Д. Толлои, поехавший в Россию либералом, вскоре после возвращения, по его словам, перешел на позиции марксизма. Его книга о войне в России была впервые издана нелегально в период немецкой оккупации, и, читая ее, многие сотни итальянцев впервые узнали правду о нацизме и Советском Союзе. Бывший чернорубашечник

Ф. Гамбетти, а с ним и многие другие участники похода, вступил в Коммунистическую партию.

Итальянские солдаты и офицеры, которые отказывались сражаться за интересы фашизма на Дону, во время движения Сопrotивления стали мужественными бойцами. Лейтенант Советской Армии Анатолий Тарасов, бежавший из гитлеровского плена и ставший командиром партизанского отряда в Италии, писал в своих воспоминаниях: «Говорят об итальянских солдатах, что они не выдерживают долгого боя. Думаю, что это не так. Думаю, что солдат любой национальности станет воевать плохо, если он не будет убежден, что воюет за правое дело. Мне не раз приходилось встречаться с итальянскими солдатами, вернувшимися с советско-германского и африканского фронтов. Они сами признавались в том, что „воевали отвратительно“. Но эти же бывшие солдаты, став партизанами, проявляли чудеса храбрости в схватках с нацистскими оккупантами»⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ В. Сева, 5 anni di storia italiana, Milano, 1964, p. 52.
- ² «Fascismo e antifascismo. Lezioni e testimonianze», Milano, 1962, p. 430.

22 июня 1941 г. в Риме и Берлине

- ¹ F. Anfuso, Da Palazzo Venezia al Lago di Garda, R. San Casciano, 1957, p. 204.
- ² Ibid., p. 205.
- ³ D. Alfieri, Deux dictateurs face à face, P., 1948, p. 204.
- ⁴ G. Fusco, La lunga marcia, Milano, 1961, p. 11.
- ⁵ G. Ciano, Diario, vol. I, Milano — Roma, 1950, p. 56.
- ⁶ «La vita italiana», Luglio, 1941, p. 18.
- ⁷ A. Valori, La campagna di Russia, vol. I, Roma, 1950, pp. 18—19.
- ⁸ См. U. Cavallero, Comando Supremo, R. San Casciano, 1948, p. 112.
- ⁹ G. Ciano, Diario, vol. II, Roma — Milano, 1950, pp. 46—47.
- ¹⁰ A. Valori, La campagna di Russia, vol. I, pp. 36—37.
- ¹¹ G. Gorla, L'Italia nella seconda guerra mondiale, Milano, 1959, pp. 216—217.
- ¹² «La tragedia dell'Armistizio nelle arringhe di Sotgiu e Paone al processo d'Onofrio», Milano, 1950, p. 216.
- ¹³ См. P. Zanussi, Guerra e catastrofe d'Italia, Roma, 1946.
- ¹⁴ «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии», М., 1953, стр. 186.

Итальянский экспедиционный корпус едет на Восток

- ¹ A. Valori, La campagna di Russia, vol. I, p. 53.
- ² Ibid., vol. I, p. 52.
- ³ G. Messe, La guerra al fronte russo, Roma, 1947, p. 50.
- ⁴ «Nuova antologia», Maggio — Agosto, 1942, p. 39.
- ⁵ A. Valori, La campagna di Russia, vol. I, p. 54.
- ⁶ Ibid., vol. I, p. 81.
- ⁷ F. Anfuso, Da Palazzo Venezia al Lago di Garda, pp. 206, 208.

- ⁸ L. Simoni, Berlin. Ambassade d'Italie, P., 1947, p. 306.
- ⁹ G. Ciano, Diario, vol. II, p. 72.
- ¹⁰ G. Messe, La guerra al fronte russo, p. 26.
- ¹¹ G. Tolloy, Con l'armata italiana in Russia, Torino, 1947, p. 17.
- ¹² A. Valori, La campagna di Russia, vol. I, p. 146.
- ¹³ Ibid., vol. I, pp. 178—179.

Первые морозы, первые разочарования

- ¹ G. Fusco, La lunga marcia, p. 34.
- ² См. G. Messe, La guerra al fronte russo, p. 134.
- ³ A. Valori, La campagna di Russia, vol. I, pp. 443—444.
- ⁴ Ibid., p. 367.
- ⁵ G. Fusco, La lunga marcia, pp. 92—93.
- ⁶ G. Messe, La guerra al fronte russo, p. 167.
- ⁷ См. G. Fusco, La lunga marcia, pp. 52—53.
- ⁸ B. Ceva, 5 anni di guerra italiana, pp. 54—61.
- ⁹ G. Messe, La guerra al fronte russo, p. 146.
- ¹⁰ Ibid., p. 160.
- ¹¹ Ibid.

От экспедиционного корпуса — к экспедиционной армии

- ¹ G. Gorla, L'Italia nella seconda guerra mondiale, p. 217.
- ² G. Ciano, Diario, vol. II, pp. 63, 71.
- ³ G. Messe, La guerra al fronte russo, p. 174.
- ⁴ Текст отчета см. A. Valori, La campagna di Russia, pp. 172—174.
- ⁵ G. Ciano, Diario, vol. II, p. 51.
- ⁶ L. Simoni, Berlin, Ambassade d'Italie, p. 306.
- ⁷ Ibid., p. 313.
- ⁸ G. Gorla, L'Italia nella seconda guerra mondiale, pp. 307—310.
- ⁹ M. Cavallero, Comando Supremo, p. 212.
- ¹⁰ G. Ciano, Diario, vol. II, p. 169.
- ¹¹ G. Messe, La guerra al fronte russo, p. 178.
- ¹² См. F. Deakin, Storia della repubblica di Salo, Torino, 1963, p. 25.
- ¹³ P. Zanussi, Guerra e catastrofe d'Italia, pp. 59—60.
- ¹⁴ N. Revelli, La guerra dei poveri, Torino, 1962, p. 11.
- ¹⁵ E. Franzini, In Russia, Venezia, 1962, p. 9.
- ¹⁶ См. N. Revelli, La strada del davai, Torino, 1966.
- ¹⁷ E. Franzini, In Russia, p. 12.
- ¹⁸ N. Revelli, La strada del davai, p. 14.
- ¹⁹ E. Franzini, In Russia, p. 29.
- ²⁰ F. Gambetti, I morti e i vivi dell'ARMIR, Milano, 1948, p. 21.

Итальянская армия на Дону

- ¹ G. Messe, La guerra al fronte russo, pp. 199—200.
- ² Ibid.
- ³ См. A. Valori, La campagna di Russia, vol. I, p. 420.
- ⁴ G. Tolloy, Con l'armata italiana in Russia, p. 44.

- ⁵ G. Messe, *La guerra al fronte russo*, pp. 215, 218.
⁶ A. Valori, *La campagna di Russia*, vol. I, p. 473.
⁷ G. Messe, *La guerra al fronte russo*, p. 238.
⁹ N. Revelli, *Mai tardi*, p. 53.
¹⁰ A. Valori, *La campagna di Russia*, vol. I, p. 465.
¹² G. Tolloy, *Con l'armata italiana in Russia*, p. 94.
¹³ *Ibid.*, p. 51.
¹⁴ N. Revelli, *Mai tardi*, p. 84.
¹⁵ G. Tolloy, *Con l'armata italiana in Russia*, p. 50.
¹⁶ *Ibid.*, p. 147.
¹⁷ *Ibid.*, p. 166.
¹⁸ M. Righoni, *Il sergente nella neve*, Torino, 1953, p. 12.
⁴ F. Gambetti, *I morti e i vivi dell'ARMIR*, p. 41.
²⁰ N. Revelli, *La strada del davai*, p. 141.
²¹ С. М. G. Tolloy, *Con l'armata italiana in Russia*, p. 143.
²² F. Gambetti, *I morti e i vivi dell'ARMIR*, p. 25.
²³ N. Revelli, *Mai tardi*, p. 3.
²⁴ G. Messe, *La guerra al fronte russo*, p. 169.

Оккупационная политика и отношения с населением

- ³ G. Tolloy, *Con l'armata italiana in Russia*, p. 122.
⁴ F. Gambetti, *I morti e i vivi dell' ARMIR*, p. 41.
⁵ G. Messe, *La guerra al fronte russo*, pp. 57, 60.
⁶ A. Valori, *La campagna di Russia*, vol. I, p. 543.
⁸ *Ibid.*, pp. 238—239.
⁹ M. Cavallero, *Comando Supremo*, p. 144.
¹⁰ N. Revelli, *Mai tardi*, p. 81.
¹¹ «Alba», 1943, N° 2.
¹² «Perchè non si è fatta luce sulla campagna in Russia», p. 10.
¹³ G. Messe, *La guerra al fronte russo*, p. 170.
¹⁴ G. Tolloy, *Con l'armata italiana in Russia*, p. 56.
¹⁵ *Ibid.*, p. 57.
¹⁶ N. Revelli, *Mai tardi*, p. 84.
¹⁷ G. Tolloy, *Con l'armata italiana in Russia*, p. 58.
¹⁸ С. М. F. Fontana, *Croce ed armi*, Roma, 1956, p. 205.
¹⁹ B. Ceva, *Cinque anni di storia italiana*, pp. 80—86.
²⁰ *Ibid.*, pp. 71—77.
²¹ N. Revelli, *La strada del davai*, pp. 63, 112, 191, 426, 450.
²² G. Tolloy, *Con l'armata italiana in Russia*, pp. 190—197.

Операция «Малый Сатурн»

- ¹ С. М. В. Сидоров, Н. Фокин, *Разгром итапо-немецких войск на Дону*, М., 1944, стр. 8.
³ «L'armata italiana nella seconda battaglia difensiva del Don», p. 13.
⁴ *Ibid.*, p. 11.
⁵ С. М. В. Сидоров, Н. Фокин, *Разгром итапо-немецких войск на Дону*, стр. 7.
⁶ С. М. A. Valori, *La campagna di Russia*, vol. I, pp. 765—766.
⁷ К. Типпельскирх, *История второй мировой войны*, ИЛ, 1956, стр. 257.

- ⁸ «L'armata italiana nella seconda battaglia difensiva del Don», p. 14.
⁹ A. Valori, La campagna di Russia, p. 658.
¹⁰ «История Великой Отечественной войны...», т. III, стр. 104.
¹¹ См. A. Valori, La campagna di Russia, vol. II, p. 699.
¹² См. «L'armata italiana nella seconda battaglia difensiva del Don», p. 4.

«Итальянцы капут»

- ¹ F. Gambetti, I morti e i vivi dell'ARMIR, p. 66.
² M. Rigoni, Il sergente nella neve, pp. 11—52.
³ N. Revelli, La strada del davai, p. 6.
⁴ A. Valori, La campagna di Russia, vol. I, pp. 552—553.
⁵ E. Corti, I più non ritornano, Milano, 1947, pp. 73, 156.
⁶ G. Tolloy, Con l'armata italiana in Russia, pp. 173—187.
⁷ E. Corti, I più non ritornano, p. 23.
⁸ «L'armata italiana nella seconda battaglia difensiva del Don», p. 57.
⁹ M. Barilli, Alpini in Russia sul Don, Milano, 1954, p. 155.
¹⁰ S. Dotti, Ritirata in Russia, Roma, 1958, p. 86.
¹¹ E. Corti, I più non ritornano, p. 148.
¹² A. Valori, La campagna di Russia, p. 612.
¹³ G. Tolloy, Con l'armata italiana in Russia, p. 199.
¹⁴ A. Valori, La campagna di Russia, pp. 702—703.
¹⁵ N. Revelli, Mai tardi, p. 159.
¹⁶ Ibid., p. 194.
¹⁷ N. Revelli, La strada del davai, p. 296.
¹⁸ M. Rigoni, Il sergente nella neve, p. 121.
¹⁹ E. Corti, I più non ritornano, p. 163.
²⁰ Ibid., pp. 163—164.
²¹ N. Revelli, Mai tardi, p. 175.
²² «Alba», 26 Ott. 1943.
²³ G. Fusco, La lunga marcia, pp. 142—143.
²⁴ M. Rigoni, Il sergente nella neve, pp. 144—145.
²⁵ N. Revelli, La strada del davai, p. 266.
²⁶ «L'armata italiana nella seconda battaglia difensiva del Don», p. 53.

Возвращение

- ¹ F. Deakin, Storia della repubblica di Salò, p. 88.
² G. Tolloy, Con l'armata italiana in Russia, p. 203.
³ См. G. Ciano, Diario, vol. II, pp. 191, 237.
⁴ F. Deakin, Storia della repubblica di Salò, p. 89.
⁵ L. Simoni, Berlin. Ambassade d'Italie, p. 344.
⁶ F. Deakin, Storia della repubblica di Salò, pp. 92—93.
⁷ См. L. Simoni, Berlin. Ambassade d'Italie, pp. 346—347.
⁸ G. Ciano, Diario, vol. II, pp. 230—231.
⁹ См. F. Deakin, Storia della repubblica di Salò, p. 101.
¹⁰ U. Cavallero, Comando Supremo, pp. 294, 421, 422.
¹¹ G. Gorla, L'Italia nella seconda guerra mondiale, p. 392.
¹² F. Deakin, Storia della repubblica di Salò, pp. 146—147.
¹³ L. Simoni, Berlin, Ambassade d'Italie, p. 362.
¹⁴ «Les lettres secrètes échangées par Hitler et Mussolini», pp. 156—158.

- ¹⁶ *Ibid.*, p. 170.
¹⁶ F. Deakin, *Storia della repubblica di Salo*, p. 206.
¹⁷ *Ibid.*, pp. 218—219.
¹⁸ G. Tolloy, *Con l'armata italiana in Russia*, p. 204.
¹⁹ M. Rigoni, *Il sergente nella neve*, pp. 136—137.
²⁰ E. Corti, *I più non ritornano*, pp. 214, 254.
²¹ S. Dotti, *Ritirata in Russia*, pp. 121, 152.
²² N. Revelli, *La guerra dei poveri*, p. 3.
²³ N. Revelli, *Mai tardi*, p. 75.
²⁴ «Alba», 14 Marzo, 1943.
²⁵ «Alba», 3 Ag., 1943.
²⁶ «Alba», 8 Magg., 1943.
²⁷ *Ibid.*
²⁸ A. Valori, *La campagna di Russia*, vol. I, p. 764.
²⁹ N. Revelli, *Mai tardi*, p. 259.
³⁰ G. Bedeschi, *Centomila gavette di ghiaccio*, Milano, 1963, p. 379.
³¹ L. Simoni, *Berlin. Ambassade d'Italie*, p. 378.
³² N. Revelli, *La guerra dei poveri*, p. 122.

Итоги

- ¹ F. Deakin, *Storia della repubblica di Salo*, p. 206.
² К. Типпельскирх, *История второй мировой войны*, стр. 261.
³ «L'armata italiana nella seconda battaglia difensiva del Don», p. 3.
⁴ M. Rigoni, *Il sergente nella neve*, p. 64.
⁵ F. Deakin, *Storia della repubblica di Salo*, p. 206.
⁶ А. Тарасов, *В горах Италии*, Лениздат, 1960, стр. 109—110.

ЛИТЕРАТУРА

В Италии о действиях экспедиционной армии на советско-германском фронте написано гораздо больше, чем о какой-либо другой кампании Муссолини. Вскоре после войны исторический отдел итальянского генерального штаба издал документальный двухтомный очерк; известный военный историк А. Валори посвятил этой теме самую крупную монографию о второй мировой войне; обширные мемуары написал командующий экспедиционным корпусом маршал Мессе. Официальная историография, которую наиболее полно представляют эти работы, особенно охотно занимается военной стороной вопроса, сводит причины участия Италии в войне против СССР к личной воле Муссолини, оставляя в стороне идеологическое содержание и политические последствия этого похода, и ограничивает анализ причин поражения стратегическими ошибками Гитлера и плохим вооружением итальянской армии.

В советской литературе разгрому итальянской экспедиционной армии посвящена работа В. Сидорова, Н. Фокина «Разгром италонемецких войск на Дону». Ее авторы — военные историки — детально рассматривают ход операций на Юго-Западном и Воронежском фронтах зимой 1942/43 года. Несмотря на то, что эта работа вышла еще в период войны, основные выводы авторов сохраняют свою силу и в настоящее время.

Анализ хода военных действий на Среднем и Верхнем Дону содержится в III томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза». Наступление советских войск и разгром итальянских дивизий анализируется здесь на фоне широкой картины событий, связанных со Сталинградской битвой. Краткая история итальянской экспедиционной армии дается в книге В. Михайлова, В. Романовского «Нельзя простить» (Минск, 1967 г.).

Прогрессивные итальянские авторы Р. Батталья, Э. Раджоньери, М. Спинелла, Г. Роша не считают единственной причиной присоединения Италии к агрессии только каприз Муссолини, а ставят вопрос об ответственности всей политической и военной фашистской верхушки; при анализе причин поражения они не ограничиваются ссылкой на ошибки немцев, а указывают на нежелание итальянских солдат участвовать в преступной аванюре и обвиняют итальянское командование.

Эта точка зрения подтверждается и многочисленными мемуарами участников событий, которые откровенно рассказывают о развале

итальянских дивизий во время отступления, панике и неразберихе в тылу. Лишь незначительное число авторов воспоминаний остались после войны на милитаристских позициях; подавляющая часть в результате пережитого превратилась в решительных противников фашизма и войны. Наиболее ярко и впечатляюще обо всем этом свидетельствуют широко известные в Италии книги Н. Ревелли, М. Ригони, Д. Толло, Ф. Гамбетти и др.

Почти все эти книги написаны офицерами кадровой итальянской армии или офицерами, призванными из запаса. Солдатских воспоминаний среди них почти не встречается. Поэтому особый интерес представляет книга рассказов солдат альпийских дивизий «Дорога давай», составленная Н. Ревелли. Большую документальную ценность представляют также письма итальянских офицеров и солдат с Восточного фронта в книге Б. Чева «Пять лет итальянской истории».

I

«L'8 armata italiana nella seconda battaglia difensiva sul Don», Roma, 1946.

«Le operazioni del CSIR e dell'ARMIR dal giugno 1941 all'ottobre 1942», Roma, 1947.

II

Battaglia R., La seconda guerra mondiale, Roma, 1960.

Canevari E., La guerra italiana, Roma, 1948.

Corselli R., Cinque anni di guerra italiana, Roma, 1951.

Faldella E., L'Italia nella seconda guerra mondiale, Bologna, 1959.

Guiglielmotti U., Le armi italiane nel secondo conflitto mondiale, Roma, 1963.

Historicus, Da Versaille a Cassibile, Bologna, 1954.

Messe G., La guerra al fronte russo, Roma, 1947.

Revelli N., Campagna di Russia in «Trent'anni di storia italiana», Torino, 1961.

Scala E., La riscossa dell'Esercito, Roma, 1948.

Spinella M., L'intervento italiano contro l'Unione Sovietica in «Fascismo e antifascismo», Milano, 1962.

Tosti A., La guerra che non si doveva fare, Roma, 1945,

Valori A., La campagna di Russia, 1941—1944, vol. I, II, 1950—1951.

III

Bedeschi G., Centomila gavette di ghiaccio, Milano, 1963.

Carery E., L'epopea di Tchercovo, Roma, 1957.

Carloni M., La campagna di Russia, Milano, 1956.

Cavallero U., Comando Supremo, Rocca S. Casciano, 1948.

Cereghini M., Alpini in Russia, Milano, 1952.

Ceva B., Cinque anni di storia italiana, Milano, 1964.

Corradi E., La ritirata di Russia, Milano, 1964.

Costa G., Vent'anni dopo, Milano, 1964.

Crespi B., La battaglia di Natale, Milano, 1965.

Dotti S., Ritirata in Russia, Bologna, 1956.

Fusco F., La lunga marcia, Milano, 1961.
Gambetti F., I morti e i vivi dell'ARMIR, Milano, 1948.
Giordano V., La tragedia dell' ARMIR, Milano, 1950.
Lazzaretti A., I giorni dell'ira, Milano, 1957.
Negri C., I lunghi fucili; Torino, 1956.
Pedani A., La tragedia del Don, Roma, 1951.
Quattriono M., Sacrificio degli apini sul Don, Pinerolo, 1950.
Revelli N., Mai tardi, Cuneo, 1946.
Revelli N., La guerra dei poveri, Torino, 1962.
Revelli N., La strada del davai, Torino, 1966.
Rigoni M., Il sergente nella neve, Torino, 1953.
Robotti P., La prova, Bari, 1965.
Rudie S., Haracio, Bari, 1951.
Sorrentino L., Isba e steppa, Milano, 1947.
Tolloy G., Con l'armata italiana in Russia, Torino, 1947.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	3
22 июня 1941 г. в Риме и Берлине	7
Итальянский экспедиционный корпус едет на Восток	21
Первые морозы, первые разочарования	40
От экспедиционного корпуса — к экспедиционной армии	58
Итальянская армия на Дону	76
Оккупационная политика и отношения с населением	95
Операция «Малый Сатурн»	111
«Итальянцы капут»	131
Возвращение	149
<i>Итоги</i>	169
Примечания	175
Литература	180

Георгий Семенович Филатов

ВОСТОЧНЫЙ ПОХОД МУССОЛИНИ

Редактор *К. К. Степин*

Художник *П. С. Басылайканов*

Художественный редактор *Г. Ф. Скачков*

Технический редактор *И. Г. Крейс*

Корректор *И. П. Красовитова*

A03259. Сдано в набор 23/V 1968 г.

Подписано в печать 17/VII 1968 г.

Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л.

9,66+0,215 вкл. Уч.-изд. л. 9,47+0,39 вкл.

Тираж 24 000 экз.

Издательство «Международные отношения»
Москва, И-90, Мещанская, 7.

Зак. № 1075

Ярославский полиграфкомбинат
Главполиграфпрсма Комитета по печати
при Совете Министров СССР, Ярославль,
ул. Свободы, 97.

Цена 61 коп.

Под звуки фашистского марша

Завоеватели прибыли на Украину.
Генерал Мессе обходит строй

Фюрер и дуче принимают парад
итальянских частей около Умани

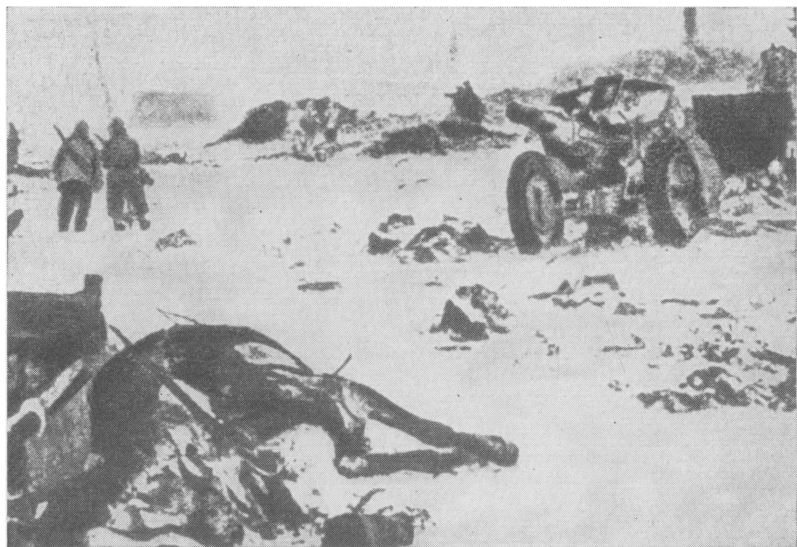

Так началось «возвращение» итальянцев на родину

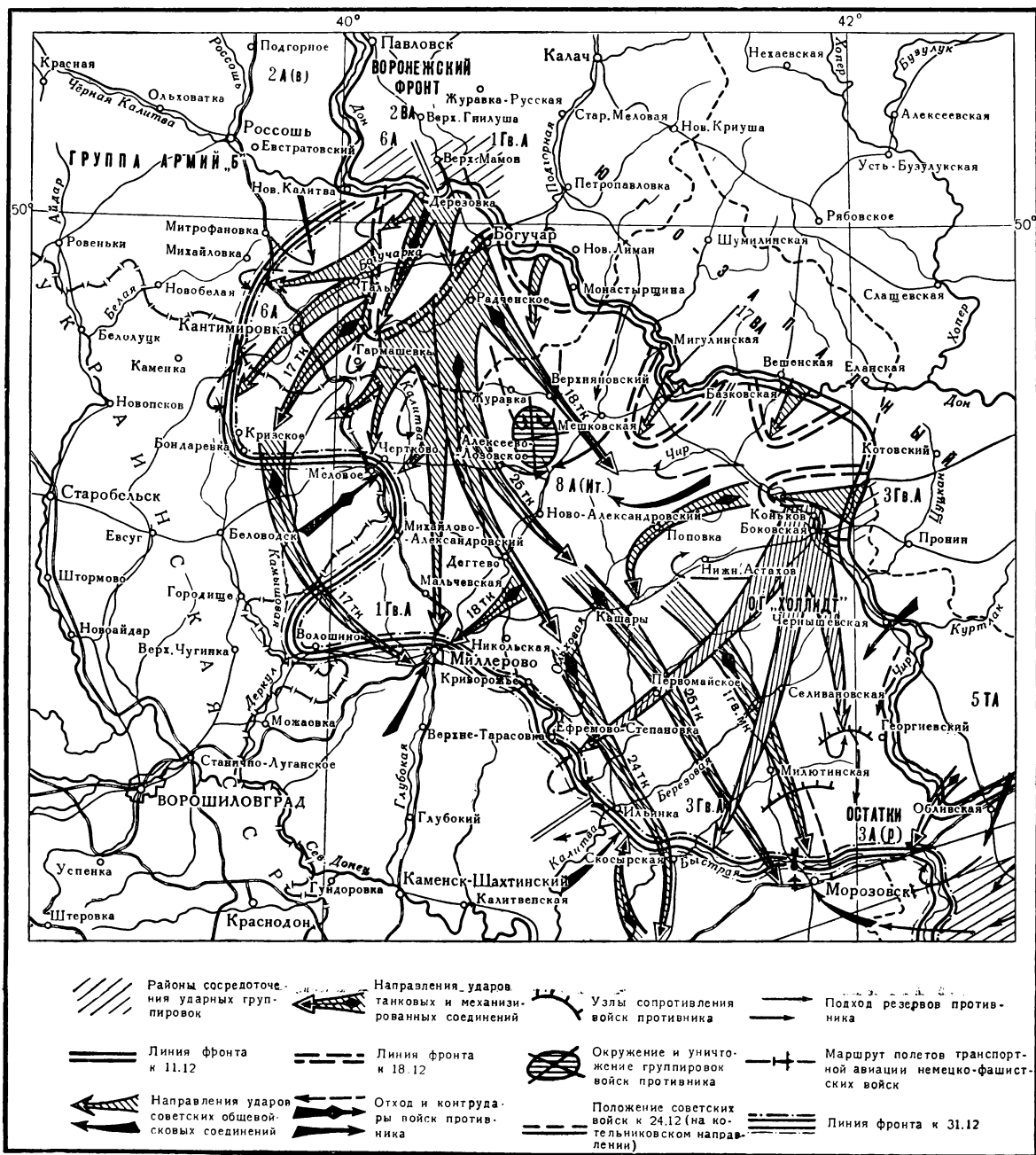
Эти беспорядочно движущиеся толпы недавно были отборными дивизиями итальянской экспедиционной армии

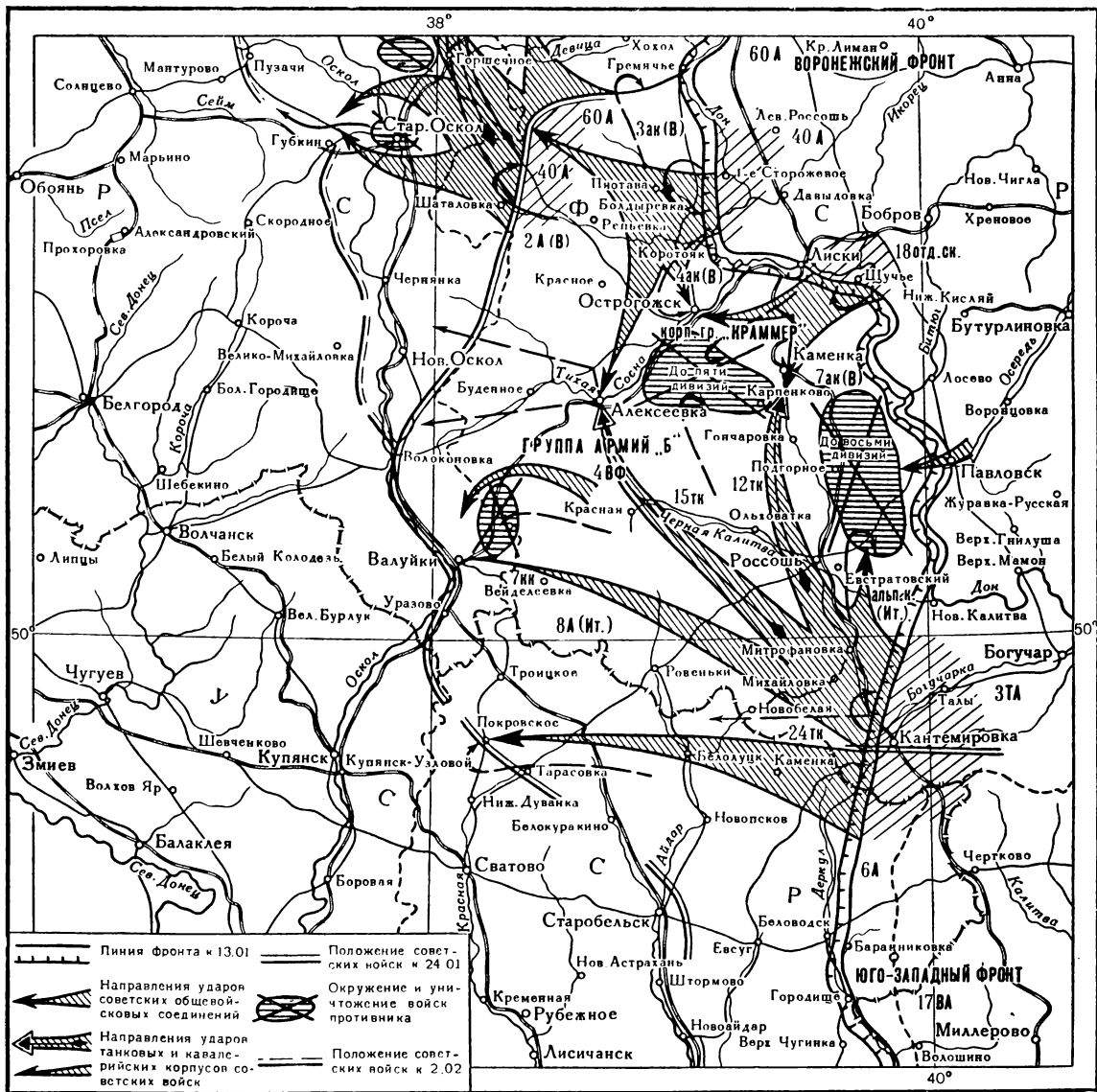

Завершение похода

Развитие контрнаступления советских войск под Сталинградом.
Декабрь 1942 года

Наступление советских войск на Верхнем Дону.
 Январь — февраль 1943 года

61 к.

